ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Попадьева Татьяна Игоревна

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ)

Специальность – 23.00.02 –
политические институты, процессы и технологии (политические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
профессор, доктор политических наук,
профессор кафедры
Сравнительной политологии МГИМО
Е.Г. Пономарева

МОСКВА
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА I ... 25

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ... 25

1.1. Концептуализация и операционализация основных понятий ... 25

1.2. Балканский случай: история межнациональных отношений народов Боснии и Герцеговины и Северной Македонии ... 35

ГЛАВА II ... 46

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ ... 46

2.1. Гражданская идентичность на пост-югославском пространстве: краткая история вопроса, методы и понятия анализа ... 46

2.2. Политика формирования гражданской идентичности в пост-югославский период: общее и особенное в конструировании институтов гражданского участия в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии ... 51

ГЛАВА III ... 71

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ ... 71

3.1. Режимы гражданства и модели формирования гражданской идентичности в Боснии и Герцеговине как механизм преодоления этнополитических конфликтов ... 71

3.2. Режим гражданства как попытка преодоления этнополитической конфликтности в Северной Македонии ... 88

3.3. Сравнительный анализ процессов формирования гражданской идентичности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии ... 106

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 128

БИБЛИОГРАФИЯ ... 133

ПРИЛОЖЕНИЯ ... 150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена, с одной стороны, тем, что в современных условиях «этнический фактор» все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих этничность как важный мобилизационный ресурс публичной политики, позволяющий ведущим игрокам решать те или иные задачи. С другой – активизируются процессы поиска основ для конструирования гражданской идентичности, что особенно актуально для полиэтничных обществ, исторически формировавшихся на стыках культур и религий и обладающих высоким потенциалом конфликтности (Балканы, Ближний Восток, Кавказ, Центральная Азия). Однако анализ соответствующей политической практики представляется неполным как в контексте этнополитической конфликтологии, так и в контексте изучения процесса формирования гражданской идентичности в мультиэтничных политиях.

Исследование формирования институтов гражданского участия и гражданской идентичности в одной из реперных точек мировой политики – на Балканах – позволяет не только выявить рабочие механизмы политической социализации представителей этнически неоднородных обществ (что в перспективе может стать залогом экономического роста, повышения качества жизни, способствовать развитию нации как культурно-ценностной единицы общей политической рамки), но и дать обоснованные рекомендации по корректировке внешнеполитического курса Российской Федерации на Балканах. Выбранные для анализа кейсы – Босния и Герцеговина (БиГ) и Северная Македония (СМ) – представляют особый интерес для политической науки, поскольку после распада Югославии именно в БиГ и СМ этнические противоречия оказались наиболее политизированными, что определяет незавершенность процесса нациестроительства.

Степень разработанности проблемы. Существующий корпус научной литературы по проблемам формирования гражданской идентичности вообще и случаев БиГ и СМ в частности, а также по вопросам взаимосвязи этнополитической конфликтности и процессов формирования гражданских институтов, который будет использоваться в данном исследовании, целесообразно сгруппировать следующим образом:

I. Решение поставленных целей потребовало обращения к работам, определяющим теоретические и методологические основы идентичности и связанных с данным понятием концепты. Среди актуальных исследований можно выделить труды А. Бадью, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ж. Лиотара, М. Фуко, Э. Эриксона[1]. В ряду российских ученых данным вопросом в разное время занимались и занимаются И.М. Бусыгина, Л.М. Дробижева, И.В. Кудряшова, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, И.С. Семененко[2].

Проблематика этнополитической конфликтности и ее влияния на формирование идентичности в диссертации освещается также с опорой на работы В.А. Авксентьева, А.Р. Аклаева, Т.Р. Гарра, Д. Горовица, Н.М. Губогло, Л.М. Дробижевой, К. Корделлa, В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева и других[3]. Анализ

---

[1] Бадью А. Мета-Политика: Можно ли мыслить политику?: Краткий курс метаполитики. М.: Логос, 2005; Барт Р. Драма, поэма, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000; Бодрияр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры**.** М.: Республика, 2006; Гваттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Кн. 1. ЛГУ, 1991; Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург: Деловая книга, 1998; Деррида Ж. Позиции. М.: Академический проект, 2007; Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. Спб.: Алетейя, 2001; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 2006; Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. IX . New York: Basic books, 1973; Levi-Strauss C. Anthropologie structurale deux. Paris: Plon, 1973.

[2] Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И. С. Семененко. 470 с.; Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. М.: МГИМО-Университет, 2007; Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный Текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 4.

[3]Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Российская цивилизация: обретение идентичности// Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2014. № 10 (297). С. 16-27; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь: изд-во СГУ, 2001. 267

современных политических систем дается в работе на основе признанных классическими исследований Г. Алмонда, А. Лейпхарта, Х. Линца, С.М. Липсета, А. Пшеворского, С. Роккана, А. Степана, Ф. Шмиттера и других[4]. Ряд аспектов исследуемой проблематики потребовал обращения к работам С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, Ю.В. Бромлея, О.В. Борисовой, Л.Н. Гумилева, Д.В. Драгунского, А.Г. Здравомыслова, В.И. Козлова, Г.И. Марченко, Е.Ю. Мелешкиной, Д. Мойнихана, А.В. Носковой, А.А. Сусоколова, Ж.Т. Тощенко, С.М. Хенкина, В. Цымбурского и др.[5].

с.; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. 480 с.; Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 367 с.; Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2010. 280 с.; Горовиц Д. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2. С. 30–37; № 4. С. 49–54; № 6. С. 35–41; Дробижева Л.М. Социология межэтнической толерантности. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 31–52; Колосов В.А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. 1998. № 3. С. 95–106; Крылов М.П. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011. С. 147-153; Лапкин В.В. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012. С. 16–41.

[4]Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия // Полис. 1997. № 5. С. 9–30; Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000. 320 с.; Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2 С. 14–22; Lijphart A. Negotiation Democracy versus Consensus Democracy: Parallel Conclusions and Recommendations // European Journal of Political Research. 2002. № 1. P. 107–113; Stepan A. Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a «State-Nation» Model as well as a «Nation-State» Model? // Government and Opposition. 2008. № 1. P. 1–25.

[5] Арутюнов С.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник / С.А. Арутюнов Д.А. Сергеев / отв. ред. Л.А. Файнберг. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014.; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л М Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. 474 с. С. 29-38; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.; Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. М.: Наука, 1991. С. 14-43; Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // ПОЛИТЭКС. 2020. Т.16. № 1. С. 78-100; Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 45-54; Мелешкина Е.Ю. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. № 58. С. 306-321; Носкова А.В. Этносоциология: Учебное пособие / А.В. Носкова, М.И. Вершинина. – М.: ВУ, 2012. – 183 с.; Носкова А.В. Когда заканчивается толерантность и начинается мигрантофобия

Среди зарубежных ученых, разработки которых существенно повлияли на осмысление этничности и этнического фактора в политике и становлении гражданской идентичности, стоит выделить Б. Андерсона, Ф. Барта, Р. Брубейкера, П. Ван ден Берга, К. Вердери, Э. Геллнера, Р. Дженкинса, Дж. Ротшильда, Э. Смита, Дж. Хатчисона, Э. Хобсбаума, Д. Горовица[6]. Сюда же тематически можно отнести группу исследователей и их трудов по изучению национализма. Это вновь Б. Андерсон, Дж. Брёли, Р. Брубейкер, К. Вердери, Э. Геллнер, М. Грох, Ф. Купер, М.Р. Лукас, Д. Мартин, Э. Смит и некоторые другие, а из числа российских – К.П. Боришполец, Л.М. Дробижева, В.В. Коротеева, В.С. Малахов, А.И. Миллер, М.А. Мунтян, Э.А. Поздняков, А.И. Тэвдой-Бурмули и другие[7].

II. Вторую группу составляют работы, в которых разрабатываются и актуализируются подходы к пониманию природы конфликта в современных международных отношениях. Проблематика конфликта трудно (если вообще)

[Электронный ресурс] // Демографические исследования. – 2011. - № 11. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1860; Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение, №5, 2016; Хенкин С.М. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М.: МГИМО. 2011. 380 с.; Хенкин С.М. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. 2015. № 2. С. 137-155; Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Демоскоп Weekly. 2016. № 679-680. С. 61-66.

[6] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.; Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. С. 9-30.; Van den Berglie P.L. Tehe Ethnic sjjün Phenomenon. N.V., 1981; Вебер М. Отношения этнической общности//Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 2. С. 8-21; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004. 632 с.; Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985.

[7] Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012. 651 с; Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 81–86; Brubaker R. Nationalist politics and everyday ethnicity in a Transylvanian town. Princeton; Oxford, 2006; Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, 2004; Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3; Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London, 2005; Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

отделима от вопроса использования значения этничности и религии в деструктивных общественно-политических практиках. В числе конфликтологов, к слову, преимущественно российских, отметим В.А. Авксентьева, В. Григорьянца, Л.М. Дробижеву, Ж.А. Зайончковскую, А.Г. Здравомыслова, М.М. Лебедеву, Л.В. Сагитову, И. Сампиева, А.А. Цуциева, а также авторов по проблемам сепаратизма: А.В. Авраменко, Б. Бэари, Дж. Данлопа, Ю.В Емельянова, Ж.-П. Кабестана, А.Б. Крылова и др.[8].

III. Третью группу представляет пласт литературы по проблемам развития балканского региона и конкретно Боснии и Герцеговины и Северной Македонии. Преимущественно труды данной группы рассматривают процесс распада Югославии, сложности и перспективы постконфликтного урегулирования в бывших югославских республиках, в частности, в БиГ и СМ. В этом контексте значительный интерес для диссертации представляют труды С. Аврамова, Дж. Вукадиновича, М. Ешича, И.И. Лещиловской, С.А. Романенко, П. Силича, Р. Стояновича, А. Улуняна, Д. Чосича, Б.А. Шмелева и других специалистов[9].

---

[8] Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. 368 с.; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии: учебное пособие. М., 1999; Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. СПб., 2000.

[9]Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или по ком звонит колокол? М.: Европа, 2005. С. 217–254; Ешич М. Сербы на Балканах в прошлом и настоящем. Размышления о судьбах одного из современных славянских этносов. СПб.: Алетейя, 2005. С. 360–387; Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 40–56.; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI вв. М.: Институт права и публичной политики, 2002. 624 с.; Улунян А. Балканы: между Европейским Сообществом и Россией // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М.: ИНИОН РАН, 2004. Вып. 2; Шмелев Б.А. Причины распада СФРЮ // Балканы между прошлым и будущим. М., 1995. С. 28–41; Avramov S. Postherojskirat Zapada protiv Yugoslavije. – Veternik: LDI, 1997. 460 s.; Goati V. Partije i partijski sistemi u Srbiji. Niš, 2004. 262 s.; Дедијер В. Демографска статистика 1991. Београд, 1993. 130 с.; Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. Београд: Просвета, 1989. 842 с.; Силић П. У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. – Београд, 1993. 402 с.; Стојановић Р. НАТО нећемо победити на суду // НИН. 12.08.2004. С. 24–25; Ћосић Д. Промене. Нови Сад, 1992. 313 с. Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки. Сборник статей. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2019. 336 с.; Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. (Балканские чтения. 15.). 190 с.; Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-

Особое место в исследовании становления новых государств на Балканах занимают работы Е.Ю. Гуськовой, не только посвященные причинам распада СФРЮ и последующим межэтническим войнам, но и обнародующие уникальные документы балканского кризиса и посткризисного развития[10]; Е.Г. Пономаревой, занимающейся анализом внутренних и внешних факторов, влияющих на процесс становления и развития государственности стран региона[11]; К.В. Никифорова, посвященные политической истории Балкан[12]. Для понимания исторических и социокультурных процессов формирования наций в этом мультикультурном и многонационально регионе потребовалось обращение к исследованиям Я.В. Вишнякова, Л.Я. Гибианского, А.Б. Едемского, Ю.В. Ивановой, П.Е. Канделя, Е.А.

политической жизни России в 1856-1875 гг. М., 2019.; Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Отв. ред.: С. Рудич, К.В. Никифоров. Белград: Donat Graf, 2018.

[10]Гуськова Е.Ю. Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). М.: Славянская летопись, 1993. 504 с.; Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.). М.: РАН ИНИОН, 1998. 68 с.; Гуськова Е.Ю. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. В 3-х тт. М.: Индрик, 2000; Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право/Русский Национальный Фонд, 2001. 720 с.; Гуськова Е.Ю. Босния и Герцеговина в геополитических планах великих держав: От аннексии до протектората. Баня-Лука: АНУРС, 2009. С. 161–174.

[11]Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО-Университет, 2010. 252 с.; Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 С. 64–76; Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 69–84.; Пономарева Е.Г. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 86–95; Пономарева Е.Г. Новые системы порождают новые проблемы // Международная жизнь. 2012. № 4. С. 172–178. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №2. С. 32-56; Пономарева Е.Г. Балканский рубеж России. Время собирать камни. М.: Книжный мир, 2018. 320 с.; Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности // Обозреватель. 2018. № 11. С. 63-76; Пономарева Е.Г. Восстание суверенитетов, или какое будущее ждет Европы на фоне глобального кризиса? // Цивилизация и вызовы времени: лекционный курс. М.: Фонд исторической перспективы, 2017. С. 227- 244.

[12]Никифоров К.В. Переформатирование этнического пространства бывшей Югославии в 90-е годы XX в. // Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб.: Наука Санкт-Петербург, 2009. С. 217–231; Никифоров К.В. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 735–764, 865–870; Никифоров К.В. Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812-1912-2012. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 65–78; Его же. Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII-XX вв. Ставрополь, 2015. С. 3–6.; Nikiforov K.V. Modernization mixed with nationalizm // Balcanica. 2014. №. XLV. P. 443–451.

Колоскова, Г.Г. Литаврина, Л.В. Кузьмичевой, С. Месича, Г. Милорадовича, С. Терзича, А.Ю. Тимофеева, М. Третьяковой, Ар.А. Улуняна, А. Шарого, А.Л. Шемякина, Е.Г. Энтиной[13]. Существенное значение для написания диссертации имели труды авторского коллектива Института славяноведения РАН[14].

---

[13] Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М.: МГИМО-Университет, 2012. 440 с.; Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. М.: МГИМО-Университет, 2018. 492 с.; Гибианский Л.Я. Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011, 588 с.; Едемский А.Б. Конфликт исторической памяти на периферии Евросоюза: хорватский праздник VS сербский траур // Между Брюсселем и Москвой. М., 2016. С. 299; Едемский А.Б. Неоосманизм как реальность современной геополитики // Проблемы национальной стратегии № 2 (11) 2012; Кандель П.Е. Злоключения «суверенитета» на Балканах // Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран: [монография] / [отв. ред. В. Б. Белов]. – М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2018. 204 с.; Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общест-ва в эпоху поселения на Балканах (VI—VII вв.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: "Наука", 1987. 224 с.; Кузьмичева Л. В. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и Сербия // Славянский альманах. 1997. №1996; Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 367 с.; Колосков Е.А. Страна без названия. М.: Инслав, 2013. 276 с.; Месич С. Как развалилась Югославия. М.: Альпина Паблишер, 2015. 394 с.; Терзич С. Старая Сербия. Драма одной цивилизации. М.: Вече, 2015. 480 с.; Романенко С.А., Улунян А.А. Концепции национальной безопасности внешней политики государств Западных Балкан. Преодоление конфликтности и евроатлантические перспективы. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2010; Третьякова М. Македония-2001: новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021. 376 с.; Шарый А. Балканы. Окраины империй. М.: КоЛибри, 2018. 448 с.; Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом»// Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. М., 2016. 408 с.; Энтина Е.Г. Балканы вчера и завтра // Современная Европа. 2016. № 1. С. 37-44; Энтина Е.Г., Коновалова Н.А. Переходные общества сквозь призму «греческой болезни» // Современная Европа. 2017. № 3. С. 62-71; Энтина Е.Г. «Ничья земля» Босния: что день грядущий нам готовит // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. 2016. Т. 9. № 3. С. 193-203.

[14] Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Средние века – начало Нового времени). Тезисы докладов. М.: "Индрик", 2003. 96 с. (Славяне и их соседи. XXI конференция памяти В. Д. Королюка. Москва, 27–28 мая 2003 г.); Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 400 с.; Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН : Индрик, 2021. 168 с.; Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.) / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. 526 с.; Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб: Алетейя, 2002. 480 с.; Югославия в XX веке. М.: Индрик, 2011. 888 с.

Несмотря на серьезный массив научной литературы, посвященный данной проблематике, исследование гражданской идентичности в сложных этнокультурных политиях, таких как Босния и Герцеговина и Северная Македония, является необходимым и важным как с научной, так и с практической точек зрения.

Гражданская идентичность в условиях большой сегментированности политических пространств и появления новых государственных образований выступает фактором двойной направленности. С одной стороны, данная идентитарная форма может способствовать преодолению этнополитической конфликтности и установлению политического и социального мира в мультинациональных странах. С другой – при непродуманной и, тем более, насильственной модели формирования гражданской идентичности очевидны риски дестабилизации. Успех политики формирования гражданской идентичности зависит не только от учета исторических реалий, но и бережного сохранения языковых норм, традиций и установок населяющих конкретную страну народов.

Таким образом, **научная гипотеза** исследования заключается в том, что в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии проводимая центром политика гражданской идентичности формирует рисковую модель развития, закрепляет и усиливает конфликт между населяющими страну нациями.

Цель и задачи исследования.

Основной **целью** диссертационной работы является определение содержания процессов формирования гражданской идентичности в государствах с «замороженным» этнополитическим конфликтом на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать феномен гражданской идентичности, обобщив имеющиеся научные достижения в данной сфере;
2. Исследовать существовавшие в разные исторические периоды в границах современных БиГ и СМ формы гражданской идентичности;

3. Провести сравнительный анализ режимов и моделей гражданства Боснии и Герцеговины и Северной Македонии;

4. Идентифицировать и систематизировать основные требования, цели и устремления субъектов политического процесса в БиГ и СМ, а также внешних акторов, влияющих на формирование гражданской идентичности в данных странах;

5. Определить эффективные инструменты политики создания гражданской идентичности в выбранных кейсах;

6. На основе сравнительного анализа процессов формирования гражданской идентичности в БиГ и СМ выявить общее и особенное данных процессов с позиции преодоления этнополитических конфликтов.

Объектом диссертационного исследования является политика государства по формированию гражданской идентичности в постконфликтный период в поликультурных и многонациональных обществах на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии.

Предмет исследования — гражданская идентичность как фактор преодоления/усиления этнополитической конфликтности в БиГ и СМ.

Исследовательский вопрос. Может ли политика формирования гражданской идентичности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии стать основой для преодоления этнополитической конфликтности в данных странах?

Теоретическая и методологическая основы исследования.

Базовые понятия диссертации находятся на стыке нескольких обществоведческих дисциплин, что определило необходимость соотносить разные теоретико-методологические принципы. Так, гражданская идентичность в работе понимается как форма самоопределения индивида через причастность к определенному государству, осознание себя наделенным правами гражданином определенного государства, что предполагает осознание ответственности за судьбу страны и вовлеченность в социальные взаимодействия. Иными словами,

«гражданская идентичность маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства»[15].

Именно такая трактовка определила дизайн данного исследования. Вслед за отечественными учеными в данной работе национальная идентичность, в отличие от гражданской, трактуется как форма самоидентификации, основанная на «чувстве принадлежности человека к национально-государственному сообществу, усвоение значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти»[16].

Под этничностью понимается форма социальной организации устойчивых групп, обладающих общими характерными для них признаками, посредством выполнения функций их консолидации и ориентации в нормативно-символическом пространстве цивилизаций[17].

В свою очередь опыт конструктивистов учтен и реализован при моделировании механизмов и процессов политизации этничности[18]. Конструктивизм позволили сделать акцент на лингвистических конструкциях и социальных дискурсах в процессе формирования идентичности и социальной реальности, что дало возможность определить конструирование гражданской идентичности в БиГ и СМ как фактор преодоления этнополитической конфликтности. Поскольку конструктивистский подход трактует этничность не как социобиологическую сущность, а как политический конструкт, использующийся для приобретения сторонников в межэтнической конкуренции, то

---

[15] Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 354.

[16] Идентичность: Личность, общество, политика..., С. 358.

[17] Попадьева Т.И. Формирование государственности в условиях этнополитической конфликтности (на примере Боснии и Герцеговины). Дисс. магистра. М.: МГИМО, 2018. С. 14.

[18] Алексеева Т.А. Химеры страны Оз: «культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3; Dessler D. Constructivism within a Positivist Social Science // Review of International Studies. 1999. Vol. 25. № 1; Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 2001. № 4.

этнополитический конфликт возникает не по причине ненависти одной этнической группы к другой, а из-за борьбы этнических групп за экономические или политические ресурсы[19]. «По мнению сторонников конструктивистского подхода, социальные конфликты встроены в такие когнитивные (познавательные) структуры, как идеология, национализм, этничность или религия. Эти структуры состоят из разделяемых смыслов, ожиданий и общего социального знания и дают акторам ценностно-заряженное восприятие себя и других, что в результате влияет на их стратегический выбор»[20]. С этой точки зрения, рассматриваемый в данных кейса этнополитические конфликты в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии есть столкновение этнических общностей, которое в значительной степени спровоцировано политическими лидерами для мобилизации своих сторонников[21].

Корни конфликтов в БиГ и СМ уходят далеко в историю и непосредственно связаны с территорией, культурой, религией и самовосприятием членов разделенных обществ, поэтому онтология конструктивизма позволила сформулировать изучаемую реальность как продукт разделяемых в этом обществе перцепций, ценностей, идей, практик и материальных факторов.

Инструменталистский подход задействован при анализе политической мобилизации этнических и этно-религиозных групп (прежде всего в контексте этнополитического конфликта).

Особая роль в диссертации принадлежит системному подходу, методологические основы которого в совокупности с принципом историзма позволяют рассматривать этничность в качестве системной целостности, состоящей из взаимосвязанных и часто взаимозависимых подсистем. Соответственно, этничность может быть осмыслена посредством категорий

---

[19]Brubaker R. Ethnicity without groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004. – P. 115-117.

[20] Кудряшова И.В. Этнополитический конфликт. URL: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131918.

[21] Попадьева Т.И. Формирование государственности в условиях этнополитической конфликтности (на примере Боснии и Герцеговины). Дисс. магистра. М.: МГИМО, 2018. С. 15-16.

«институты идентификации», «этническая система», «идентификационная система» с дроблением той на ряд взаимосвязанных подсистем: социально-экономическую, культурную и т.д. В этом смысле теоретической платформой стали исследования и теоретические обобщения отечественных авторов – Е.В. Морозовой, О.В. Рябова, Г.Л. Тульчинского и др.[22].

Обращение к парадигме идентитарных исследований позволило, с одной стороны, не выходить за рамки когнитивной карты понятий, используемых в современном научном дискурсе по проблемам идентичности. С другой – оно дало возможность определить особенности и эффективность политики идентичности в преодолении этнополитического конфликта в государстве. В частности, определенное влияние на формирование концепции и построение научной гипотезы оказали исследования таких отечественных авторов, как И.В. Кудряшова и И.С. Семененко, а также зарубежных ученых – М. Гурбиз, М. Кастельс, А. Нортон, А. Смит, Ч. Тилли и др.[23].

«Научное понимание и прогнозирование политических процессов особенно в условиях плюрализации и как следствие размытости критериев оценки требует формирования четкой понятийной рамки, что следует рассматривать не только, как conditio sine gua non (*лат.* непременное условие) исследования, но и как его суть»[24]. Такой подход лежит в основе фундаментального труда под редакцией О.В. Гаман-

---

[22] Морозова Е.В. Политика идентичности и образ «другого» в сепаратистском дискурсе (кейсы Страны Басков и Венето) // Символическая политика. 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 116-132; Пушкарева Г.В. Символические механизмы конструирования политических идентичностей // Символическая политика. 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 61-79; Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика. 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 41-60; Тульчинский Г.Л. Идентичность как проект: условия политического позиционирования личности // Символическая политика. 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 80-97. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/213603497

[23] Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание //Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. 992 с.; Norton Smith A.D. National Identity. Ethnonationalism in Comparative Perspective. Reno: Univ. of Nevada Press, 1991; Tilly Ch. Stories, Identities and Political Change. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 2002.

[24] Пономарева Е.Г. Сумма методологии // Международные процессы. 2019. № 2. С. 169.

Голутвиной и А.И. Никитина «Современная политическая наука: Методология»[25]. Именно эта книга стала прочным фундаментом данного исследования.

Анализ выбранных казусов осуществлялся также в русле рекомендаций Дж. Матца для сравнительного анализа сходных стран: была ограничена пространственная область, т.е. изучались только две страны пост-югославского пространства; использовался мультивариативный эмпирический анализ и делались обобщения среднего уровня; практиковался «аналитический эклектизм», т.е. в исследование включались культурные переменные вместе с социально-экономическими и институциональными. Кроме того, «избежать регионального провинциализма» исследования помогла методологическая, теоретическая и субстанциальная увязка с глобальными проблемами и тенденциями[26].

Методы исследования. В исследовании использованы методы сравнительного анализа, критический анализ документов, дискурс-анализ, а также метод кейс-стади. Кроме того, работа опирается на серию экспертных интервью и социологический опрос, проведенный среди молодежи в рамках гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31138 «“Новое прошлое” и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан». 20 вопросов на английском языке были размещены на специальной платформе (https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity) и разосланы в университеты БиГ и СМ, а также размещены на сетевых ресурсах. К настоящему моменту в опросе приняли участие 162 человека. Автор лично провела серию экспертных интервью с аналитиками, чиновниками, журналистами из БиГ и СМ[27], а также с

[25] Современная политическая наука. Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. 776 с.

[26] Martz J. Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance. Ed. by M. Dogan, A. Kasancigil. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1994. P. 239–259.

[27] Среди интервьюируемых лиц Надежда Кокотович, директор Брюссельского энергетического клуба, глава европейского представительства компании «НИС»; Арияна Чишич-Омерович – политический советник, Аппарат Высокого Представителя в БиГ; Небойша Савия-Валха – программный директор НПО «Nansen Dialogue Center Sarajevo»; Гордана Силяновска-Давкова – профессор права, кандидат в президенты от ВМРО-ДМПНЕ (СМ); Иванка Василевска – профессор Юридического ф-та "Iustinianus Primus" Университета „Св. Кирилла и Мефодия“

представителями российских посольств в Скопье и Сараево. Материалы интервью и сводные таблицы обработанных опросов будут приведены в приложениях к диссертации.

Источники, на которые в той или иной степени опирается диссертационное исследование можно разделить на несколько групп.

1. *Международные нормативные документы по вопросам гражданства*: Европейская конвенция о гражданстве 1997 г.[28]; Резолюция Генассамблеи ООН «Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств»[29]; Всеобщая декларация прав человека[30]; Международный пакт о гражданских и политических правах[31] и др.[32].

2. *Национальные государственные акты по вопросам гражданства*: Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г.[33]; Закон о гражданстве Боснии и Герцеговины 1997 г.[34], Конституция Северной Македонии 1991 г. (с поправками 2019 г.)[35], Закон о гражданстве Республики Северная Македония 1992 г. (с

(Скопье, СМ); Гордана Йович Стойковска, президент Сербской Общины в Северной Македонии, писатель, владелец издательства «Letter-love».

[28] Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 г. ETS №166. URL: http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets166.html

[29] Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств. Резолюция 55/153 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nationality.shtml

[30] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

[31] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

[32] Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве (12 апреля 1930 г.). URL: https://docplayer.com/40487299-Konvenciya-reguliruyushchaya-nekotorye-voprosy-svyazannye-s-kolliziey-zakonov-o-grazhdanstve-12-aprelya-1930-g.html; Конвенция ООН о сокращении безгражданства. Принята 30 августа 1961 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml;

[33] Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf

[34] Закон о гражданстве Боснии и Герцеговины 1997 г. URL: https://www.paragraf.ba/propisi/bih/zakon-o-drzavljanstvu-bosne-i-hercegovine.html

[35] Конституция Республики Северная Македония. URL: https://www.sobranie.mk/WBStorage/Files/UstavnaRmizmeni.pdf

поправками 2019 г.)[36], иные соответствующие законы и нормативно-правовые документы.

3. *Двусторонние договоры в сфере гражданства, декларации, совместные заявления глав государств*. Например, Договор о двойном гражданстве между Боснией и Герцеговиной и Югославией[37]; Договор о двойном гражданстве между Боснией и Герцеговиной и Республикой Хорватия[38]; Договор о двойном гражданстве между БиГ и Королевством Швеция[39]; Договор о двойном гражданстве между Республикой Македония и Черногорией[40] и т. д.

4. *Выступления официальных лиц БиГ и СМ, государств и международных организаций,* занимающихся вопросами гражданства на территории БиГ и СМ, по проблеме диссертации.

5. *Статистические и справочные материалы*: научно-методическая литература Центра изучения проблем гражданства и идентичности Института Философии РАН, ежегодные доклады статистических агентств БиГ и СМ, энциклопедии, сборники и справочники по вопросам гражданской идентичности, а также идентитарные исследования российских и зарубежных фондов на Балканах и др.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы.

Научная новизна работы состоит, во-первых, в том, что она является первым в отечественной политической науке исследованием, максимально полно и комплексно раскрывающем проблематику формирования гражданской

---

[36] Закон о гражданстве Республики Северная Македония. URL: https://web.archive.org/web/20110720161723/http://eudo-citizenship.eu/NationalDB/docs/MAC%20Law_consolidated_2004_mkd.pdf

[37] Уговор о двојном држављанству између СРЈ и БиХ // Службени лист СР. Међународни уговори. 2003. № 2/03.

[38] Уговор о двојном држављанству између БиХ и Републикој Хрватској. URL: http://mup.ks.gov.ba/sites/mup.ks.gov.ba/files/ugovor_dvoj._drz_bih_i_hrvatske_10-11.pdf

[39] Одлука о ратификацији Споразума о двојном држављанству између Босне и Херцеговине и Краљевине Шведске. URL: https://www.medijator-prnjavorac.com/Sporazum-o-dvojnom-drzavljanstvu-Svedske-i-Bosne-Hercegovine.pdf

[40] Договор меѓу Република Македонија и Црна Гора за двојно државјанство // Службен весник на Република Македонија. 2009. 31. 12. № 163.

идентичности в таких странах с этнополитической конфликтностью, как Босния и Герцеговина и Северная Македония в парадигме сравнительного анализа.

Во-вторых, комплекс теоретических подходов и методологических приемов, широкий круг источников и литературы, а также глубинные интервью и авторское социологическое исследование настроений и идентификационных оснований молодежи БиГ и СМ позволили сформулировать концепцию успешности/неуспешности формирования гражданской идентичности в решении этнополитических противоречий в исследуемых странах.

В-третьих, теоретическая значимость работы заключается в приращении нового знания в сфере идентитарных исследований на базе критического осмысления концепций конструктивизма.

В-четвертых, проведенное исследование доказывает, что инструментарий конструирования гражданской идентичности в этнически разделенных обществах позволяет как сдерживать этнополитические противоречия, так и активизировать их с новой силой в зависимости от интенций субъектов, которые данный инструментарий используют.

Соответственно, **научно-практическая** значимость данного диссертационного исследования определяется возможностью его воздействия, во-первых, на процесс принятия внутри- и внешнеполитических решений, затрагивающих интересы РФ; во-вторых – на сферу профессиональной подготовки кадров, планирующих и принимающих эти решения в нашей стране.

Теоретическая и практическая значимость работы. В исследовании обобщен и систематизирован накопленный российскими и зарубежными исследователями опыт теоретических обоснований самоидентификации народов балканского региона. Синтезированные актуальные выводы диссертации могут послужить основой как для дальнейших межотраслевых разработок по Балканам, так и для практического применения при выработке руководством Российской Федерации внешнеполитических и внешнеэкономических решений. Прежде всего, материалы и выводы могут быть полезны при разработке внешнеполитической

стратегии Министерством иностранных дел, Советом безопасности, соответствующими управлениями Администрации Президента РФ, комитетами Государственной Думы и Совета Федерации. Определенный интерес данные диссертации могут представлять для Россотрудничества в целом и для его региональных структур.

Кроме того, теоретические положения, основные выводы и эмпирические данные диссертации могут быть полезны при разработке учебных курсов по сравнительной политологии, мировой политике, политическому анализу и прогнозированию, политическим рынкам и рискам в высших учебных заведениях и структурах дополнительного профессионального образования.

Хронологические рамки диссертационного исследования определены ходом процесса становления государственности БиГ и СМ. Поэтому точкой отсчета анализа считается распад Югославии, начавшийся в 1991 году. В качестве завершающей стадии анализа определен 2021 год. При этом в целом ряде случаев для объяснения причин возникновения этнополитической конфликтности в изучаемых странах потребовался выход за данные хронологические рамки.

Область исследования диссертации соответствует паспорту специальности ВАК РФ, что отражено в следующих пунктах. В п. 2 *«Политическая система, ее структура»,* в частности, отражены такие проблемы, как «Государственная система. Государственная политика и управление. Виды государственной политики». П. 7 *«Роль религии в обществе»* содержит такие положения, как «Проблемы межконфессионального диалога». Из п. 8 «*Место политического процесса в системе общественных наук*» диссертации соответствуют следующие положения: «Социокультурные основания политического процесса. Субъекты и объекты политпроцесса. Структурные элементы политпроцесса, способы и механизмы их взаимосвязи и взаимодействия»[41]. Кроме того, область исследования соответствует таким приоритетным направлениям научных исследований МГИМО на 2021 год, как «Международные отношения, безопасность, политика», «Религии

[41] Паспорт ВАК, 23.00.02. URL: https://www.teacode.com/online/vak/p23-00-02.html

и новые идеологии как факторы международных отношений», а также «Роль культуры в современных МО. Культура и межкультурные отношения»[42].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этнополитическая конфликтность, характерная для таких балканских стран, как Босния и Герцеговина и Северная Македония, определена комплексом культурно-исторических, социально-экономических и политических факторов. Существенное влияние на формирование современной этно-национальной палитры данных государств оказали Средние века (закрепление православных традиций для славянского населения региона), имперский (вхождение в политическую рамку Османской Турции и Австро-Венгрии) и социалистический (СФРЮ) периоды.

2. Гражданская идентичность встроена в неиерархическое понимание личностной идентичности, в которой совместимы различные составляющие в зависимости от их ситуативной значимости. Процесс строительства гражданской идентичности – это путь сложения/наложения конструктов, в котором участвуют политические субъекты разного уровня, статуса и влияния. Цель политики формирования гражданской идентификации – создание общих представлений о государстве и его властных институтах, внедрение в сознание населения единых ценностных ориентиров. Ключевым актором процесса формирования гражданской идентичности является государство, использующее языковую политику, политическую символику и историческую память.

3. Гражданская идентичность в Боснии и Герцеговине, вопреки теории идентитарных исследований, не строится по принципу перевернутой пирамиды, когда государство признается суверенным субъектом политических отношений другими странами, является автономным и способным принимать самостоятельные внутри- и внешнеполитические решения, что существенным образом влияет на эволюцию у граждан чувства сопряженности с этим

[42] Приоритетные направления научных исследований МГИМО (2021). URL: https://mgimo.ru/science/research-areas/

государством. Поскольку в БиГ центральная власть крайне слаба (согласной Дейтонским соглашениям 1995 года страна управляется Аппаратом Высокого представителя), большинство сербов определяют свою гражданскую идентичность через один из энтитетов – Республику Сербскую. Среди хорватского населения БиГ наблюдается феномен двойственной гражданской идентичности – хорватско-мусульманский энтитет (Федерация БиГ) не воспринимается хорватами как единственное «общее» государство, поскольку многие хорваты связывают себя больше с гражданами соседней Хорватии. Для боснийских мусульман (бошняков) БиГ также не является единственным ядром объединения: на первый план чаще выходит религиозная идентичность и связь с другими странами с доминирующим мусульманским населением, принимающими активную роль в политической и экономической жизни БиГ (Турция, Саудовская Аравия и др.).

4. Формированию гражданской идентичности в Северной Македонии, как и в БиГ, также препятствует этнополитический фактор: для разрешения острой фазы конфликта в Македонии в 2001 году между этническими македонцами и албанским меньшинством структура македонского гражданства была реформирована, демократизирована и расширена, преимущественно в интересах проживающих в стране албанцев, что в результате привело к повторной этнитизации на всех уровнях власти и определило современное состояние «разобщенной нации».

5. Гражданская идентичность является инструментом, который может примирить две идентичности – государственную и этническую. Для этого необходимо повысить важность аспектов статуса гражданства, прав и равенства граждан, в то время как значение этнической и религиозной принадлежности нуждается в ослаблении. В регионе, который традиционно существовал и развивался в транснациональных рамках и социокультурных образованиях и структурах, таких как многоязычные империи или многоэтнические федерации, этнокультурные или религиозные аспекты всегда были важным аспектом социально-политической реальности. Поэтому существующие противоречия между этнокультурными и политическими аспектами не могут быть устранены

полностью, особенно, когда сложное экономическое положение двух стран, высокий уровень безработицы, коррупция и последствия пандемии Covid-19 мотивируют политиков и дальше использовать этническую повестку в своих тактических целях.

6. В Боснии и Герцеговине и Северной Македонии внешние субъекты сыграли решающую роль в принятии законов о гражданстве. Следовательно, в исследуемых кейсах имеет место прямое вмешательство международных организаций и их постоянный прямой надзор, что необычно по сравнению с большинством новых государств. Перспектива вступления в Европейский союз для БиГ и СМ может создать дополнительное давление на и без того хрупкую гражданскую идентичность, предлагая гражданам БиГ и СМ еще один сложный конструкт в виде европейской идентичности.

7. Проведенный на основе идентитарных и конструктивистских парадигм анализ кейсов Боснии и Герцеговины и Северной Македонии, позволяет сделать вывод о том, что поддержка государствами формирования гражданской идентичности основывается на отрицательной форме идентичности. Иными словами, механизмы политической социализации представителей этнически неоднородных обществ в странах, переживших острые фазы этнополитической конфликтности, строятся по принципу самоопределения через внутреннего «другого» («мы» – не такие как «они»), что не дает различным этническим группам чувствовать себя в полной мере гражданами одной страны. В то же время следует признать, что расширение гражданских прав по этническому (а также культурному и религиозному) признаку отчасти способствует снижению конфликтности, что в перспективе может стать залогом экономического роста, повышения качества жизни, способствовать развитию народов как мультикультурных единиц общей политической рамки.

Степень достоверности и апробации результатов

Ряд результатов диссертационного исследования представлен на всероссийских и международных конференциях, а также статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень рекомендованных ВАК РФ:

1. Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина: этнополитический фактор проблемной государственности / Е.Г. Пономарева, Т.И. Попадьева // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». – 2018. – №11 (346). – С. 63-76.

2. Попадьева Т. И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии / Е.Г. Пономарева, Т.И. Попадьева // Дискурс-Пи. – 2019. – №3 (36). – С. 98-119. DOI:10.24411/1817-9568-2019-10307.

3. Попадьева Т.И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 14(4). – С. 91-106. DOI:10.24833/2071-8160-2021-4-79-91-106.

4. Попадьева, Т. И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». – 2021. – № 10(381). – С. 54-66. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_10_54.

5. Popadeva T. Language Policy and Identity: The Case of Bosnia and Herzegovina / Popadeva T., Drazeta B. // Зборник Матице српске за друштвене науке [Matica Srpska Social Sciences Quarterly] – Novi Sad. – 2021. – № 180 (4/2021). – P. 653–668. (In Serbian) – DOI:10.2298/ZMSDN2180653P

Выступления на конференциях:

1. Попадьева Т.И. Босния и Герцеговина во внешней политике России: главный ключ к Балканам // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность: сборник докладов VI-й Всероссийской научной

конференции. Самара, 30 ноября 2018 г. / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. 134 с.

2. Попадьева Т.И. Этнический фактор формирования государственности (случай Боснии и Герцеговины) // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики. Материалы V Всероссийского Форума молодых политологов, Москва, 8 декабря 2018 г./ Под общей ред. И.А. Помигуева, Р.В. Савенкова, М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.

3. I Межрегиональный исследовательский конвент «Национальная и международная политика перед вызовами современности»; секция «Балканы между Россией и ЕС: проблемы, риски, перспективы» (Москва). Доклад: «Босния и Герцеговина между Россией и ЕС: определяющая роль этнического фактора» (Диплом об особом поощрении со стороны экспертной комиссии, организатор – РАПН, Совет Молодых Политологов).

4. Международная научная конференция «Наука и реальность» Босния и Герцеговина, Университет Восточного Сараево, 22.05.2021). Доклад: «Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины».

5. IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы». (Москва, МГИМО МИД России, 16-18.12.2021). Доклад: «Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии».

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Концептуализация и операционализация основных понятий

Объяснительной трактовкой «идентичности» мыслители и ученые озаботились еще в Древнем мире. Например, Аристотель в трактате «Категории»[43] искал условия, при которых можно не столько сравнивать два предмета или явления, сколько отождествлять их. Латинский корень «idem», ставший основой современного понятия «идентичность», обозначал «то же самое», неизменность вещей, их способность сохранять свою сущность даже при изменении внешних факторов[44]. Со временем понятийная сущность идентичности расширяется с понимания бытия вещей на бытие личности и начинает объяснять существование человека, его «самость», «самоотождествление».

Одной из первых попыток осмысления проблемы «личной идентичности» (personal identity) можно считать работы Дж. Локка. В сочинении «Опыт о человеческом разумении» он пересмотрел существовавшую ранее концепцию тождества. В главе «О тождестве и различии» («Of Identity and Diversity») английский мыслитель провел различие между идентичностью предметов (полная тождественность друг другу), и идентичностью личности (способности отождествлять с собой свои прежние состояния) [45].

Локк писал, что существование личности человека определяется у него наличием памяти и непрерывностью сознания. В понимании философа личность – «рациональное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время

---

[43] Аристотель. Категории. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 23-24.
[44] Лысак И.В. Идентичности: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: 2017. №38. С. 131.
[45] Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 380-384.

и в различных местах благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления, <...> благодаря этому каждый бывает “самим собой”, тем, что он называет Я (self), причем в этом случае не принимается во внимание, продолжается ли то же самое Я в той же самой или различных субстанциях»[46]. Вне зависимости от процесса старения и физического изменения человек, по Локку, не теряет свою идентичность (тождественность), поскольку его память фиксирует его действия в прошлом и дает осознания того, что это были именно его поступки. Получается, что от идентичности неодушевленных предметов идентичность личности отличается тем, что она не исключает изменчивости, но поддерживает идею преемственности сменяющих друг друга состояний.

В XIX – начале XX века ученые стали использовать понятие «самость» («Self») для обозначения основы личности, которая обеспечивает ее единство несмотря на внешние изменения. Социологи У. Джеймс[47], Дж. Болдуин[48], Ч. Кули[49], Дж. Мид[50] подчеркивали, что «самость» есть продукт социального взаимодействия. Так, Джеймс писал, что «самость» человека проявляется при приписывании себя к группе «своих» и противопоставлении себя группе «чужих»: «В результате указанных процессов индивид, с одной стороны, осознает свою принадлежность к определенному социальному окружению, общность с ним, с другой стороны, выделяет себя из этого окружения, понимая свою особость, самость»[51].

Американский философ и социолог Дж. Г. Мид был одним из первых, кто попытался категориально разложить понятие «самость». В структуре «самости» он выделил «Me» («меня») и «I» («я)». «Me» – это ценностные установки и нормы, которые формируются у человека в социуме и представляют собой социальные ожидания от индивидуума. Другим словами, «Me» – это социальный аспект

[46] Локк Дж. Опыт о человеческом разумении…, С. 387.
[47] James W. 1890. Principles of psychology. New York: Holt Rinehart and Winston, 1890.
[48] Baldwin J. M. Mental development in the child and the race. New York: Macmillan, 1906.
[49] Cooley Ch. H. Human nature and social order. New York: Scribner, 1902.
[50] Mead G.H. Mind, self, and society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
[51] James W. Principles of psychology…, P. 294.

«самости». В то же время «I» – это индивидуальная реакция требования и правила социума, проявление эмоциональной спонтанности, импульсивная реакция на социальное окружение. Можно сказать, что «I» отражает индивидуальность человека. «Самость» («Self») же, по Миду, представляет единство «Me» и «I», включая как социокультурный, так и индивидуальный аспекты, в сумме дающие единое целое[52].

Американский социальный психолог Ч. Кули, продолжая идею Мида о «самости», предложил «теорию зеркального Я» или концепцию так называемой зеркальной самости (looking-glass self). В своих работах он доказывал неразрывную связь социума и человека, выраженную во взаимозависимости: общество формирует личность, а личность конструирует общество. Частично этот подход был значительно раньше выражен известной ленинской фразой: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»[53]. В этом смысле теория «зеркального Я» основана на трех положениях: 1) во время социального взаимодействия личность способна представить, как она воспринимается другими членами сообщества, 2) личность может прогнозировать ответные реакции на свое поведение, 3) представление личности о самой себе зависит от проекции на себя представлений других личностей.

Кули пишет: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью... Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть, точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях ит. д., и это самым различным образом на нас воздействует»[54]. Именно в работах Кули впервые обосновывается идея врожденной конкуренции с другими: в условиях конкурентного взаимодействия с

---

[52] Mead G. H. Mind, self, and society..., P. 152-164.

[53] Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госиздат, 1963. Т. 12. С. 102.

[54] Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 320-321.

другими человек понимает, чем он отличается от других, выявляет свои характерные особенности и свои конкурентные преимущества.

Хотя указанные авторы не использовали само понятие «идентичность», выдвинутые ими идеи были применены исследователями, изучающими ее сущность.

Впервые термин «идентичность» появился в социологии в работах американских ученых Э. Гоффмана и П. Бергера. В 1963 году Э. Гоффман в монографии «Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью» вместо понятия «самость» ввел понятие «идентичность»[55]. В том же году П. Бергер в книге «Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива» использовал термин «идентичность» в отношении ролевой теории[56].

Настоящая популярность к «идентичности» приходит, когда термин входит в дискурс психологов и психиатров. В 1968 году американский психолог Э. Эриксон издает книгу «Идентичность: юность и кризис»[57]. В этой работе он определяет идентичность как непрерывность внутреннего тождества личности, которая создается в процессе развития и выполняющую адаптивные функции. Э. Эриксон предложил выделять три уровня личностной идентичности: индивидный, персональный и социальный. На уровне индивида идентичность есть представления человека о себе как о некоторой относительно неизменной данности (его физические/внешние данные, характер, прошлое и осознаваемые перспективы. На персональном уровне происходит ощущение человеком собственной неповторимости (его настоящее и уникальный жизненный опыт). На социальном уровне идентичность человека проявляется как внутреннее согласие с требованиями и нормами социума, в котором он находится.

Структурный подход открыл понимание социального времени, в котором человек меняется сам, а его представления о мире и о себе меняют социальную среду. Исследования менталитета в контексте исторической антропологии и

---

[55] Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice-Hall, 1963.
[56] Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
[57] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.

политической истории стали ориентировать политологов на поиски смыслов и мотиваций человеческого поведения путем интерпретации мировосприятия, представлений и стереотипов мышления в исторической ретроспективе. Изучение политической культуры[58] наметило пути экстраполяции этих подходов на анализ политического поведения на уровне национальных сообществ и групп в их составе.

Как отмечает И.С. Семененко, «приход категории идентичности в политическую науку из сферы психологии, социологии и социальной антропологии важен тем, что она позволила соединить индивидуальный и надындивидуальный срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей»[59].

Развитие теории политической идентичности в зарубежной и российской политологии уместно разделить на несколько периодов, которые совпали с социальными, экономическими и политическими вызовами в России и в мире[60]. Так, первая волна изучения политической идентичности западными политологами характеризуется исследованиями роли политической социализации в партийных предпочтениях граждан. С начала 1960-х годов наиболее значимым фактором в формировании политической идентичности считалась установка родителей в семье. Здесь можно выделить исследовательские проекты Ф. Гринстайна, Д. Истона, К. Дженнигса и Р. Ниеми и др.[61]. Основной гипотезой первой волны было следующее предположение: чем выше степень партийной

---

[58] Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

[59] Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. Ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 8.

[60] Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа/ Отв. Ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО, 2011. С. 18-24.

[61] Greenstein F.I. Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference and Conceptualization. Chicago, 1969; Easton D. The New Revolution in Political Science. The American Political Science Review. 1969; Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. 1969; Jennings M., Niemi R. The Transmission of Political Values from Parent to Child // American Political Science Review, 62(1), 169-184. 1968.

самоидентификации родителей, тем вероятнее сходства политических установок родителей и детей. Однако ученые признали, что при этом сложно выделить конкретные факторы, влияющее на преемственность политической идентичности – ее характер в большей степени признавался спонтанным.

С середины 1970-х годов идентитарные исследования все более подтверждаются мощной эмпирической базой. С развитием нового наднационального образования в Западной Европе ученые обращают внимание на формирование общеевропейской идентичности (работы Дж. Уэлша[62]) и на обратные глобализации процессы (работы М. Кастельса[63]). Кроме того, понимание идентичности расширяется и обрастает прилагательными (гендерная, профессиональная, религиозная, этническая и др.), и политологи пытаются связать различные социальные идентичности с политическим поведением людей[64].

В конце 1990-х – начале 2000-х годов ученые стали изучать, как политика мультикультурализма и толерантности влияет на формирование общеевропейской и национальной идентичности в разных странах Европы, разрабатываются практические рекомендации по проведению идентификационной политики[65].

---

[62] Welsh J.M. A Peoples' Europe: European Citizenship and European Identity. Badia Fiesolana, 1993.
[63] Castels M. Globalisation and Identity. A Comparative Perspective // Transfer. 2006. № 1. P. 62–63.
[64] Carter R.T., Helms J.E. White Racial Identity Attitudes and Cultural Values / Black and White Racial Identity: Theory, Research and Practice. Westport; London, 1990; Schlesinger Ph. On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized // Social Sciences Information, 1987, Vol. 26, N 2. P. 219–264.
[65] Risse T. The Euro between National and European Identity // Journal of European Public Policy. 2003. N 10 (4). August; Эмерсон М. Экзистенциональная дилемма Европы // Вестник Европы. 2005. № 15; Loth W. Identity and Statehood in the process of European Integration // Journal of European Integration History. 2000. № 6; Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004; Strath B. A European Identity: to the historical limits of a concept // European Journal of Social Theory. 2003. № 5. P. 387–401; Cerutti F. Towards the political identity of the Europeans: An introduction // A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Leuven, 2001. Vol. 1; Cerutti F. Constitution and political identity in Europe // Postnational constitutionalisation in the enlarged Europe: afoundations, procedures, prospects / Ed. by U. Liebert Baden-Baden, 2005.

В России внимание к проблеме идентичности носит скачкообразные характер. В начале 1990-х годов первое серьезное появления концепции в отечественном научном дискурсе было отмечено в исследованиях психологов и социологов в контексте соотнесения индивида с референтной группой, в оборот вводится категории «социальная дистанция»[66], через призму которой начинается изучение и политических ценностей личности.

Один из основателей социально-политической психологии в РФ Г.Г. Дилигенский в этот период начинается рассматривать российские архетипы и их проекции в современность[67]. В дискурсе появляется феномен «гетерогенной идентичности» при анализе формирования среднего класса в постсоветском обществе[68].

Вторая половина 1990-х годов для отечественных исследователей прошла под знаком региональной идентичности. Работы Р.Ф. Туровского, Л.Д. Гудкова, Е.Ю. Мелешкиной, Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанова[69] обратили внимание на специфику региональных политических режимов.

В этот период ученые обратились к феномену политической культуры, выделив самосознание этнической группы как один из факторов процесса

---

[66] Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995; Психология личности: новые исследования / Под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.

[67] Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Институт «Открытое общество», 1994.

[68] Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // Куда идет Россия. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 1997. С. 273-279.

[69] Гудков Л.Д. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах / Куда идет Россия? М., 1996. С. 318–327; Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. М., 1999. С. 87–136.

интеграции/дезинтеграции современных государств[70], а также в контексте глобализационных процессов[71].

На фоне обострения этнополитических конфликтов после распада СССР в конце 1990-х годов ученые стали пристально рассматривать политизацию этнической идентичности (В.А. Ачкасов, Л.М. Дробижева[72]). Уже в 2000-е годы феномен политической идентичности углубился за счет его связи с понятиями политической культуры, менталитета, представлениями индивида о своем месте в мире, в обществе и в государстве. В то же время представляется оправданным введение в оборот категории «политическая макроидентичность»[73]. Отсюда нельзя не согласиться с выводами И.С. Семененко в том, что «понятие национальной (национально-государственной) идентичности используется в публичном и научном дискурсах для обозначения коллективного отождествления с государством и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества. Национальная идентичность опирается на чувство личной сопричастности нации как значимому для самоидентификации сообществу с общими ориентирами идентичности. В обыденном сознании объектом самоидентификации может быть страна или иная очерченная реальной или

---

[70] Чагилов В.Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. М., 1999; Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // ОНС: общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 72–81; Идентификация идентичности: этнополитический ракурс. Т. 2. М., 1998; Кудрявцев И.Е. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. 1997. № 2. С. 77–94.

[71] Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока / Отв. ред. Л. М. Ефимова, Л.Б. Алаев. М., 1999; Иордан М.В. Этническая идентичность в контексте техногенной цивилизации: (Методологический подход) // Социальная теория и современность. 1993. Вып. 12. С. 26–32.

[72] Ачкасов В.А. Взрывающаяся архаичность: традиционализм в политической жизни России. СПб.,1997; Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М. Дробижева М.: Институт социологии, 1998.

[73] Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2; Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.

воображаемой границей территория, с которой связывается судьба нации как политической и культурно-исторической общности»[74].

Хорватский исследователь Д. Петрович, занимающийся формированием политических идентичностей в странах бывшей Югославии, в монографии «Анатомия идентичности»[75] выделяет следующие факторы политической идентификации:

1. *Сфера межличностных отношений:* Доминирующей единицей общества является семья. Семья обеспечивает материальное существование человека и является первым этапом социализации личности в группе и обществе. В семье существует значительная эмоциональная связь, которая обеспечивает высокую степень солидарности. Кроме того, в сферу межличностных отношений также можно отнести и самоидентификацию человека по гендеру, профессии, религии. По мнению Петровича, именно данные аспекты наиболее «загромождены» и парализованы политическими коннотациями (например, политическая борьба за равенство полов и появления различного религиозного фундаментализма в политической сфере).

2. *Сфера экономических отношений* также может удовлетворить потребность в идентификации и принадлежности к группе, классу, сообществу. В условиях рынка покупается не только «материальная потребность», но и личность. Интересно, что, согласно марксистской теории, классовая идентичность должна быть революционным интеграционным моментом. Однако ход истории доказал неуниверсальность этого утверждение: часто побеждала именно национальная, а не классовая идентичность – многие трансформации происходили внутри наций. Уникальным примером наднационального/интернационального характера классовой идентичности служит Великая Октябрьская социалистическая

---

[74] Семененко И.С. Концепт идентичности в изучении политики. Глава 19. Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 457.

75 Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta, Anatomy of identity: theoretical approach to identity // Etnološka istraživanja. 2006. № 11. S. 213-232.

революция[76]. Важно подчеркнуть, что экономическая сфера зависит от разделения и организации труда, технологического развития производительных сил, отношений собственности, распределения и количества капитала, финансовых операций и т.д.[77]. Именно поэтому экономическая сфера обеспечивает материальную основу для процесса идентификации отдельных лиц, групп, сообществ и государств.

3. *Сфера политических отношений*. Политическая идентичность строится по принципу перевернутой пирамиды: если государство признается суверенным субъектом политических отношений другими государствами, является автономным и способным принимать собственные политические решения, тогда идентичность государства (гражданская идентичность) перенимается и членами данного сообщества. В качестве примера можно привести гражданскую самоидентификацию сербов в Боснии и Герцеговине: поскольку центральная власть БиГ слаба и по Дейтонскому соглашению страна, фактически, управляется Аппаратом Высокого представителя, большинство сербов определяют свою политическую идентичность через один из энтитетов БиГ – Республику Сербскую.

4. *Сфера культурных отношений* включает язык, социальные нормы и обычаи, мысли и знания, религию, мифологию, общие воспоминания и «национальную» историю.

Проведенный анализ эволюции становления и развития понятия идентичности, в первую очередь политической, выявил, что в настоящее время нормой научного дискурса стало понимание неиерархического характера личностной идентичности, совместимости в ней разных составляющих и ситуативной значимости тех или иных из них. Внимание к индивидуальному «Я» (Self) в контексте текущего социального времени формирует актуальные нарративы идентичности. Саморефлексия вокруг таких нарративов и ее отражение в изменениях культурной нормы и в динамике институтов стали

---

[76] Беляев А.Т. Деконструкция номер 1917. Опыт декодирования данных и смыслов. М.: КМК, 2020. 263 с.

[77] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1952.

неотъемлемой характеристикой «текучей современности»[78]. Современное общество можно определить, по мнению Л.М. Дробижевой, как «пространство постоянно изменяющихся идентичностей»[79].

Таким образом, процесс формирования политической идентичности – это путь сложения конструктов, в котором участвуют различные политические субъекты. Цель политидентификации внутри государства – создание общих представлений о государстве и его властных институтов, внедрение в сознание граждан единых ценностных ориентиров. Ключевым актором данного процесса становится государство, использующее языковую политику, политическую символику и историческую память[80].

Как пишет О.В. Попова, политическую идентичность можно определить как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и проявляется в публичной сфере»[81].

1.2. Балканский случай: история межнациональных отношений народов Боснии и Герцеговины и Северной Македонии

Сепаратизм, сецессия, ирредентизм стали, по мнению многих аналитиков, «важнейшими характеристиками мирового политического процесса. Человечество

---

[78] Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.

[79] Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214-228.

[80] Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. 632 с.; Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 653-680; Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past / Ed. by Jan-Werner Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 288 p.

[81] Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 43-45.

вступило в новую эру своей истории, в рамках которой доминируют локальные и региональные идентичности и возникающие на этой почве этнополитические противоречия и конфликты»[82]. Одной из зон этнополитической турбулентности были и остаются Балканы, которые в свою очередь имеют конфликтное ядро – пространство бывшей Югославии.

«Вторая Югославия[83] была продуктом Ялтинских соглашений»[84]. При этом югославский проект был амбициозным экспериментом, поскольку он должен был объединить не только различные этнические страты, но и группы, занимавшие разные социально-политические позиции в новейшей истории, которые боролись друг против друга в период мировых войн, продвигая различные идеологии и национальные планы. В глазах югославских властей проблемой было не только и не столько этническое многообразие, сколько потенциальный рост националистических чувств, который без должного регулирования мог привести к этноцентричным претензиям и конфликтам. Как следствие, СФРЮ должна была быть основана на общих твердых принципах, способных узаконить многонациональную федерацию и создать общую основу для мирного сосуществования различных национальных общностей.

Этими ведущими узаконивающими принципами были антифашистская борьба и освобождение страны от иностранных оккупантов; социалистические идеалы, основанные на марксистско-ленинской идеологии; а также политика равенства, братства и единства между всеми югославскими народами, несмотря на их различия[85]. Тем не менее, среди партийных идеологов существовали некоторые противоречия, которые были связаны с интерпретациями марксизма и социализма.

---

[82] Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики / под ред. В.А.Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 103.

[83] В новейшей историографии «Третьей Югославией» называют Союзную Республику Югославию (апрель 1992 – февраль 2003). «Первая» – Королевство СХС, позднее Королевство Югославия (1918-1941), «Вторая» – социалистическая Югославия – ФНРЮ, СФРЮ (1945-1992).

[84] Пономарева Е.Г. Формирование государственности на пост-югославском пространстве: внутренние и внешние факторы. Дисс. д. полит. н. М.: МГИМО, 2010. С. 104.

[85] Lampe J.R. The Failure of the Yugoslav National Idea. Studies in East European Thought 46: 69-89. 1994.

С одной стороны, «государственники» (как, например, И.Б. Тито) считали, что Югославия должна оставаться государством с сильным центром. С другой стороны, антиэтатисты (например, Э. Кардель), утверждали, что, если бы не децентрализация, послевоенная Югославия не отличалась бы от предыдущей и от Советского Союза[86]. Действительно, после Второй мировой войны в стране была фактически создана институциональная и территориально-административная копия Советского Союза[87]. После раскола между Тито и Сталиным в 1948 году жесткий авторитаризм и централизм постепенно уступили место принципам децентрализации и рабочему самоуправлению. На международном уровне размежеванию с СССР способствовало Движение неприсоединения. По мнению сторонников либерализации режима, такая система помогла лучше определить идентичность Югославии, продемонстрировав «за границей и дома, что ее политическая система более созвучна истокам марксистской доктрины и, следовательно, более справедлива, свободна и равноправна»[88]. Однако либерализация югославского режима не предусматривала изменение территориально-административной системы, что и стало бомбой замедленного действия в рамках развития Второй Югославии.

СФРЮ была создана как федеративное многонациональное государство, в котором национальность была закреплена не только за территорией. В процессе государственного деления был нарушен принцип историзма и сербские земли вошли в состав несербских республик. Кроме того, начался активный процесс конструирования новой нации – боснийских мусульман. Во всех новых республиках в составе СФРЮ – в Словении, Хорватии, Сербии, Черногории, Македонии (исключением была лишь Босния и Герцеговина) – национальное большинство было более 50%. Такой внутренний этнический состав сделал СФРЮ

[86] Jović D. Yugoslavism and Yugoslav Communism: From Tito to Kardelj. In Yugoslavism. Histories of a Failed Idea 1918-1992, ed. D. Djokić. London: C. Hurst & Co. Publisher. 2003.
[87] Radan P. 1998. Constitutional Law and the Multinational State: The Failure of Yugoslav Federalism. UNSW Law Review 21 (1): 185-203.
[88] Malešević S. Identity as Ideology. Understanding Ethnicity and Nationalism. New York: Palgrave Macmillan. 2006. P. 169.

«одной из самых диверсифицированных структур среди европейских стран»[89]. Чтобы гарантировать крупным этническим группам особый статус в рамках федерации, большинство каждой республики признавалось базовой национальной (республику образующей) единицей. Таким образом власти удовлетворили идентификационные потребности групп, которые до недавнего времени были носителями антагонистических идеалов. Словенцы, хорваты, сербы, черногорцы, македонцы, а с 1971 года после принятия поправок в Конституцию[90] и боснийские мусульмане, были признаны народами не только в своих республиках, но и на всей территории Югославии. Группы с родиной за пределами Югославии, такие как албанцы, турки или венгры, были признаны народностями (национальностями), в то время как этническими группами считались цыгане (рома) и другие меньшинства[91].

Учитывая различия групп, проблемы идентичности и разделительный опыт гражданского конфликта во время Первой и Второй мировых войн, принцип социалистического равенства и ставка на общие славянские корни представляли собой лучшее решение проблем разделения и нестабильности[92]. С другой стороны, хотя это и казалось противоречивым, признание и защита этнонациональной идентичности групп – конституционно, институционально и социально – были необходимы для включения всех народов в процесс нациестроительства и получения их поддержки, а также для обоснования легитимности коммунистической власти.

Именно это стало идейным обоснованием политики «Братства и Единства» («Bratstvo i Jedinstvo») как необходимого условия функционирования многонациональной федерации, основы мирного сосуществования ее народов и

---

[89] Janjić D. Ethnic Conflict Management: The Case of Former Yugoslavia. Ravenna: Longo Editore. 12. 1997.

[90] Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии (Принята Союзной Народной Скупщиной 7 апреля 1963 г.). М.: Изд-во «Юридическая литература», 1966. 168 с.

[91] Отчет по научно-исследовательскому проекту «Балканские страны: дрейф осколков бывшей Югославии» (Сербия – Македония – Босния и Герцеговина). МГУ. Географический факультет. 2012. С. 32-33.

[92] Andjelić N. Bosnia-Herzegovina. The End of a Legacy. London: Frank Cass Publishers. 2003.

важнейшей характеристики югославского социализма. Хотя некоторые ученые утверждали, что подобная политика превратилась в «гражданскую религию». «Сплав мифов, квазирелигиозных символов, культов, ритуалов, верований и обычаев обеспечивали легитимность нации и убеждали людей в том, что система "хорошая"»[93]. Фактически идея «Братства и Единства» сводилась к конституционным гарантиям, направленным на обеспечение равенства групп и отдельных лиц.

Помимо политики «Братства и Единства» руководство СФРЮ апеллировало к принципу югославизма (Jugoslovenstvo). Он стал еще одним инструментом в борьбе с национализмом и сепаратизмом[94] с учетом этнического характера югославских республик. Югославизм был особым понятием, используемым для описания привязанности к Югославии (аналогией служит «новая историческая общность – советский народ»[95]); способствовал зарождению югославского самосознания, росту патриотизма. Однако, как показала последующая практика, эта конструкция не смогла создать югославскую национальную идентичность в полной мере. «Югославизм изначально не являлся конструктом, выстроенным вокруг идеологии социального противоборства, а в первую очередь был связан с борьбой за эмансипацию народов (…) Балкан, находившихся в составе имперских образований еще в 30-40-х гг. XIX в. Тем не менее, в контексте международного кризиса на Балканах до и во время Первой мировой войны наиболее значимую роль сыграл югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к этому государству Черногории), а во времена Тито под идеи югославизма активно подводился еще и мощный базис коммунистической идеологии. Однако такая политика осложняла процесс консолидации национальной идентичности в рамках квазигосударственного

[93] Perica V. Balkan Idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States. Oxford: Oxford University Press. 2002. P. 95.
[94] Keil S. Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina. Farnham: Ashgate; Pearson S. 2015. The "National Key" in Bosnia and Macedonia: A Historical Perspective // Nationalities Papers. 2013. № 43 (2). С. 213-232.
[95] XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I. М.: Политиздат, 1971. С. 101.

формирования»[96]. Подавление национальной идентичности привело бы к росту национализма, и титовское руководство не могло не понимать назревающие риски. Не случайно сербские и ряд отечественных специалистов называют Тито «последним Габсбургом на Балканах»[97]. По их мнению, он завершил процесс конструирования наций и разделения югопространства, начатый Веной еще в XIX веке. Хотя официально провозглашалось, что равенство различных этнических групп внутри СФРЮ – необходимое условие развития федерации, и до конца 1960-х каждая попытка институционализировать нации (или этническую принадлежность) рассматривалась как опасность.

Особый случай представляет процесс нациестроительства в Македонии и Боснии и Герцеговине как составных частях СФРЮ.

Истоки «македонского вопроса» уходят далеко в доюгославский период и вопросы «Что такое Македония?» и «Кто такие македонцы?» остается актуальным и по сей день[98]. Прежде, чем стать частью СФРЮ в 1944 году, географическая область Македонии находилась под различными юрисдикциями и входила в состав разных империй, которые пытались повлиять на способы идентификации жителей через «сербизацию», «болгаризацию» и «эллинизацию», в целом отрицая существование отдельной македонской нации. После Балканских войн (1912-1913 годов) географическая область Македонии была разделена на три части: Эгейскую, Пиринскую и Вардарскую Македонии, соответственно, под контролем Греции, Болгарии и Сербии. В 1918 году под властью короля Петра I Карагеоргиевича Вардарская Македония была включена в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия). Процесс «сербизации» привел к тому, что часть македонцев приветствовала болгарские оккупационные силы в 1941 году, но во время Второй мировой войны коммунисты во главе с Иосипом

[96] Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. №. 58. С. 310.
[97] Пономарева Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // Современная Европа, 2019. № 7. С. 164.
[98] Колосков Е. А. Страна без названия: Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013.

Брозом Тито получили контроль над Вардарской Македонией. Закономерным решением для коммунистического руководства было создание после победы Народной Республики Македония, что, по сути, стало фундаментом в строительстве македонской нации[99]. Одним из наиболее важных шагов в этом процессе была стандартизация языка и создание национальной истории. В то же время существование македонского языка никогда не признавала Болгария, которая считает его диалектом болгарского языка[100]. Югославские власти также способствовали появлению в 1967 году Автокефальной Македонской православной церкви, которая, однако, не была признана Сербией. По мнению С. Тробеста, «случай Македонии был исключением в Югославии, поскольку Македония была единственной союзной республикой, где югославские аспекты государственного строительства были особенно интенсивны»[101].

В Боснии и Герцеговине («Югославии в миниатюре») в связи с отсутствием титульной нации вопрос нациестроительства стоял острее, чем в других республиках. Если в отношении сербов и хорватов механизм формирования самосознания был понятен – через титульные нации соседних республик, то с этническими сербами, исповедующим ислам, было не все однозначно. В отличие от македонцев, их признание в качестве отдельной национальной группы произошло из уже существовавшего чувства отличия, особенно от сербов и хорватов. До конца 1960-х годов граждане БиГ могли идентифицировать себя при переписи населения как хорваты или сербы, «без национальности» или, позднее, как «югославы – национально неопределенные». В 1964 году мусульманский вопрос был вновь открыт[102], однако оставалась некоторая неопределенность из-за

[99] Piacentini A. Make Macedonia Great Again—The New Face of Skopje and the Macedonians Identity Dilemma // Reinventing Eastern Europe—Imaginaries, Identities and Transformations / ed. E. Dogan. L.: Transnational Press London, 2019. P. 77-93.
[100] Отчет по научно-исследовательскому проекту «Балканские страны: дрейф осколков бывшей Югославии».., С. 25-27.
[101] Trobest S. Historical Politics and Historical “Masterpieces” in Macedonia Before and After 1991 // New Balkan Politics, 2003. P. 6.
[102] Ramet S.P. 2002. Balkan Babel. The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević. Boulder: Westview Press, 2002.

того, что именно религия играла центральную роль в формировании их национальной идентичности. Как отмечают отечественные специалисты, «мусульманская идентичность не тождественна исламской, однако значимость ислама как источника социально-политической идентификации и самоидентификации трудно переоценить. Как известно, ислам является не только религиозной, но и социальной системой. Его синтетическое начало нагляднее всего воплощается в шариате, который представляет собой не просто собрание норм мусульманского права, но путь нравственности и спасения»[103]. В 1971 году югославские власти ввели понятие «Мусульмане» (с большой буквы) для обозначения этнической группы. Однако «мусульмане» (с маленькой буквой) определяла религиозную общину верующих. Таким образом, название, выбранное для новой нации, вызвало некоторый дискомфорт среди нерелигиозных людей «мусульманского» происхождения. Кроме того, поскольку мусульманское население было в основном, хотя не исключительно, сконцентрировано в БиГ, Конституция 1974 года[104] признала Боснию и Герцеговину социалистической республикой, состоящее из трех (а не двух) титульных наций – сербов, хорватов и боснийских мусульман.

Боснийский и македонский кейсы национального строительства обращают внимание на два важных вопроса. Во-первых, это роль государства в развитии и продвижении идеи отдельных наций через конституционное и институциональное признание определенных групп и связанных с ними идентичностей. Во-вторых, важность и центральная роль этнонациональных проблем в СФРЮ. Формально логика решений Тито заключалась в том, что, если бы этнонациональные группы были признаны, имели одинаковый статус и были бы представлены в более крупном государстве, национализм не имел бы никаких причин для возрождения. Фактически, как показала дальнейшая история, несмотря на позитивное влияние югославизма в решении межэтнических противоречий, избежать

---

[103] Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный Текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 4. С. 351.
[104] Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград: Борба, 1974.

этнополитических конфликтов при распаде Югославии не удалось, а в новых государствах, образовавшихся после распада СФРЮ, вопросы конфликтов и противоречий, питаемых этнонациональной повесткой, до сих пор стоят крайне остро. Ряд отечественных ученых отмечают, «после распада крупных государственных образований (СССР и СФРЮ) новые независимые государства, появившиеся на их территории, столкнулись с целым рядом проблем национального и государственного строительства. Среди них – несогласованность границ различного рода (национальных, культурных, конфессиональных, экономических, политических), отсутствие согласия по поводу образующих государство и нацию вопросов, слабость управленческого аппарата, имперское институциональное наследие в способах организации власти и др.»[105].

Сегодня в БиГ и СМ идея конструирования гражданской идентичности рассматривается как один из возможных инструментов решения этнополитической конфликтности. Поэтому сравнительный анализ двух практик позволит выявить причины успеха или неуспеха этой идеи.

Сравнение возможно по ряду параметров. Во-первых, в изучаемых странах граждане социально разделены в зависимости от этнической принадлежности. В БиГ и СМ разные группы сосуществуют в одном государстве, и в обоих случаях группы различаются (хотя и с оговорками) по своему этническому, религиозному и языковому происхождению. Во-вторых, консоциативная модель демократии применялась в обоих случаях как постконфликтная мера, призванная снизить межгрупповую напряженность и способствующая продвижению демократических практик. Однако институционализация этнонациональности в обоих государствах привела к тому, что в странах появились почти исключительно этнонациональные политические партии, которые стремятся представлять и защищать только свои группы. Таким образом, БиГ и СМ являются ярким примером этнически разделенных обществ.

---

[105] Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. №. 58. С. 308.

В-третьих, обе страны относятся к слаборазвитым странам юга Европы, страдают от высокого уровня безработицы, коррупции и клиентелизма. Большинство социальных и политических институтов в них формируются по этническим критериям. Люди нередко устанавливают партикуляристские отношения с «влиятельными» членами основных политических партий, которые либо контролируют сферы госуправления и публичные компании через свои политические партии, либо владеют собственными частными компаниями. И наконец, что не менее важно, БиГ и СМ продолжают воспроизводить историческое наследие господства империй и в качестве федеративных единиц СФРЮ. Оба государства обрели независимость и впервые в истории стали суверенными государствами только после распада СФРЮ в 1990-х годах.

Помимо этих общих черт есть также несколько отличий, которые сыграли роль в формировании смыслов и функций этнонациональности[106] в разные периоды. Первое различие касается размера групп: в Северной Македонии, несмотря на значительное присутствие албанцев (и других меньшинств), этнические македонцы всегда составляли чистое большинство до такой степени, что во времена Югославии Македония рассматривалась как федеральная единица македонцев. В БиГ, напротив, ни одна из трех населяющих ее основных этнических групп никогда не была в большинстве.

Второе отличие относится к интенсивности конфликтов. Босния пережила катастрофическую войну, которая длилась с 1992 по 1995 год, а Македония покинула СФРЮ почти «без боя» и пережила короткий внутренний конфликт (около девяти месяцев) в 2001 году. Однако в обоих случаях насилие способствовало усилению значимости этнической принадлежности и дистанции между группами, что привело к негативным последствиям, особенно в контексте полного отсутствия общепринятых надэтнических форм идентификации. Нельзя не согласиться с И.В. Кудряшовой и Е.Ю. Мелешкиной в том, что «попытка решения

[106] Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. С. 308.

актуальных задач по консолидации центра и границ на территории новых независимых государств часто сопровождается воспроизводством имперских традиций доминирования одного или нескольких акторов, в новых условиях представляющих интересы центра. Национализаторская политика в этом смысле вполне соответствует интересам правящих элит, действующих во имя и от имени новой политической этничности»[107].

[107] Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 53.

ГЛАВА II
ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

2.1. Гражданская идентичность на пост-югославском пространстве: краткая история вопроса, методы и понятия анализа

Целью данной главы является анализ и сравнение режимов гражданства в республиках бывшей Югославии (Боснии и Герцеговине и Северной Македонии) для выделения правовых основ формирования гражданской идентичности (ГИ), а также определения политических и правовых практик, влияющих на формирование ГИ в изучаемых странах. Под «режимом гражданства» в данном случае подразумеваются законы, постановления и административная практика гражданства, т.е. комплекс механизмов и институтов, имеющих отношение к гражданскому статусу людей и определяющие уровень их политического гражданского участия[108].

Вопросы взаимоотношений между гражданином и государством охватывают правила и процессы, которые включают приобретение и утрату гражданства, статус «внешнего гражданства» или «квазигражданства», а также права и обязанности, играющие центральную роль в достижении полной принадлежности к сообществу. Однако данные вопросы при изучении кейсов БиГ и СМ невозможно выделить из более широкого контекста политического спора о том, кто является гражданином страны, ощущает себя причастным и почему. Другими словами, границы принадлежности носят не только внешний характер, но и имеют внутреннее измерение. Более того, режим гражданства определяется не только формальными правилами, но и неформальными идеологическими конструкциями, нарративами, верованиями и практиками, которые зачастую также важны.

В целом можно утверждать, что режим гражданства охватывает определенные ключевые индивидуальные и коллективные права, защищаемые

[108] Shaw J., Štiks I. The Europeanisation of Citizenship in the Successor States of the Former Yugoslavia: an introduction // CITSEE Working Paper. School of Law, Univ. of Edinburgh. 2010. Vol. 1. P. 5.

национальным и международным правом, например, права меньшинств и право на недискриминацию. Они существенно влияют на полноценное гражданское участие в жизни общества и государства, что особенно касается права не подвергаться дискриминации по признаку расы или этнического происхождения, пола и религиозной принадлежности. Это имеет место даже тогда, когда осуществление этих прав строго не ограничивается статусом гражданства или когда источник нормы, защищающей их, находится не в национальной конституции или законодательстве, а в международном праве.

Важно подчеркнуть, что понятие гражданства (citizenship) рассматривается здесь как понятие, относящееся к внутренним и внешним признанным связям между гражданином и государством. Нормативные условия для получения статуса гражданства, такие как выполнение требований регистрации, часто являются важными проблемами в регионах, где имели место конфликты, войны и насильственное перемещение, особенно в случае социально, политически и юридически маргинализированных групп, таких как, например, рома. Внутренне перемещенные лица и беженцы также испытывают трудности с получением статуса гражданства даже через много лет после окончания этнополитических конфликтов.

Таким образом, основной вопрос касается возможности использования режима гражданства в качестве центрального элемента в более широком политическом контексте формирования гражданской идентичности путем отражения, среди прочего, споров и конфликтов о гражданстве и смежных правах, особенно о праве на участие в политической жизни, между титульными «нациями» и меньшинствами, между «составляющими народами», политическими и идеологическими группами или просто гражданами. С этим, безусловно, связан вопрос о значении того факта, что все режимы в социалистической Югославии изначально имели одни и те же корни, поскольку режим югославского гражданства функционировал на двух уровнях: республиканском и федеральном. Другими словами, все существующие пост-югославские режимы гражданства развивались с

1945 года как правовые институты в рамках федерального режима гражданства, и все стремились после распада федерации присоединиться к Европейскому союзу, где также существует два уровня: национальный и союзный.

В дополнение к понятию режима гражданства, адаптированному для целей данного исследования, оказались полезными для дальнейшего уточнения статуса формальной принадлежности выводы из недавних теоретических и концептуальных исследований в области гражданства. Обычно в литературе предлагается трехсоставная основа для систематизации материала. Например, К. Йоппке подчеркивает разницу между гражданством, правами и идентичностью[109]. А. Винер использует триаду прав, подходов и ощущений принадлежности, чтобы наполнить содержанием понятие гражданства, понимаемого как формальная принадлежность к государству[110]. Разделение на три части Р. Баубока подразумевает формальную принадлежность, права и практики[111]. Наконец, Р. Беллами использует несколько иную триаду, которая включает права, чувство принадлежности и участие[112].

Триптих гражданской идентичности

К. Йоппке	А. Винер	Р. Баубок	Р. Беллами
Гражданство + Права + Идентичность	Права + Подходы + Ощущение принадлежности	Формальная принадлежность + Права + Практики	Права + Чувство принадлежности + Участие

[109] Joppke Ch. Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity // Citizenship Studies. 2007. № 11(1). P. 37-48.

[110] Wiener A. Citizenship Policy in a Non-State, Implications for Theory // A conference paper, 2nd ECSA World Conference on Federalism, Subsidiarity and Democracy in the European Union, Brussels, May 1994.

[111] Baubock R. Recombinant Citizenship, In: M. Kohli and A. Woodward, eds. Inclusions and Exclusions in European Societies, L.: Routledge, 2001. 38-58.

[112] Bellamy R. et al. Lineages of European citizenship: rights, belonging and participation in eleven nation-states. L.: Palgrave, 2004. P. 9.

Другие авторы акцентируют внимание на характере государства/государств, к которым принадлежит гражданин. Это является основой, например, для формулирования различных подходов к терминам нация, национальность и этническая принадлежность в разных частях Европы, проведенных Р. Брубейкером[113], а также для анализа сложных отношений между странами базирования и их гражданами в соседних государствах в треугольнике национальной родины, национализированных государств и национальных меньшинств[114].

Брубейкер также является одним из немногих аналитиков, осознавших важность политики гражданства в новых государствах, возникших после распада социалистических многонациональных федераций. Анализируя постсоветскую ситуацию, он выделяет три основные модели:

- ✓ новая государственная модель (гражданство основывается на месте жительства, как в большинстве постсоветских государств);
- ✓ восстановленная государственная модель (гражданство основывается на существовавших ранее государствах (как в Эстонии и Латвии);
- ✓ смешанная модель (Литва).

Ни одна из этих моделей, как будет показано далее, не может быть применена к пост-югославским государствам, ни к другим государствам, образованным путем выхода из федераций, таким как Чешская Республика и Словакия, которые также имели двухуровневый режим гражданства до выхода из рамки «общего государства»[115]. Исключением можно условно считать частично признанную «Республику Косово», где критерий проживания был принят в качестве критерия для предоставления нового гражданства.

---

[113] Brubaker R. Citizenship struggles in Soviet successor states // International Migration Review. 1992. № 26(2). Special Issue: The New Europe and International Migration. P. 269-291.

[114] Brubaker R. Nationalism Reframed, Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

[115] Рёдер Ф.Г. Откуда берутся нации-государства: Институциональные перемены в эпоху национализма (Реферат) // Политическая наука. 2008. № 4. С. 105–108.

В странах бывшей Югославии в ходе исследования были обнаружены ситуации, которые, по крайней мере, на первый взгляд, являются sui generis (лат. «не имеющий прецедентов»). Такие договоренности аналогичны отношениям между субъектом и государством в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии, где большая часть населения также имеет гражданство соседней страны или третьей страны. Однако, как пишет Баубок[116], возможно дальнейшее развитие и адаптация некоторых полезных концептуальных решений, таких как понятие кондоминиума, подразумевающее, что граждане самоуправляющейся территории одновременно находятся под юрисдикцией двух отдельных властей, что позволяет проводить сравнения и отмечать связи с новыми режимами гражданства в других частях мира, которые являются продуктом отделения и этнополитических конфликтов, например, в Африке и некоторых частях Юго-Восточной Азии.

Решающий исторический момент в разрушении Югославии – от первых шагов в конце 1991 года до провозглашения независимости Черногории и последовавшее в результате бомбардировок НАТО в 1999 году «отделение» частично признанной «Республики Косово» – породил пять новых режимов гражданства, которые заменили югославскую модель, объединив два уровня (республиканский и федеральный). В этом смысле первоначальное определение корпуса граждан новых государств было важным для формирования и укрепления новых режимов. В регионе, где ранее все были равными гражданами, это первоначальное обозначение должно было ответить на ключевые вопросы всех политических сообществ: Кто является гражданами новых государств, у которых есть все права и обязанности, гарантированные этим статусом? Кто является иностранцами и каковы ограничения в отношении этого статуса? Кто является лицами, которым разрешено проживание в стране на законных основаниях, каковы их права, как определены ограничения и каковы их перспективы стать полноправными гражданами?

---

[116] Baubock R. The Trade-Off Between Transnational Citizenship and Political Autonomy // Th. Faist and P. Kisvisto, eds. Dual Citizenship in Global Perspective: From Unitary to Multiple Citizenship. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2007. P. 69-91.

Постсоветские модели Брубейкера и прежде всего его модель нового государства, основанная исключительно на месте проживания на момент провозглашения независимости (так называемый «нулевой вариант»), не применялась ни в одной из республик-государств Югославии. В отличие от республик Советского Союза, бывшие югославские политии имели свои собственные республиканские режимы гражданства, отдельные законы о гражданстве и отдельные ЗАГСы со времен Второй мировой войны. В этом смысле все они применяли модель так называемой правовой преемственности. Это означало, что все граждане бывших социалистических республик автоматически становились гражданами новых государств. Однако это был не единственный принцип, который доминировал при первоначальном определении корпуса граждан. Во многих новых государствах в процессе получения нового гражданства были введены этнические предпочтения или другие ограничительные меры. В контексте открытых конфликтов и войн это коренным образом изменило правовой статус и сопутствующие политические, социальные и экономические права многих людей. Другими словами, там, где недавно существовали равноправные граждане, сформировались новые группы лиц с дифференцированным статусом, одни из которых получили новое гражданство, другие были исключены из него, а третья группа должна была подавать заявление о приобретении гражданства новообразованных государств.

2.2. Политика формирования гражданской идентичности в пост-югославский период: общее и особенное в конструировании институтов гражданского участия в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии

И. Штикс определяет этнический инжиниринг в контексте создания новых независимых режимов гражданства как сознательное использование правительствами и законодателями правовых средств и соответствующих административных мер для воздействия на этнический состав населения в пользу

создания большинства одной этнической группы[117]. Как пишет М.Н. Губогло, «плотность этнической идентичности по справедливости трактуется как взаимодействие взаимозависимых идентичностей и их сознательное сочетание...Конечный смысл множественности идентичностей лежит в русле учета различных точек зрения и норм поведения с участием представителей разных этнических, религиозных и региональных групп населения»[118]. Так, этнический инжиниринг, который применялся почти во всех государствах, возникших на пространстве социалистической Югославии, стал служить инструментом как *исключения*, так и *включения*. Его цель состояла в том, чтобы юридически, политически и практически максимально исключить представителей других этнических групп из нового корпуса граждан и в то же время включить представителей доминирующей этнической группы из страны происхождения, из-за рубежа, и, прежде всего, из соседних стран. Такой путь, по сути, был избран, чтобы на формальном уровне лишить граждан новых политий множественной и постоянно меняющейся идентичности, поставить знак «равенства» между этнической и гражданской идентичностью, тем самым предотвращая возможные противоречия на этно-религиозной почве.

Поскольку граждане одной этнической группы, проживающие за границей, смогли получить гражданство, двойное гражданство стало одной из основных характеристик новых режимов, независимо от того, охватывают ли данные процессы включение новых граждан (как в Хорватии с 1991 года и все больше и больше в Сербии с 2004 года), либо разделение (возможно, потерю) граждан в пользу соседних стран (Босния и Герцеговина в пользу Хорватии и Сербии, Черногория в пользу Сербии или, в некоторой степени, Сербия в пользу Венгрии и Северная Македония в пользу Болгарии).

---

[117] Štiks I. 2006, Nationality and Citizenship in the Former Yugoslavia: From Disintegration to the European Integration // South East European and Black Sea Studies. 2006. № 4. P. 484.

[118] Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 711.

Государства с хрупким этническим балансом вводят ограничительные меры и правила, предполагающие длительное пребывание на территории для получения гражданства (БиГ, Черногория, СМ). В этом контексте интересен пример Словении. Этнически однородная Словения, напротив, облегчает получение гражданства этническим словенцам за пределами своих границ, но делает все возможное, чтобы предотвратить трудовую миграцию, которая необходима для экономики страны (мигранты прибывают из бывших югославских республик, в основном из БиГ), ограничивая выдачу разрешений на работу и вводя строгие тесты на знание языка[119].

Можно предположить, что конечным результатом политики этнического инжиниринга станет существенное изменение национального состава граждан новых балканских государств: политика чисел будет работать на создание государств с одной титульной нацией, что дополнительно поддерживается этноцентрическими миграциями, которые начались после окончания этнополитических конфликтов на пространстве бывшей Югославии. Поскольку некоторые из основных прав каждого гражданина включают политические права, легко сделать вывод, что в контексте электоральной конкуренции большинства и меньшинства исключение из гражданства или включение определенных категорий является неотъемлемой частью электоральной динамики. В контексте этнической политики это означает исключение членов других групп как политических конкурентов, что часто приводит к прямому политическому исключению или невозможности получить гражданство.

Здесь можно попытаться предложить только общую категоризацию пост-югославских режимов гражданства, разделив их в соответствии с наиболее характерными чертами их становления и функционирования на *этноцентрические, полиэтнические* и *гражданские* (civic). Если сравнить законы о гражданстве, административную и политическую практику в Словении, Хорватии и Сербии в том виде, в каком они действуют сегодня, то можно квалифицировать их как

[119] Shaw J, Stiks I. (ur.) Drzavljani i drzavljanstvo posle Jugoslavije. Beograd: Clio, 2012. S. 24.

этноцентричные. Тот факт, что этническая группа, составляющая большинство, фактически владеет государством, приводит к выводу, что процесс натурализации облегчается для граждан той же этногруппы из других стран, а также отражается в формулировках, содержащихся в конституциях, государственных символах, политических нарративах и программах. Интересно упомянуть случай Сербии, в которой во время правления С. Милошевича Конституция республики закрепляла право получить гражданство Сербии за гражданами бывшей Социалистической республики Сербия и лицами, которые имели постоянное место жительства в ней. Однако политические меры против косовских албанцев, участие Сербии в войнах в Хорватии и БиГ, а также перемещение в Сербию этнических сербов-беженцев из соседних стран подтвердили, что практика оказалась важнее текста закона. С 2004 года и особенно после принятия новой Конституции в 2006 году.[120] Сербия также юридически подтвердила свой этноцентричный характер.

Македония с 1991 по 2001 год также вписывалась в этноцентричную группу. Однако после подписанного при посредничестве ЕС Охридского соглашения, формально положившего конец конфликту между албанскими повстанцами и правительством Македонии, сформировалось полиэтническое (точнее, биэтническое) государство, основанное на консоциативном соглашении между македонским большинством и сильным албанским меньшинством, составляющим, по разным оценкам, от 25% до 30% населения[121]. Босния же после Дейтона получила режим многоэтнического гражданства, во многом благодаря вмешательству извне. На практике это означает, что, хотя все граждане считаются

---

[120] Конституция Республики Сербии 2006 года // Службени гласник РС. 2006. № 98. URL: http://www.ustavni.sud.rs/page/view/139-100028/ustav-republike-srbije

[121] Последняя перепись была почти 20 лет назад – в 2002 г. Согласно ее данным, албанцы за последние полвека показали в Македонии стремительный рост. Если в 1953 г. их насчитывалось 162 524 чел., то в 2002 – 509 тыс. То есть прирост составил почти 347 тыс. или 3,5 раза. За это же время прирост македонцев – 437 тыс. (в 1953 г. – 860 699, в 2002 – 1 297 981) // Статистички годишник на Република Македониа. 2013. С. 58. URL: https://www.stat.gov.mk/Publikacii/PDFGodisnik2013/03-Naselenie-Population.pdf. В настоящее время некоторые албанские источники утверждают, что численность албанцев в стране приближается к 30%. Эта цифра представляется явно завышенной и является скорее всего фактором психологического давления на македонское большинство.

равными, политические практики этнически обусловлены, включая консоциативные соглашения, этническое голосование и квоты, этническое представительство и право вето. Важно отметить, что во время войны Босния приняла режим гражданства, который применялся ко всем бывшим гражданам Социалистической республики БиГ и который ввел либеральные правила для получения гражданства для лиц, проживающих в Боснии.

Рассмотрим выбранные казусы более детально.

Босния и Герцеговина

Институты боснийского гражданства, установленные Дейтонскими соглашениями 1995 года, подразумевают существование нескольких режимов и концепций гражданства в стране, что влияет на политическую жизнь и соблюдение прав человека. Определяющим фактором при изучении институтов гражданского участия является этническая политика страны. Кроме того, боснийское гражданство нельзя рассматривать в отрыве от постконфликтных соглашений, а также региональной политики, определяющей различные аспекты гражданства.

Вскоре после обретения независимости в начале 1990-х годов БиГ стала частью многоуровневого, сложного режима гражданства, наложение положений и принципов которого сказывалось на ее политических возможностях и различных результатах. При исследовании данного вопроса уместно считать, что боснийское гражданство как историческая данность рассматривается в контексте более широких, частично совпадающих и противоречивых представлений о гражданстве, формировании государства и нации, а не как самодостаточный прямой путь к гражданской идентичности. Чтобы изучить влияние развития боснийского гражданства на политическую практику, необходимо также обратить внимание на некоторые современные проблемы прав человека, уделяя особое внимание социальной изоляции неинституционализированных групп и положениям этноцентричного гражданства[122].

[122] Fruscione G. After the Nineties: A Never-Ending Political Transition. In: The Balkans: Old, New Instabilities. Ed. by G. Fruscione. 2020. P. 11-28.

В истории боснийского гражданства есть два этапа, которые важны для понимания современного корпуса дейтонского гражданства. Первый этап – нахождении Боснии в составе империй, где государственные проекты обеспечили более всеобъемлющие внешние рамки, в которых могла развиваться боснийская модель гражданственности. Прежде, чем стать республикой впервые в своей истории, в середине Второй мировой войны, Босния и Герцеговина была частью могущественных империй и Королевства южных славян: будучи частью Османской империи с 1463 по 1878 год, Австро-Венгерской империи с 1878 по 1918 год и Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее Королевства Югославия) с 1918 по 1943 год, Босния и Герцеговина не могла создать свои собственные современные институты или самостоятельно установить режим независимого гражданства[123].

Хотя зачатки гражданской идентичности и независимого гражданства начали развиваться во время австро-венгерской фазы, когда боснийская правовая принадлежность была частично установлена местными учреждениями, только на первых фазах социалистического периода был создан первый республиканский режим гражданства Боснии и Герцеговины[124]. Однако это гражданство имело особый характер и было интегрировано в более широкую политическую систему, основанную на федеративных (а затем и конфедеративных) отношениях между югославскими федеральными единицами и центром, что определило его политическое содержание. Наиболее характерной чертой режима гражданства, установленного и поддерживаемого во время СФРЮ, была его многослойная, часто двойственная природа (сосуществовании федерального и республиканского гражданства)[125]. Этот режим не только удовлетворял идеологии федерализма

[123] Imamović M. Bosnia and Herzegovina: Evolution of its Political and Legal Institutions, Sarajevo: Magistrat, 2006; Karčić F. Bošnjaci i izazov modernosti: kasni osmanlijski i habsburški period, Sarajevo: El-Kalem, 2004; Koksal Y. Rethinking Nationalism: State Projects and Community Networks in 19th Century Ottoman Empire' // American Behavioral Scientist. 2008. Vol. 51, № 10. P. 1498-1515.
[124] Sarajlić E. A Citizenship Beyond the Nation-State: Dilemmas of the ‘Europeanization’ of Bosnia and Herzegovina // CITSEE Working Paper. 2010. Vol. 9.
[125] Medvedović D. Federal and Republican Citizenship in the Former SFR Yugoslavia at the Time of Dissolution // Croatian Critical Law Review. 1998. Vol. 3, No. 1-2. P. 21-56.

югославских коммунистов и их пониманию роли государства в истории[126], но и предполагал, что Югославия как федеративное государство состоит из нескольких отдельных наций, культурно организованных вокруг республик, в которых они составляют большинство. Хотя эта конкретная логика не находилась на передовой повседневной политической практики в социалистической Югославии, она легла в основу структурной эволюции югославской политики в период с 1943 по 1991 годы. Решающим моментом в этой эволюции были конституционные изменения, которые установили конфедеративные связи между югославскими республиками как национальными государствами и проживающим в них этническим большинством. Новая конституция определила Югославию как сообщество «объединенных народов и их социалистических республик», и «народы» в данном случае понимались как этническая категория[127]. Такие конституционные положения дают возможность установить более тесные идеологические и практические связи между этнической принадлежностью и гражданством, практику, которая в итоге возобладает над политикой гражданства спустя годы после принятия этих положений.

Однако, в отличие от других республик, в которых в основном проживали народы большинства, юридическая принадлежность (республиканское гражданство) в Боснии и Герцеговине не подразумевала национальной или этнической идентификации с Боснийской социалистической республикой. Причина заключалась в том, что БиГ фактически была единственным исключением из очевидного правила национального государства, которое сформировало югославские конституционные единицы, то есть это была республика без титульной нации[128]. Этническое происхождение боснийских граждан было смешанным и состояло из трех основных групп: боснийских мусульман (южные

---

[126] Jović D. Jugoslavija: država koja je odumrla: uspon i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974-1990). Zagreb: Prometej, 2003.

[127] Ibrahimagić O., Kurtčehajić S. Politički sistem Bosne i Hercegovi. Sarajevo: Magistrat, 2002. S. 48-53; Hayden R. Blueprints for a House Divided: The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. Michigan Univ. Press, 2000.

[128] Anđelić N. Bosna i Hercegovina: između Tita i rata. Beograd: Samizdat B92, 2005. S. 37-38.

славяне, преимущественно сербы и хорваты, принявшие в ходе османского господства ислам, позже стали называться боснийцами[129]), хорватов и сербов, а также многих представителей меньшинств, включая евреев, цыган (рома), венгров и других. Это исключение из правила способствовало созданию особой, но нестабильной республиканской и гражданской идентичности боснийцев. Однако сильная политическая идентификация общин с республикой БиГ отсутствовала, в первую очередь из-за единой федеральной системы и внутренней этнической неоднородности, но также из-за существования двух национальных республик по соседству с Боснией, которые боснийские сербы и хорваты считали элементы собственной идентификации. Эта этническая связь аннулировала правовую норму, установленную существованием отдельных республиканских гражданств, и устоявшиеся модели идентификации стали отличительными чертами войны в Боснии в 1990-х годах. Несмотря на то, что Босния и Герцеговина была равна другим республикам социалистической Югославии с точки зрения гражданства, ее соседи часто считали ее территорией, лишенной истинной гражданской идентичности из-за конфликтующих проектов этнического гражданства.

Если первая – югославская – фаза развития боснийского гражданства представляла собой многоуровневый политический и конституционный контекст, в который было «включено» боснийское гражданство, то на второй – «независимой» пост-югославской – фазе был введен единый и централизованный режим гражданства, установленный новым правительством независимого государства Босния и Герцеговина в 1992 году. Он был основан на концепциях исторической преемственности и Боснии как политического субъекта, что, среди прочего, поддерживалось ее более ранним статусом республики в социалистической Югославии. Это был первый случай в истории Боснии, когда в ней действовал режим гражданства, который не был ни интегрирован, ни ограничен более широким контекстом гражданства, а также не был внутренне

[129] Јевтић М. Од Исламске декларације до верског рата у БиХ. Друго допуњено и измењено издање. Прњавор. 1995. С. 24-29.

сложным и фрагментированным. Согласно современным параметрам, это был один из наиболее инклюзивных режимов гражданства в регионе с широким сочетанием требований jus soli (лат. «право земли») и jus sanguinis (лат. «право крови») для включения всех жителей этой страны на момент его принятия[130]. Однако этот режим гражданства просуществовал недолго и не смог добиться авторитета в определении гражданского тела и характера боснийского государства. Учитывая военный контекст (война в БиГ разразилась вскоре после того, как страна провозгласила свою независимость), этот особый режим распространялся на менее, чем половину территории Боснии, в то время как другие части находились под контролем сербских сил, которые хотели отделиться.

Практически одновременно с принятием официального режима гражданства, признанным на международном уровне, власти Республики Сербской установили параллельный режим гражданства, который распространялся только на территорию, контролируемую сербскими войсками. В отличие от официального, этот режим гражданства обладал многими чертами этноцентризма и исключительности титульной сербской «нации»[131]. В то же время, хотя война в Боснии с 1993 года создала дополнительный этнический раскол, с возникновением боснийско-хорватского конфликта и созданием отдельного и непризнанного международным сообществом хорватского государства (Хорватская Республика Герцег-Босна), никакого дополнительного хорватского режима этнического гражданства создано не было. Тому может быть несколько причин.

Во-первых, новый режим хорватского гражданства открыл свои двери почти для всех боснийских хорватов, чего сознательно добивались все правящие силы в Хорватии во главе с Ф. Туджманом, тогдашним президентом Хорватии.

---

[130] Muhibić E. Citizenship as Human Right in Bosnia and Herzegovina: Wartime and Current Practice // Croatian Critical Law Review. 1998. Vol. 3, №.1-2. P. 89-98; Citizenship and Prevention of Statelessness Linked to the Disintegration of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia // European Series. 1997. Vol. 3, № 1; June 1992. Geneve, UNHCR.

[131] Sarajlić E. A Citizenship Beyond the Nation-State: Dilemmas of the ‘Europeanization’ of Bosnia and Herzegovina // CITSEE Working Paper. 2010. № 9. P. 46.

Во-вторых, в отличие от сербского руководства военного времени, которое предпочло полное отделение от Боснии территорий, где доминируют сербы, и возможное объединение с Сербией, политическая цель хорватских игроков в Боснии и Герцеговине была более ориентированной на получение прибыли, нежели на сецессию, на внутреннюю реорганизацию Боснии и Герцеговины, чем на явное разделение. Внутренняя реорганизация, к которой стремилось хорватское политическое руководство в Боснии, включала создание трех этнических образований или республик в качестве составных элементов будущего федеративного боснийского государства, и хорватский энтитет обеспечил бы особые связи с соседней Хорватией[132].

Окончание войны в Боснии и Герцеговине сформировало новые уровни боснийского гражданства с новыми формами институционализации гражданства, задуманными и принятыми международными посредниками. Вовлечение международного сообщества в динамику боснийского гражданства во многом способствовало стабильности, придавая легитимность некоторым образцам гражданства военного времени, и тем самым создало сложное государство, уникальное не только для региона, но и для Европы. Тем не менее, это также создало основу, пытающуюся дать ответ на исторический дискурс этой страны сложными институциональными решениями и чрезвычайно сложным и запутанным режимом гражданства. Эти выводы подтвердили опрошенные в ходе интервью эксперты. В частности, Н. Савия-Валха говорит о том, что «люди БиГ разочарованы и подчас «возмущены» поведением политиков, они ощущают, что лишены политических и гражданских прав в связи со сложной и противоречивой системой гражданского участия в стране». (См. приложения).

---

[132] Sarajlić E. Conceptualising citizenship regime(s) in post-Dayton Bosnia and Herzegovina // Citizenship Studies. 2012. Vol. 16, Is. 3-4. URL: www.tandfonline.com

Северная Македония

Первое, что сразу бросается в глаза при посещении Северной Македонии – это соседство православных церквей и мечетей. Нечто подобное можно заметить и в Боснии и Герцеговине, однако население там этнически и лингвистически однородно: и христиане, и мусульмане в Боснии имеют славянское происхождение, а несмотря на разные названия языков в БиГ (сербский, хорватский, боснийский), для местного населения они являются взаимопонятными[133].

Совершенно иной этнический состав населения Северной Македонии: славяне составляют только 64%. Вторая по величине этническая группа – албанцы (25%), немалое количество турок также проживает в Македонии (около 4%)[134]. Более того, это данные переписи населения 2002 года, и с тех пор процентное соотношение по косвенным свидетельствам и по данным различных социологических служб, серьезно изменилось не в пользу славян, потому что рождаемость этнических меньшинств традиционно выше, чем у титульной нации.

Албанское население республики, составляющее национальное меньшинство, проживает на севере и северо-западе, а также частично в центральных регионах страны. Начало роста количества албанцев среди местного населения относится к периоду завоевания Балканского полуострова Османской империей в XV веке. Поскольку основной целью религиозной политики османского правительства было распространение ислама в регионе, санджак-беи (губернаторы) на местах насильно переселяли исламизированных албанцев на территории, где проживали южные славяне. Это привело к перемещению последних на юг и юго-восток современной Северной Македонии, а также способствовало их ассимиляции (т.е. албанизации и исламизации части славянского населения). Следующим фактором, повлиявшим на возникновение албанских анклавов в регионе, является отнесение части территории, на протяжении всей истории населенной этническими албанцами, к образовавшемуся

[133] Kapović M. Čiji je jezik? Zagreb: Algoritam, 2011. S. 130.
[134] Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005. С. 45.

впоследствии Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – территория Северной Македонии вошла в состав Королевства Югославия как Вардардарская бановина/провинция). Таким образом, население провозглашенной в 1944 году Республики Македония включало часть этнических албанцев, которые на тот момент по переписи 1948 года составляли 17,1% от общей численности населения[135].

В современной истории Северной Македонии албанское население значительно увеличилось в 1999 году во время так называемой «этнической чистки» албанского населения в Косово, в результате которой более 200 тыс. косовских албанцев получили статус беженцев в республике. Несмотря на то, что македонские власти настаивали на возвращении албанцев на родину после разрешения конфликта, значительная часть беженцев решила не покидать границы республики по соображениям безопасности, что привело к увеличению доли албанского населения на 2,5% к 2002 году. Таким образом, в настоящее время в 15 из 84 общин Северной Македонии после административно-территориальной реформы, проведенной в 2013 г., более 50% населения составляют албанцы. Следует отметить, что большая часть (по данным последней переписи – 20,41%) македонских албанцев проживает в столице Скопье, которая состоит из 10 общин. В муниципалитетах, расположенных на севере страны (Желино), на границе с частично признанной Республикой Косово (Липково, Боговинье), а также вблизи столицы республики (Арачиново) албанское население составляет более 90% населения. В остальных 11 общинах албанцы составляют от 54,5% до 84,4%. Эти административно-территориальные единицы расположены на севере и северо-западе республики, недалеко от города Скопье и на его территории[136].

Вторым по величине является турецкое национальное меньшинство,

---

[135] Bechev D. Historical dictionary of the Republic of Macedonia. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2009. P. 23; Stanford Sh., Ezel Sh. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 2: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808-1975 (11 ed.). Cambridge University Press. P. 208.

[136] Macedonia // Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: http://pop-stat.mashke.org/macedonia-ethnic-loc2002.htm

расселение которого в определенных регионах республики также является следствием исторического фактора – территориальной принадлежности современной Республики Северная Македония Османской империи на протяжении длительного периода. Доля граждан, определяющих себя как этнические турки, составляет 3,85% населения страны. Так называемые турецкие анклавы – это общины Центар-Жупа (80,2%), расположенная на границе с Албанией, и Пласница (97,1%)[137].

В свою очередь македонские сербы составляют 1,78% населения республики. Они компактно проживают на границе с Сербией (община Старо-Нагоричане, доля сербов составляет 19,13%) и в центральной части Северной Македонии (общины Росоман и Чучер-Сандево, доля сербов составляет 9,88% и 28,6% соответственно).

Православные христиане в Македонии составляют около 67%, мусульмане 30% (в отличие от самой Албании, где примерно треть населения исповедует христианскую веру, македонские албанцы почти все без исключения являются мусульманами). Поэтому даже в святых для православного населения местах, прежде всего в Охриде, где, по преданию, была создана кириллица, присутствие ислама можно увидеть невооруженным глазом. Достаточно пройти буквально сто метров от туристической части Охрида, чтобы оказаться в живописном турецком квартале, а в соседнем городке Струга преобладают албанцы: там даже счета в ресторанах на албанском языке[138].

Резкий рост мусульманского населения в Македонии был обусловлен массовой миграцией мусульман из Косово, Санджака, Боснии и Герцеговины. Только с 1951 по 1956 год из этих мест в Македонию перебралось около 20 000 жителей и более 50 000 мигрантов из Албании, которым югославское руководство предоставило гражданство СФРЮ в духе лозунга «Братство и единство»[139]. Тенденция поддерживалась также высокой рождаемостью в албанских семьях,

---

[137] Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005. С. 45-47.
[138] Matevska D. The relationship between the political and religious elite in contemporary macedonian society // Politics and Religion Journal. 2011. Vol 5, № 1. P. 129-140.
[139] Studija za regionalen razvoj na Republika Makedonija. Skopje: Development Fund Publ., 1992. S. 46.

которая за 40 лет привела к почти четырехкратному увеличению албанской общины в Македонии, концентрации албанско-мусульманского населения и геттоизации (изоляции) западной и северо-западной частей Македонии, где албанцы стали большинством[140].

Следует отметить, что албанский элемент в Македонии, как наиболее многочисленный и организованный, послужил основой для религиозной и этнической идентификации остального мусульманского населения республики. Произошла албанизация исламской религиозной общины Македонии: даже в социалистический период албанский язык заменил все другие языки в исламских богословских школах и мечетях[141]. Как пишут отечественные авторы, «в логике идентичностного подхода столкновение мировоззрений, которого трудно избежать мусульманам в постиндустриальных обществах Европы, ведет к появлению гибридной идентичности. В матрице такой идентичности (например, гражданина Великобритании, пакистанца по происхождению, мусульманина по вероисповеданию) новые социальные формы (комбинации ценностей, установок, предпочтений, факторов) не замещают старые, но соединяются с ними и переосмысливаются. Возникающие этикетки идентичности не являются «чистыми» или отчетливыми и продолжают переопределяться в зависимости от результатов новых практик»[142]. Интересно, что албанская этническая принадлежность не всегда связана с исламом, и в других странах региона есть православные албанцы и албанцы-католики. В Северной Македонии подобное религиозное разнообразие албанской общины является чисто номинальным. Так, в январе 2016 года была создана и официально признана государством религиозная община православных албанцев. Инициатором и основателем этой религиозной общины является профессор университета Б. Синадиновски, который в возрасте 60

---

[140] The World Factbook. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html

[141] Achkoska V. Idejata za ‘'Golema Albanija" i albanizacijata na Zapadniot del na Republika Makedonija // Vest – News. 2001. № 248.

[142] Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. №2. С.144.

лет публично признал, что он албанец. По его словам, идея создания Албанской православной общины (хотя и состоящей всего из десяти верующих) получила большую поддержку, потому что она создана для восстановления идентичности этой рассредоточенной этнической группы[143].

Кроме того, важно подчеркнуть, что сама природа ислама предполагает, что исламское сообщество должно формироваться как политическое сообщество[144]. Согласно исламскому учению, каждый мусульманин обязан бороться за распространение исламской веры до тех пор, пока весь мир не станет одним исламским государством[145]. Конечно, в этом контексте нельзя сказать, что албанская община в Северной Македонии (которая демонстрирует высокую степень религиозности) выступает за создание гражданской идентичности албанцев и македонцев. Эту идею поддерживают и респонденты проведенных автором интервью. В частности, Г. Силяновска-Давкова говорит о том, что «неоднородный характер балканских государств, т.е. этническая, языковая и культурная неоднородность, в условиях слабого экономического развития и нелиберальных систем держит страны под постоянной угрозой этнических и религиозных конфликтов» (См. приложения).

Конституции Македонии до и после 1991 года отражали многокультурную индивидуальность страны, но политика государства была направлена на развитие национальной идентичности Македонии. Хотя большая часть Конституции 1991 года следует гражданской модели государственного строительства, в преамбуле подчеркивается, что македонцы являются конституционной нацией нового государства, гарантирующей равенство с другими нациями[146].

Многие македонцы выступают против концепции гражданской

---

[143] Gjorgjevski G. Nurturing the Culture of Dialogue: A Macedonian Experience // Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society. 2020. P. 393.
[144] Jevtić M. Islam kao činilac političkog identiteta u bivšoj Jugoslaviji // Srpska politička misao. 2015. № 4. S. 173.
[145] Јевтић М. Политикологија религије. Центар за проучавање религије и верску толеранцију, Београд, 2009. С. 178.
[146] Конституција на Република Македонија од 1991 // Службени весник на Република Македонија. Скопје, 1991. С. 3–82.

идентичности. Об этом также говорили опрошенные в ходе интервью эксперты (См. приложения). Политики и интеллектуалы считают, что выживание македонской нации ставится под сомнение, если македонцы прямо не упомянуты в преамбуле Конституции. Как нация, македонцы веками боролись за выживание своего собственного национального государства. В то же время политические лидеры албанского меньшинства выступают за признание албанцев в качестве второго конституционного народа (по примеру трех составляющих народов Боснии и Герцеговины, единственного государства бывшей Югославии, не построенного по этноцентрической модели). Как отмечает Е.Г. Пономарева, «албанская политическая элита в Македонии пытается повторить успешный «косовский гамбит»: от автономии через сепаратизм и террористическую деятельность до провозглашения независимости. Ее действия направлены на создание параллельных политических структур в стране при сохранении единой социально-экономической сферы»[147].

Сегодня македонская идентичность часто формулируется в негативном контексте из-за отрицания данной идентичности соседними странами (Греция, Болгария, Албания и Сербия) и этнорелигиозного конфликта, который продолжается между македонцами и албанцами. Национальная идентичность включает язык, религию, государственность, название государства и нации. «Угроза» идентичности Северной Македонии со стороны Болгарии сосредоточена на языке, Сербии – на религии, Албании – на государственности, а Греции – на национальном названии и названии государства[148]. Переименование государства в Республику Северная Македония после 27-летнего спора с Грецией можно считать меньшим злом. Перспектива присоединения к ЕС, которую Греция заблокировала из-за названия, по мнению македонских политических элит[149] должна защитить страну от других внешних угроз. Интервьюируемые эксперты из Северной

---

[147] Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. 2010. №1. С. 138-172.

[148] Isaković Z. Identity and Security in Former Yugoslavia. Aldershot: Ashgate. 2000. P. 220.

[149] В Скопье рассказали, когда настроены решить с Грецией проблему наименования. URL: https://ria.ru/20180108/1512234695.html?inj=1

Македонии также сошлись во мнении, что гражданская идентичность граждан СМ находится под угрозой. В частности, Г. Силяновска-Давкова высказалась весьма эмоционально: «в результате Преспанского соглашения изменилось название государства Македония, существующее с 1944 года, чем разрывается связь между названием государства и нации. Произошли массовые изменения в названиях всех учреждений, таких как Македонская Академия наук и художеств, Македонский театр, Македонский балет, Македонская опера с удалением прилагательного. (…) Никогда раньше, ни во время восстания Илиндена, ни во время Второй мировой войны, македонцы не сражались за Северную Македонию!» (См. приложения).

Территория также имеет большое значение для нации. Нации существуют не только во времени, но и в пространстве, и важной частью национальной идентичности является эмоциональная связь с местом[150]. Таким образом, идентификации македонцев также мешает тот факт, что прилагательное «македонский» относится как к географическим границам, так и к этническим или национальным характеристикам. Понятие «Македония» – это территория, принадлежащая Болгарии (Пиринская Македония), Греции (Эгейская Македония) и Республике Северная Македония (Вардарская Македония, которая на 98% совпадает с границами современной Северной Македонии, а на 2% входит в состав Сербии). Используя прилагательное «македонский» в качестве регионального определения, греки и болгары могут идентифицировать себя с македонцами, не подразумевая национальной идентичности.

Говоря о внутреннем этнополитическом конфликте в стране, можно сослаться на К. Брауна, который считает, что причиной актуализации национальной идентичности на Балканах является тот факт, что люди здесь видят себя и других сначала как представителей определенной этнической и религиозной группы, а уже потом как граждан одной и той же страны или членов одной и той же культурной среды обитания[151].

---

[150] White G.W. Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe. Lanham: MD, Rowman & Littlefield. 2000. P. 13.

[151] Brown K. The Past in Question: Modern Macedonia and the uncertains of nation. Princeton: Princeton

Этнические македонцы и этнические албанцы сталкиваются с трудными вопросами: Кто такие македонцы? Кто являются представителями нации, а кто – меньшинством? Является ли албанское меньшинство частью нации? Албанцы выступают против определения себя меньшинства, считая его оскорбительным, потому что, например, в муниципалитетах Тетово, Боговинье, Липково, Зелино они действительно составляют большинство[152].

Этнические албанцы были представлены в парламенте еще в 1990 году и принадлежали к правящим коалициям с 1992 года, но они постоянно настаивали на своих требованиях быть составным народом государства. Здесь важно подчеркнуть, что все правительства с момента обретения государством независимости включали представителей албанской диаспоры. Однако этого для нее было недостаточно, в результате большую часть 2001 года Македония находилась в состоянии гражданской войны[153]. Македонско-албанский этнический конфликт обнажил потенциальную роль религии в разрешении конфликтных ситуаций, а также необходимость сотрудничества между различными религиозными общинами. В результате напряженных переговоров под сильным давлением западных правительств, включая США, было подписано Охридское рамочное соглашение, что привело к пересмотру конституции и сдвигу в сторону большего плюрализма[154].

Попытка формализовать гражданскую идентичность и уменьшить этническую конфронтацию была предпринята в рамках Охридского соглашения 2001 года, текст которого предусматривал создание гражданского государства на основе этнической принадлежности в нарушение ранее существовавшего чисто национального определения государства как македонской нации. Однако Охридское соглашение было неполным, поскольку касалось только

Univ. Press. 2003. P. 23.

[152] Kolekcija intervjua Srpsko-albanski odnosi: Pogled iz Albanije. ISAC Fond, International and Security Affairs Centre. S. 27.

[153] Третьякова М. Македония-2001: новый виток кризиса. М.: Индрик, 2021. 376 с.

[154] Mojzes P. From Crisis to Post-crisis in Macedonia // Occasional Papers on Religion in Eastern Europe. 2002. Vol. 4. P. 5.

неудовлетворенности албанской общины, но не предлагало решения, которое поддерживало бы «спорную» идентичность этнических македонцев. Охридское соглашение и внесенные в него конституционные изменения фактически только начали замедлять процесс формирования гражданской идентичности, уменьшая их важность в продвижении политической идентичности страны[155].

Вопреки ожиданиям международного сообщества, Преспанское соглашение[156] с Грецией крайне непопулярно в обеих странах. Эксперты отмечают, что «день, который был назван историческим, положил начало длинному списку нарушений верховенства закона и демократических принципов»[157]. В интервью ни один из экспертов не отметил позитивные стороны соглашений. Напротив, давление международного сообщества рассматривается македонскими экспертами как попытка уничтожить македонскую идентичность: «Это одна из наиболее деликатных проблем, связанная с тем, что эти два соглашения насильственно вторгаются и недобросовестно стирают идентичность государствообразующего народа и направлены на то, чтобы стереть существование македонской нации одновременно с разложением и деконструкцией македонского государства». Также эксперты отмечают, что «над македонским народом и над македонским государством проводится уникальный „этноцит“». (См. приложения).

Большинство этнических македонцев не поддержали соглашение. 30 сентября 2018 года был проведен референдум, в ходе которого у избирателей спросили, поддерживают ли они членство в ЕС и НАТО, приняв Преспанское соглашение. Явка избирателей составила около 37%, то есть менее 50% необходимого порога для того, чтобы считать голосование состоявшимся[158].

---

[155] Колосков Е. А. Страна без названия: Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 130-131.

[156] Final agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partner-ship between the parties. URL: http://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf.

[157] Vankovska B. A Diplomatic Fairytale or Geopolitics as Usual: A Critical Perspective on the Agreement between Athens and Skopje // OSCE Yearbook. 2018. P. 113-134.

[158] Македонцы провалили явку. Но страна продолжит путь в НАТО и ЕС // Коммерсантъ. 2018. 2 октября. №179. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3758177

В этом документе официально утверждается, что название страны указывает только на территорию (северная часть Македонии) и не имеет ничего общего с именем и идентичностью большинства населения, которое до сих пор остается непризнанным соседними Грецией и Болгарией, где из-за этого македонского меньшинства де-юре не существует. После Преспанского соглашения Болгария попросила Северную Македонию отказаться от утверждений о том, что в Болгарии существует «македонское» меньшинство, и прекратить заявлять о существовании македонской идентичности и языка[159].

[159] Antonompoulos P. Bulgaria Tells Skopje they must Drop Claim there is ‘Macedonian Language' to Join the EU. URL: https://greekcitytimes.com/2020/04/19/bulgaria-tells- skopje-they-must-drop-claim-there-is-a-macedonian-language-to-join-the-eu/

ГЛАВА III

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

3.1. Режимы гражданства и модели формирования гражданской идентичности в Боснии и Герцеговине как механизм преодоления этнополитических конфликтов

Действующие режимы гражданства в БиГ и ее сегментах непосредственным образом связаны с моделью постконфликтного урегулирования, вошедшей в историю как Дейтонские соглашения. Поэтому анализ процессов и специфики формирования гражданской идентичности в этой балканской стране следует предварить кратким историко-политологическим обзором.

21 ноября 1995 года произошло знаковое событие новейшей истории – на базе военно-воздушных сил США в г. Дейтон было парафировано Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские соглашения). Документ вступил в силу 14 декабря 1995 года после его подписания в Париже президентами БиГ, Хорватии и Союзной республики Югославии. Гарантами соглашения стали США, Великобритания, Франция, Германия и РФ[160]. В целях осуществления международного мониторинга выполнения гражданской части Дейтонских договоренностей был создан Совет по выполнению Мирного соглашения (в него вошли 55 стран) и его исполнительный орган – Руководящий комитет (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада, Россия, Япония, ЕС и Организация Исламская конференция, представленная Турцией). Координатором международных усилий до сих пор остается Высокий представитель, назначаемый ООН, и являющийся с февраля 2002 года еще и Спецпредставителем ЕС[161].

---

[160] Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине // Документ СБ ООН A/50/790, S/1995/999. URL: www.un.org; Пономарева Е.Г. Дейтон: ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. 2011. № 2. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/403

[161] Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Проблемная государственность Боснии и Герцеговины // Обозреватель. 2018. № 11. С. 66.

Соглашение положило конец вооруженному конфликту 1992–1995 годов, разграничило враждующие стороны и обособило территории (энтитеты) Республики Сербской (РС) и мусульмано-хорватской Федерации. В соответствии с документом в общебоснийских органах (Президиум, двухпалатная Парламентская ассамблея, Совет министров) были предусмотрены консоциативные механизмы учета интересов обоих энтитетов и трех государствообразующих народов – боснийских мусульман, сербов и хорватов[162].

Годы постконфликтного урегулирования закрепили существовавшую в социалистический период в латентном виде этно-религиозную картину. Согласно последней переписи населения, 50,7% граждан БиГ считают себя мусульманами (в этническим смысле это преимущественно сербы и хорваты, принявшие ислам в период турецкого владычества[163]), 30,7% – православными, а 15,2% – католиками. Этническая и религиозная самоидентификация почти полностью совпадают: 50,1% назвались бошняками, 30,8% – сербами и 15,4% – хорватами. Однако в стране существует довольно значительный сегмент тех, кто не определился со своей национальной идентификацией – 3,62%[164]. Получается, что более 130 тысяч человек оказываются за «бортом» политической жизни, поскольку их интересы не защищены Соглашением о мире в БиГ: они не могут быть представлены в парламенте – отказ от этнокультурной самоидентификации, по сути, закрывает для таких людей вход в государственные органы, так как квоты распределяются исключительно по трем этническим группам.

За ситуацией в БиГ внимательно следят на площадке Совета Безопасности ООН. Ход урегулирования все еще существующих последствий конфликта контролируют Совет по выполнению Мирного соглашения (МС) и его

---

[162] Savet Ministara BiH, 2012. URL: http://www.vijeceministara.gov.ba/Default.aspx?langTag=sr-SP-Cyrl&template_id=91&pageIndex=1

[163] Lampe J. R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge and New York: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 23.

[164] Census of population, households and dwellings in Bosnia and Herzegovina, 2013: Final results // Agency for Statistics of Bosnia and Herzegovina. July 2016. URL: http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvoIzdanje.pdf

исполнительный орган – Руководящий комитет, который дважды в год дает оценку ситуации в стране и предлагает набор установок по решению текущих проблем[165].

Надзор за выполнением военных аспектов Дейтонского соглашения осуществляют Силы ЕС (операция «Алтея» в рамках Европейской общей политики безопасности и обороны и договоренностей «Берлин – плюс»). Их численность в 2018 году составляла около 600 военнослужащих[166].

Гражданские аспекты МС координирует Высокий представитель. С 1 августа 2021 года этот пост занимает немецкий политик, член ХСС К. Шмидт[167]. Показательно, что за время существования дейтонской Боснии полномочия Высокого представителя (ВП) были не только не сокращены, но существенно расширены. Он получил право принимать более решительные меры по активизации деятельности центральных институтов власти, в том числе снимать с постов любых должностных лиц, вводить в действие и отменять законы. Подобных применений полномочий Аппарата Высокого представителя (АВП) к 2010 году

---

[165] О Дейтонском мирном соглашении. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/777733; Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Проблемная государственность Боснии и Герцеговины // Обозреватель. 2018. № 11. С. 67.

[166] Резолюция СБ ООН № 2384 (2017). URL: http://undocs.org/ru/S/RES/2384(2017)

[167] Согласно официальной позиции МИД РФ, «гражданин ФРГ Кристиан Шмидт высоким представителем по Боснии и Герцеговине считаться не может, поскольку Совет Безопасности ООН резолюцию о его утверждении на этом посту не принял - соответствующий российско-китайский проект был заблокирован. Сделанного 27 мая аккредитованными в Сараево послами стран-членов руководящего комитета Совета по выполнению мирного (Дейтонского) соглашения по Боснии и Герцеговине заявления "о назначении Шмидта" недостаточно». В этих условиях боснийские сербы, как один из трех равноправных государствообразующих народов БиГ, «с полным правом отказываются признавать Шмидта в качестве легитимного представителя международного сообщества». Кроме этого, МИД РФ раскритиковал заявления о якобы имевшем место факультативном характере участия СБ ООН в данном вопросе. «В отсутствие как выраженной международной поддержки, так и, что особенно важно, консенсуса внутри самой БиГ Шмидт не обладает легитимностью, необходимой для исполнения функций высокого представителя», - считают в МИД РФ. Поэтому Россия была вынуждена приостановить свое участие в заседаниях руководящего комитета Совета по выполнению мирного соглашения, которые проходят в Сараево «под председательством самозваного высокого представителя». URL: https://tass.ru/politika/13205371

насчитывалось более 900, в подавляющем большинстве они применялись против боснийских сербов[168].

За прошедшие с момента подписания Соглашений годы – а это уже 26 лет – приоритеты деятельности АВП менялись, но неизменным оставалось «окончательное право толкования гражданских аспектов осуществления МС, вынесения рекомендаций, а также обязательных решений, которые он считает необходимыми»[169]. Кроме того, работает принцип согласования политических, экономических и иных решений, который распространяется даже на послов, аккредитованных в БиГ. Такая вопиющая недипломатическая практика мотивируется необходимостью минимизации конфликтных ситуаций[170]. К сказанному следует добавить, что Аппарат имеет довольно внушительный для небольшой республики штат – около 100 человек, содержание которого выливается в серьезную сумму, которую выделяет ООН – бюджет на 2020/2021 год составляет 5,3 миллиона евро и финансируется Советом по выполнению Мирного соглашения и его странами-членами. ЕС вносит 54%, США 22%, Япония 10%, Канада 3% и Россия 1%. Другие страны и международные организации вносят 10%[171].

Уже более 10 лет предпринимаются попытки закрытия АВП. Руководящий комитет СВМС разработал план «5+2»: пять целей и два условия, выполнение которых позволило бы перейти к свертыванию институтов внешнего управления протекторатного присутствия[172]. Однако пока – «воз и ныне там».

Очевидно, что присутствие Высокого представителя в республике продиктовано геополитическими интересами внешних игроков – прежде всего,

---

[168] Szewczyk, Bart M.J. The EU in Bosnia and Herzegovina: Powers, Decisions and Legitimacy (2010). EUISS Occasional Paper No. 83/2010. URL: https://ssrn.com/abstract=1881717

[169] Резолюция СБ ООН №1845 (2008), пункт 4. URL: http://undocs.org/ru/S/RES/1845(2008)

[170] Абрамов А.В. Функционализм в государственном устройстве: опыт Боснии и Герцеговины // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. М. : МГИМО-Университет, 2008. С. 176.

[171] Petke S., Ćorsulić S. "Future as a duty" – the High Representative for Bosnia and Herzegovina. Konrad-Adenauer-Stiftung Office in Bosnia and Herzegovina. 2021. URL: https://www.kas.de/documents/252038/10987758/%27Future+as+a+duty%27+%E2%80%93+the+High+Representative+for+Bosnia+and+Herzegovina.pdf/9640d61d-7446-427f-a2c4-a30917a37bec?version=1.0&t=1613553067718 (дата обращения: 07.08.2021)

[172] Agenda 5+2 // OHR, 2015. URL: http://www.ohr.int/?cat=318&paged=10&lang=en

США и НАТО. В процессе расширения Североатлантического альянса Босния и Герцеговина наряду с Сербией является важной стратегической зоной. Подготовкой БиГ к вступлению в НАТО фактически и озабочен Высокий Представитель – он должен снять оставшиеся между энтитетами и общинами противоречия, что возможно лишь в случае полного поглощения центральной властью Республики Сербской. Однако это тема отдельного исследования. На поверхности же в настоящее время лежит проблема государственной собственности, которая является формальным обоснованием необходимости института ВП, поскольку сторонам пока не удается договориться о принципах ее распределения между различными уровнями власти. Опрошенные в ходе написания диссертации эксперты, среди которых был и сотрудник АВП, в целом признают, что данный «навязанный извне» институт губительно сказывается на формировании гражданской идентичности в БиГ и препятствует каким-либо позитивным политическим изменениям (См. приложения).

Очевидный антисербский характер деятельности этого института был подтвержден летом 2021 года. Высокий представитель В. Инцко, перед уходом со своего поста ввел (это решение даже не голосовалось в парламенте республики!) в Уголовный кодекс БиГ положение «об ответственности за отрицание геноцида в Сребренице» и «прославление военных преступников» – таковыми названы сербы, участвовавшие в войне 1992-1995 годов. Несогласным с западной и мусульманской трактовкой событий межнационального конфликта может грозить теперь тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 5 лет. Конечно, не австрийский дипломат словенского происхождения придумал все это. Подтверждение тому сделанное в тот же день заявление посольства США в БиГ: «Отрицание геноцида и прославление военных преступников недопустимы и подрывают взаимное доверие, так необходимое для продвижения БиГ по пути в ЕС. Действия уходящего Высокого представителя демонстрируют серьёзное значение, которое он придаёт этому вопросу, который важен для стабильности Боснии и Герцеговины… Мы

должны подчеркнуть, что геноцид в Сребренице – это не предмет споров, а исторический факт»[173].

Член президиума Боснии и Герцеговины М. Додик назвал это решение «последним гвоздем в гроб Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина не сможет работать после этого»[174]. Лидер боснийских сербов призвал сербские политические силы БиГ объединить усилия для противодействия законодательным изменениям и заверил, что готов идти на многое, вплоть до провозглашения в ближайшее время независимости РС. Конечно, эта угроза имела на данном этапе скорее психологический эффект, но все к этому идет. 30 июля Народная скупщина РС на чрезвычайной сессии приняла закон о неприменении на территории энтитета антисербского указа ВП. Государственным институтам Республики Сербской предписано не сотрудничать с компетентными органами БиГ в целях выполнения этого декрета. Были внесены также дополнения в УК РС, согласно которым оскорбление репутации сербского федерального субъекта и жителей РС влечёт уголовную ответственность[175].

Ранее 22 июля Совет безопасности ООН отклонил российско-китайскую резолюцию об упразднении института Высокого представителя по Боснии и Герцеговине с 2022 года. Официальный представитель МИД РФ М.В. Захарова этому поводу заявила: «Убеждены в контрпродуктивности изжившей себя внешней опеки над суверенной и независимой Боснией и Герцеговиной, судьбу которой должны определять исключительно ее народы без вмешательства и поучений

---

[173] Statement on High Representative's Decision on Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of BiH. URL: https://ba.usembassy.gov/statement-on-high-representatives-decision-on-enacting-the-law-on-amendment-to-the-criminal-code-of-bih/

[174] Додик: Инцко показао да је типични србомрзац; Српска одбацује одлуку. URL: https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=439444

[175] За публичное оскорбление РС и её государственной символики предусмотрено наказание на срок до трёх лет. Если наряду с этим РС будет названа «продуктом геноцида», а её народы – «геноцидными» или «агрессорами», то допустивший подобные высказывания лишится свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет. От трёх до 15 лет тюремного заключения ожидает преступника в том случае, если данные действия совершены с целью свержения конституционного строя, подрыва независимости и территориальной целостности Республики Сербской // Čubrilović: NSRS usvojila zakone, odluka visokog predstavnika neće se primjenjivati u RS. URL: https://avaz.ba/vijesti/bih/670561/cubrilovic-nsrs-usvojila-zakone-odluka-visokog-predstavnika-nece-se-primjenjivati-u-rs

извне»[176]. Захарова объявила также нелегитимным назначение К. Шмидта, так как он был назначен в обход процедуры утверждения кандидата в СБ ООН. 14 сентября и 6 октября 2021 года в Москве состоялись презентации выводов почти двухлетней работы независимых международных комиссий, которые расследовали события в Сараево и Сребренице. В работе комиссий принимали участие эксперты и аналитики из Австрии, Австралии, Германии, Израиля, Италии, Нигерии, России, Сербии, США, Франции, Японии.

Доклады комиссий представляют уникальный материал не только с точки зрения реабилитации сербов, но и для настоящих и будущих исследователей природы и последствий межнациональных конфликтов. Например, важным видится анализ коллективной военной травмы; межпоколенческой передачи психологической и эмоциональной травмы как результата войны; влияния отказа в правосудии на психологическое и эмоциональное состояние нации; физических и психологических аспектов страданий народов, ввергнутых в пучину кровопролитного конфликта; системной дискриминации определенных групп людей; роли радикального ислама в формировании культурно-политического климата[177].

Согласно выводам комиссий, при прямом подстрекательстве и военном прикрытии администрации Б. Клинтона и руководства НАТО Западная Европа поддержала боснийских мусульман. Это была не только политическая, но и военная поддержка. Особая роль в активизации конфликта принадлежит структурам радикального ислама. Если православные сербы сражались за свой дом и землю, то для боснийских мусульман война была джихадом за освобождение

---

[176] Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с итогами голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о Высоком представителе по Боснии и Герцеговине. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/4829820

[177] Закључни Извјештај Независне међународне комисије за истраживање страдања Срба у Сарајеву у периоду 1991-1995. Године. URL: https://www.incomfis-sarajevo.org/wp-content/uploads/Concluding-report-Serbian-Srpski.pdf. Кроме Республики Сербской презентации докладов названных комиссий прошли только в России – на площадке Фонда Горчаков и МГИМО. URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/itogi-raboty-nezavisimykh-mezhdunarodnykh-komissiy/

мусульманских земель от неверных и создание исламского государства на Западных Балканах, основанного на законах шариата, в котором не было бы места для политической и культурной автономии сербов[178].

Итак, на данный момент оценки Дейтонских соглашений и деятельности порожденных ими институтов прямо противоположны. Главными сторонниками политической конфигурации и практики МС являются его инициаторы – внешние игроки, а также фактически проигравшая во время войны 1992-1995 годов сторона – боснийские мусульмане и хорваты, поскольку именно Дейтон дал им возможность создать собственное протогосударственное образование в рамках БиГ. Формально Босния и Герцеговина – независимое государство, имеющее статусность и международное признание. Фактически – это территория под международным управлением, что формирует пул критиков Мирного соглашения. «Казус Дейтона заключается в том, что перераспределение суверенных полномочий государства в пользу международных структур, позиционируемое как временная и вынужденная мера, приводит в конечном итоге к поглощению некогда строптивых и неконтролируемых территорий наднациональными институтами»[179]. Это с одной стороны.

С другой – все стороны конфликта, как и внешние игроки признают несомненное гуманитарное значение Дейтонских соглашений – прекращение открытого конфликта. Однако, как известно, дьявол кроется в деталях. Именно «детали» вызывают недовольство со стороны православных боснийских сербов. Дело в том, что Дейтон они рассматривали как временную меру на переходный период, предполагающую передачу всей полноты власти энтитетам и временное участие ООН, ЕС и НАТО в системе госуправления и контроле над политическими институтами страны. Тем не менее, как было показано, временное (внешнее управление посредством АВП) стало не только постоянным, но происходит

---

[178] Пономарева Е.Г. Сила в правде: к итогам расследования событий в Сараево и Сребренице в период боснийской войны. URL: https://www.fondsk.ru/news/2021/09/08/sila-v-pravde-k-itogam-rassledovania-sobytij-v-saraevo-i-srebrenice-v-period-bosnijskoj-vojny-54415.html

[179] Пономарева Е.Г. Дейтон: ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 125.

ускоряющаяся с каждым годом ревизия базового принципа МС – поглощение властных полномочий энтитетов центральной властью (реформа армии, полиции, судебной системы), что имеет очень конкретную цель. Речь идет о завершении процесса натоизации Балкан, что невозможно без централизации БиГ, а значит окончательного решения «сербского вопроса».

Таким образом, Дейтон представляет многоходовую операцию. На первом этапе под прикрытием гуманитарного занавеса было сформировано неустойчивое, переходное образование под внешним управлением. На втором – мягкая и перманентная ревизия МС ведет к централизации страны при доминирующей роли мусульмано-хорватского сегмента. На третьем этапе прогнозируется вступление страны с реформированной политической системой в НАТО. Таким образом, Дейтонские соглашения суть еще одна технология переформатирования балканского региона и окончательного выдавливания из этой части мира РФ как исторического союзника православных народов.

Причем тенденции к смягчению и нивелированию данной ситуации не наблюдается. Более того, как уже писалось ранее, поправки к Уголовному кодексу БиГ, введенные Верховным представителем СБ ООН 27 июля 2021 года об уголовном преследовании лиц, отрицающих «геноцид в Сребренице»[180], стали фактором усиления деструктивных процессов.

Таким образом, политическая ситуация в БиГ не только остается крайне нестабильной, но и грозит перерасти в фазу окончательного размежевания по границам энтитетов, что отражается на режимах гражданства БиГ и процессе формирования гражданской идентичности в стране.

Так, наличие гражданства юридических лиц – интересная особенность общей структуры гражданства в БиГ. Босния и Герцеговина, единственная из бывших республик Югославии, имеет внутреннюю двойную и многоуровневую структуру

---

[180] Митић А. Валентин Инцко изменама закона забранио негирање геноцида у БиХ. Радио Телевизија Србије. 23 июля 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.rts.rs/page/stories/ci/story/3/region/4454279/valentin-incko-krivicni-zakon-bih-.html (дата обращения: 27.07.2021)

гражданства. Характеристики режимов гражданства энтитетов отличаются внутренней сложностью и разнообразием ролей, которые боснийские граждане играют в общей структуре. Характер гражданства энтитетов, их различия и модели (не)совпадения влияют не только на то, как политическая принадлежность определяется в Боснии, но также на то, как поддерживаются гражданские и политические права боснийских граждан.

Дейтонская конституция определила режимы гражданства в БиГ из необходимости скорейшего прекращения войны и достижения хотя бы минимального консенсуса между конфликтующими сторонами. Идея заключалась в создании устойчивого режима гражданства со всеми необходимыми атрибутами либеральной демократии. В этом смысле сложность и многоуровневый характер Дейтонского режима гражданства определялись как политическими приоритетами, появившимися в ответ на разрушительную реальность боснийской войны, так и практикой, которая уже существовала в регионе. Эти две реальности – последствия войны и институциональное наследие – были объединены в рамке режима Дейтонского гражданства. Хотя точнее было бы говорить о нем во множественном числе, имея в виду сложные режимы гражданства, которые существуют в БиГ одновременно.

Дейтонская конституция ввела три закона о гражданстве, определяющие граждан государства Босния и Герцеговина, граждан боснийско-хорватского энтитета – Федерации БиГ, а также граждан сербского энтитета – Республики Сербской. Однако эта взаимосвязь между гражданством на уровне государства и на уровне энтитетов оставалась расплывчатой и не предлагала четких руководящих принципов для понимания природы нового боснийского государства. Например, положения статей 25–29 Закона о гражданстве БиГ указывают на то, что гражданство энтитетов является первичным и что гражданство государства БиГ является производным. Это особенно верно в отношении положений статьи 27, которая гласит, «лицо, которое теряет гражданство одного энтитета, не приобретая гражданство другого, автоматически теряет гражданство Боснии и

Герцеговины»[181]. Однако есть и другие положения, которые противоречат вышесказанному. Например, в статье 1 Конституции указывается, что гражданство государства в итоге имеет приоритет над гражданством энтитета. Таким образом, этот вопрос остается предметом разногласий как среди юристов, так и среди политиков. Сам факт политических и экспертных дебатов, конечно, не был бы проблемой. Она заключается в том, как боснийские граждане устанавливают связи с учреждениями и осуществляют свои гражданские и политические права: заложенные в теле конституции противоречия по определению боснийского гражданства оказывают негативное влияние не только на права человека в этой стране, но и на взаимодействие двух энтитетов. Кроме того, под угрозой оказываются не только права и участие, по Р. Беллами[182], но и чувство принадлежности, поскольку подобная юридическая практика мешает людям Боснии и Герцеговины чувствовать себя гражданами одной страны.

Этот вывод находит эмпирическое подтверждение. В ходе полевых исследований и опросов населения БиГ[183] было установлено, что, например, сербы всегда говорят, что они из Республики Сербской, и только на дополнительный вопрос уточняют, что это часть Боснии и Герцеговины. Кроме того, граждане из одного энтитета испытывают сложности при трудоустройстве как в федеральные государственные структуры БиГ, так и в органы другого энтитета. Например, одна из респонденток рассказала, что после окончания юридического факультета Сараевского университета ей было отказано в позиции в Министерстве юстиции Боснии и Герцеговины (общефедеральный орган), поскольку она проживает в Восточном Сараево (часть столицы БиГ, которая относится к энтитету РС) и является этнической сербкой, а квот в министерстве для сербов нет. Хотя интервьюируемая соответствовала условиям прохождения конкурса на позицию в

---

[181] Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/constitution.pdf

[182] Bellamy R. et al. Lineages of European citizenship: rights, belonging and participation in eleven nation-states. L.: Palgrave, 2004. P. 9.

[183] Пономарева Е.Г., Попадьева Т.И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Дискурс-Пи. 2019. №3 (36). С. 98-119.

министерство, ее регистрация в 10 минутах езды от Сараево не позволила ей трудоустроиться в общефедеральный орган власти.

Согласно Законам о гражданстве энтитетов, все граждане БиГ, которые проживали на территории одного из энтитетов с 6 апреля 1992 года (дата начала конфликта в Боснии), считаются гражданами этого энтитета. Закон о гражданстве Республики Сербской отличается от Закона о гражданстве Федерации БиГ дополнительным положением. Согласно ему, лица, проживавшие на территории Федерации с 6 апреля 1992 года, но переехавшие в Республику Сербскую до 1 января 1998 года, будут считаться гражданами Республики Сербской (статья 39)[184]. Эти различия в датах отражают противоположные политические стратегии двух боснийских субъектов: в то время как боснийские политики из Федерации БиГ выступают за большую интеграцию энтитетов, Республика Сербская хочет сохранить статус-кво и минимизировать риски интеграции, а в идеале – вообще ее остановить.

Исключением из правил получения гражданства на основе принадлежности к одному из двух энтитетов является округ Брчко, где действует отдельное законодательство, определяющее круг его граждан. В отличие от гражданства энтитетов, которое в основном основывается на факторах рождения и происхождения, жители округа Брчко могут выбирать гражданство одного из двух субъектов по собственному желанию, независимо от этнической принадлежности. Это связано с тем, что округ Брчко юридически разделен между различными этническими общинами через отдельные и во многом уникальные местные учреждения. Безусловно, это вносит еще один уровень сложности в вопрос гражданства и способствует специфическому характеру боснийского гражданства. Несомненно, в отличие от положений о гражданстве юридических лиц, которые легко становятся пригодными для этнополитического использования, положения, определяющие гражданство для жителей Брчко, необычайно демократичны и

[184] Zakon o državljanstvu Republike Srpske ("Sl. glasnik RS", br.59/2014). URL: https://www.paragraf.ba/propisi/republika-srpska/zakon-o-drzavljanstvu-republike-srpske.html

либеральны, поскольку они позволяют жителям выбирать свою внутреннюю политическую идентичность независимо от этнической принадлежности[185].

Очевидно, что режим Дейтонского гражданства является продуктом политических переговоров и приоритетов, определенных международными посредниками для поддержания стабильности. Однако, несмотря на его «стратегический» характер, он представляет собой чрезвычайно сложный набор особых микрорежимов гражданства и тем самым напрямую влияет на функционирование государства и на то, как понимается и осуществляется связь между государством и его гражданами. Следует отметить, что такая двойная структура есть наследие/развитие югославского децентрализованного режима гражданства. В то же время, это вопрос межэтнического консенсуса и, в отличие от югославского казуса, он основан на представлении об исторической преемственности Боснии и Герцеговины. Как это ни парадоксально, такая модель стремится достичь две взаимоисключающие цели: она обеспечивает историческую, политическую и правовую легитимность государству и в то же время поддерживает нормативную основу этнической и политической разобщенности граждан БиГ. Иные положения и институциональные механизмы Дейтонской конституции также создают платформу, способствующую повторению политических кризисов и сдерживанию социальных и политических изменений.

Однако проблемы БиГ имеют не только внутреннее происхождение. Расположение между двумя соседними режимами гражданства, соперничающими за лояльность боснийского населения на этнической почве, делает его еще более уязвимым. Внутренне сложная ситуация с гражданством в Боснии еще больше усугубляется тем фактом, что режимы гражданства ее соседей частично совпадают с режимами БиГ и соперничают за влияние и распределение политической власти. Косвенно режимы гражданства Сербии и Хорватии являются составной частью плюрализма режима боснийского гражданства, учитывая общие для этих

[185] Dautbašić B. Vodič kroz propise o državljanstvu Bosne i Hercegovine. Sarajevo: Magistrat. 2003. S. 120-123.

государств группы населения и особые социальные и политические отношения, определяемые политикой этнического родства.

Согласно Закону о гражданстве БиГ (статья 4), все ее граждане могут сохранить гражданство другого государства при наличии двустороннего соглашения между этим государством и Боснией[186]. На данный момент такие соглашения были достигнуты и ратифицированы только с Сербией и Швецией, и на этой основе было выдано около 9000 двойных гражданств[187]. Без данных статистики можно только строить догадки об относительном распределении этого числа в этих странах. Швеция приняла большое количество боснийских беженцев в период с 1992 по 1995 годы, и многие из них затем получили гражданство. Однако количество боснийских граждан с сербским гражданством также является значительным. Это касается не только этнических сербов, которые смогли получить сербское гражданство в качестве беженцев из БиГ, но и этнических мусульман из района Санджак (в Сербии), которые также эмигрировали в Боснию. Первая волна этой миграции произошла в 1990-х годах, когда многие бежали, чтобы не быть мобилизованными в югославскую армию, которая воевала в Хорватии, БиГ и Косово (1991–1999), в то время как другие были мотивированы экономическими и частично этническими причинами.

Вопрос двойного гражданства особенно важен для отношений Боснии с Хорватией. Это касается как лиц со статусом боснийского гражданина, так и имеющих хорватское гражданство, а их около 800 тыс. человек[188]. Закон о хорватском гражданстве (статья 16)[189] предусматривает возможность для этнических хорватов (и тех, кто считает себя таковыми), проживающих за пределами территории Хорватии, сохранить свое гражданство. По некоторым

---

[186] Zakon o državljanstvu Bosne i Hercegovine ("Sl. glasnik BiH", br. 22/2016). https://www.paragraf.ba/propisi/bih/zakon-o-drzavljanstvu-bosne-i-hercegovine.html

[187] Sarajlić E. Conceptualising citizenship regime(s) in post-Dayton Bosnia and Herzegovina // Citizenship Studies. 2012. Vol. 16, Is. 3-4. URL: www.tandfonline.com

[188] Ibid.

[189] Zakon o hrvatskom državljanstvu (pročišćeni tekst zakona NN 53/91, 70/91, 28/92, 113/93, 4/94, 130/11, 110/15, 102/19 na snazi od 01.01.2020). URL: https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5ac379b24

оценкам, большинство хорватов в БиГ используют эту возможность (16% боснийского населения, около 500 тыс. человек) вместе со значительным числом нехорватов, особенно в западных частях страны[190]. Однако, поскольку парламент Боснии еще не ратифицировал двустороннее соглашение о двойном гражданстве между Хорватией и БиГ, и поскольку статья 17 Закона о боснийском гражданстве предусматривает, что лицо теряет свое боснийское гражданство, когда оно запрашивает гражданство другого государство, то данный вид гражданства остается в серой зоне правового регулирования.

Региональные режимы гражданства существенно влияют на внутреннюю социальную и политическую ситуацию в Боснии и Герцеговине, в основном с точки зрения политической принадлежности и социально-экономических прав. Учитывая недавнюю институциональную историю, режим хорватского гражданства имеет большее влияние, чем сербский. Однако с учетом институциональных изменений в Сербии (включая этноцентрические положения нового Закона о гражданстве 2007 года) и ее отношения с Республикой Сербской, это может начать меняться. Это наиболее заметно в политическом разрезе: боснийские хорваты преимущественно голосуют за правые партии и кандидатов в Хорватии, что отражает не только внутренние дела Хорватии, но и ее отношения с БиГ[191]. Респонденты проводимых автором экспертных интервью также подчеркивали, что хорватское население БиГ в большинстве пытается получить хорватский паспорт и уехать из страны для последующего трудоустройства в странах ЕС (См. приложение).

Другие аспекты совпадения внешнего и внутреннего гражданства включают распределение социальных льгот и прав, которыми пользуются многие лица с двойным гражданством, особенно в приграничных районах между странами. Например, многие лица с двойным гражданством предпочитают заводить детей в

[190] Ragazzi F., Štiks, I. Croatian Citizenship: From Ethnic Engi¬neering to Inclusiveness // Baubock R., Perchinig B., Sievers, W. (eds.) Citizenship Policies in the New Europe. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2009. P. 345.

[191] Sarajlić E. A Citizenship Beyond the Nation-State: Dilemmas of the ‘Europeanization’ of Bosnia and Herzegovina // CITSEE Working Paper. 2010. № 9.

других странах и таким образом получают право на медицинские и социальные льготы. Многие также выбрали двойное гражданство, чтобы иметь возможность путешествовать без визовых ограничений. Однако существуют и менее благоприятные последствия наложения режимов гражданства между странами, которые особенно влияют на правовую сферу. Поскольку БиГ, Хорватия и Сербия не подписали трехстороннее соглашение о взаимной правовой помощи в отношении лиц с двойным гражданством, совершивших преступления, многие правонарушители, ожидающие суда в одной стране, находят законное убежище в другой. Такие ситуации неоднократно возникали в предыдущие годы, когда многие люди воспользовались возможностью, чтобы уклониться от закона и избежать наказания, убежав через границу. По оценкам, насчитывается до 500 человек с судимостью (некоторые связаны с военными преступлениями), которые используют свое двойное гражданство как средство защиты от преследований. К 2010 г. 282 человека покинули БиГ после того, как были признаны виновными (106 – в Хорватию, 100 – в Сербию, 24 – в Черногорию, и 56 – в другие страны), а 46 осужденных из Хорватии бежали в Боснию и Герцеговину[192].

Таким образом, режим боснийского гражданства чрезвычайно сложен и лучше всего может быть понят через ряд правовых, политических и социальных уровней, которые показывают, как граждане определяются с правовой точки зрения и социально идентифицируются. Эти уровни включают в себя режимы внешнего гражданства соседних государств, внутренние уровни энтитетов и государства, а также различные политические концепции боснийского государства и роль гражданства в нем, от идеи централизации до размежевания по границам энтитетов. Очевидно, что последствия такой сложной структуры влияют на то, как граждане Босния и Герцеговина воспринимает себя с точки зрения политической практики.

Сама природа Дейтонского режима гражданства поддерживает различные концепции и интерпретации гражданства в Боснии и Герцеговине, что в равной

[192] Sarajlić E. A Citizenship Beyond the Nation-State…, P. 27.

степени усиливает требования единства и фрагментации страны. Те политические деятели, которые делают упор на гражданство на государственном уровне и, таким образом, выбирают более унитарную концепцию БиГ, находят оправдание в юридических положениях, которые связывают историческую преемственность с социалистической Боснийской республикой в составе Югославии, и стремятся разработать «более точное» определение юридической принадлежности, игнорируя внутренние этнические различия во имя общей, боснийской идентичности. Однако эти политические субъекты редко принадлежат к либеральным политикам и партиям, а чаще являются представителями крупнейшей этнической группы боснийцев и хотят создать внутреннюю и исключительную связь между собой как народом, строящим нацию, и государством.

С другой стороны, субъекты, которые подчеркивают примат гражданства энтитетов и выступают за большую децентрализацию и фрагментацию общей политической области, обычно используют эти положения, чтобы подчеркнуть, что характер правовой и политической принадлежности боснийских граждан связан с боснийско-хорватским энтитетом. Сам факт существования гражданства на основе одного из субъектов (по этнической принадлежности) придает политическое доверие этим утверждениям и оправдывает их законность. Эти субъекты (политики, журналисты, политические партии) обычно более этноцентрически ориентированы; большинство из них находится в Республике Сербской, хотя относительно сильные тенденции к дальнейшей фрагментации Федерации БиГ также можно обнаружить в лагере основных хорватских партий.

Главная особенность всех этих игроков заключается в том, что они воспринимают гражданство через этнокультурную призму. Поскольку такой подход не может обеспечить единство граждан БиГ в рамках существующих институциональных рамок, они вступают в конфликт друг с другом, и этнополитические кризисы повторяются. Что еще более важно, сложившаяся система отношений закрывает эффективные политические переговоры по коллективным правам. Структурно неопределенная взаимосвязь Дейтонского

режима гражданства в соответствии с его различными интерпретациями обеспечивает легитимность и политическое долголетие всем сторонам в этой борьбе и способствует исключительному этническому формированию основных политических результатов. Слабые основы либеральных концепций гражданства, поддерживаемые в основном небольшими академическими кругами в университетах Сараево и Тузлы, еще не могут изменить политическую и гражданскую жизнь Боснии в других категориях, помимо этнических.

Такое развитие событий делает государственные институты слабыми и неэффективными, когда речь идет о развитии основных демократических прав. В контексте постоянной этнической мобилизации, основанной на различных и несоизмеримых интерпретациях конституционных положений, связанных с гражданством, государственные институты, которые могли бы защищать индивидуальные права граждан, не в состоянии разорвать цепь этнической легитимности и действовать как независимые субъекты. Как отметила в экспертном интервью сотрудница АВП А. Чишич-Омерович, «сегодня чаще всего дискурс идентичности можно встретить в политике, поскольку и в парламенте, и в государственных институтах на общефедеральном, энтитетском и местном уровнях существуют механизмы для «защиты» интересов государствообразующих народов, что на практике приводит к острой полемике, но при этом препятствует каким-либо изменениям в стране. В обычной жизни люди тоже часто говорят о своей идентичности, но чаще это встречается в моноэтнических районах, где представители других этнических групп могут восприниматься враждебнее, а отличия нарочито подчеркиваться» (См. приложение).

3.2. Режим гражданства как попытка преодоления этнополитической конфликтности в Северной Македонии

Несмотря на то, что на момент подписания в августе 2001 года Охридское рамочное соглашение стало возможным в результате принудительных переговоров и политического торга, оно не только положило конец вооруженному конфликту

между албанскими повстанцами и правительственными силами Македонии, но и установило контуры нового политического режима и нового формата гражданства. Хотя Охридское соглашение сконструировало этнические границы внутри Македонии, оно позволило инициировать широкие конституционные и законодательные изменения, тем самым де-факто установило систему консоциативной/консенсуальной демократии[193]. Речь идет о системе «бадентерского большинства»: для принятия законов, которые непосредственно касаются культуры, использования языка, образования, личных документов и символов, теперь необходимо наличие как парламентского большинства, так и большинства среди депутатов из числа албанцев и других меньшинств.

Двадцать лет спустя политические элиты, похоже, усвоили дискурс полиэтнической демократии и публично поддержали и приняли «македонскую модель» как успешную и устойчивую форму либерального консоциатизма[194]. Однако существует очевидное расхождение между дискурсом элит и внутренними разногласиями и спорами на этнической почве. По сути, это указывает на нестабильную природу институциональных, политических и символических дискурсов и договоренностей, которые потенциально могут быть обращены вспять и изменены в рамках предполагаемой стабильной и фиксированной структуры, т.е. в пределах физических границ македонского государства. В этом смысле, хотя форма является стабильной, ее содержание – от политической системы до названия страны и языка – все еще колеблется и является предметом споров внутри и за пределами национальных границ.

Развитие режима македонского гражданства исследователи разделяют на пять последовательных фаз:

- ✓ социализм до 1990 года;

---

[193] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект-пресс, 1997. 287 с.; Lijphart A. Negotiation Democracy versus Consensus Democracy: Parallel Conclusions and Recommendations // European Journal of Political Research. 2002. Vol.41. № 1. P.107–113; Lehmbruch G. Consociational Democracy and Corporatism in Switzerland // The Journal of Federalism. 1993. Vol. 23. № 2 (Spring). P. 43–60.

[194] Barbieri S. Interview with Mr. Gjorge Ivanov, President of the Repu¬blic of Macedonia // Southeastern Europe. 2010. № 34. P. 87-96.

- ✓ консолидация в начале 1990-х;
- ✓ вызовы в 1990-х годах;
- ✓ этнополитический конфликт 2001 года, спровоцировавший внешнеполитическое вмешательство;
- ✓ фаза стабилизации в конце 2000-х годов[195].

Фаза вмешательства закончилась исключением этнонациональной концепции, продвигавшейся в 1990-е годы, формально заморозив межэтнические конфликты, но также она создала феномен этно-гражданства, когда граждане осуществляют свои права и обязанности и участвуют в общественной и политической сфере исключительно как члены этнонациональных и религиозных общин.

В 2010 году в интервью президент Македонии (тогда БЮРМ/FYROM – Бывшая югославская республика Македония) Г. Иванов заявил, что «Македония – одна из немногих стран в регионе, которая достигла модели интеграции без ассимиляции»[196]. Действительно, после 2001 года всеобъемлющая реформа, ориентированная на децентрализацию с расширением языковых, представительных и других основных прав на значительное албанское меньшинство, установила консоциативную систему разделения властей. Различные механизмы, установленные Охридским соглашением, были нацелены на минимизацию доминирующего македонского этнокультурного измерения в определении государства, и некоторые из ключевых элементов этой македонской консоциативной модели можно найти в социалистической фазе режима македонского гражданства. Это свидетельствует о том, что противоречие между инклюзивным политическим аспектом и этнокультурным измерением македонской государственности и гражданства предшествовало событиям предыдущего десятилетия и существует с момента установления режима

[195] Spaskovska L. In Search of a Demos - Transformations of Citizenship and Belonging in the Republic of Macedonia // CITSEE Working Papers. 2010. № 11. P. 43.
[196] Barbieri S. Interview with Mr. Gjorge Ivanov, President of the Republic of Macedonia // Southeastern Europe. №2010. № 34. P. 87.

македонского гражданства в рамках югославской федерации: в преамбуле Конституции социалистической Македония 1974 г. было установлено, что «Социалистическая Республика Македония является национальным государством македонского народа и проживающих в нем албанских и турецких национальностей»[197]. В преамбуле к измененной Конституции 1989 г. албанцы и турки были исключены.

Хотя после провозглашения независимости статус албанцев в Македонии был понижен до статуса меньшинства, были установлены относительно высокие стандарты защиты прав меньшинств. Кроме того, режим гражданства с самого начала допускал двойное гражданство. Что касается положений о правах меньшинств, статья 7 первой пост-югославской конституции Македонии установила, что «в единицах местного самоуправления, в которых большинство населения являются членами какой-либо национальности в дополнение к македонскому языку и кириллице используется язык этой национальности в соответствии с законом»[198]. Опираясь на аналогичные решения времен социализма, был создан Совет по межнациональным отношениям (статья 78), который состоял из председателя с двумя членами, каждый из которых представлял македонцев, албанцев, турок, влахов и цыган (рома), и еще по два члена от сербов, боснийцев и хорватов. Однако, будучи задуманными в рамках национального государства македонского народа, политические рамки и режим гражданства до 2001 года не могли ответить на недовольство албанских элит в отношении защиты права на использование языка, права на высшее образование на албанском языке, пропорциональное представительство в политической сфере и использование негосударственной символики.

Полностью исключая возможность отделения нацменьшинств, Охридское соглашение установило, что «не существует территориальных решений этнических

---

[197] Milosavlevski S. Minorities in Macedonia in the Political and Constitutional Acts: From the 1903 Krushevo Manifest to the 2001 Constitutional Amendments // New Balkan Politics. 2003. № 8. URL: http:// newbalkanpolitics.org.mk/napis.asp?id=15&lang=English

[198] Ustav Republike Makedonije, Skupština Republike Makedonije. URL: http://www.sobranie.mk/en/default-en.asp?ItemID=9F7452BF44EE814B8DB897C1858B71FF

вопросов» и что «многонациональный характер македонского государства должен быть сохранен и присутствовать в общественной жизни» [199]. Следовательно, можно сказать, что государственные институты, с одной стороны, должны способствовать интеграционным процессам этнических групп внутри страны, а с другой – по-прежнему используют механизм размежевания граждан по этническому принципу. Более того, соглашение открыло путь к решению многих до сих пор нерешенных вопросов. Например, в положение Конституции, касающиеся свободы вероисповедания (статья 19), в которой упоминаются только Македонская православная церковь (МПЦ) «и другие религиозные общины и религиозные группы», были внесены поправки, включающие «Исламское религиозное сообщество, Католическую церковь, евангелическо-методистскую церковь, еврейскую общину и другие религиозные общины»[200]. Тем не менее, соглашение существенно пересмотрело рамки гражданства, которые были «этнотизированы» на уровне местных органов власти: положения, которые расширяют значительные права меньшинств и признают их язык официальным в муниципалитетах, где они составляют более 20% населения.

Что касается муниципального уровня, Закон о местном самоуправлении был принят в январе 2002 года, а Закон о территориальной организации местного самоуправления (август 2004 года) сократил количество муниципалитетов со 123 до 84. Новая территориальная организация подразумевала новое разграничение между некоторыми муниципалитетами с целью создания большинства на муниципальном уровне, что встретило большое сопротивление, особенно среди этнических македонцев из столицы, и привело к референдуму (на котором явка в итоге была очень низкой[201]). Новая модель децентрализации, действительно, решила многие проблемы, связанные с отображением негосударственных

---

[199] Irwin Z. T. Macedonia since 1989, In: S. P. Ramet, ed. Central and Southeast European Politics since 1989. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 328-358.

[200] Ustav Republike Makedonije. URL: http://www.sobranie.mk/en/default-en.asp?ItemID=9F7452BF44EE814B8DB897C1858B71FF

[201] Референдум поделил Македонию. РИА Новости. 08.11.2004. URL: https://ria.ru/20041108/727615.html?chat_room_id=727615

символов и официальным использованием немакедонских языков, но она также углубила стратификацию и этническое определение тех аспектов гражданства, которые связаны со статусом и правами. Например, принадлежность к общине меньшинства на муниципальном уровне (македонцы в муниципалитетах албанцев/турок/рома или албанцы в муниципалитетах с македонским большинством) подразумевает существенно иные политические права и обязанности, чем те, которыми пользуются члены общины этнического большинства (например, македонцы в Струмице, албанцы в Тетово или рома в муниципалитете Суто Оризари).

Эту мысль подтвердила и македонский эксперт Г. Силяновска-Давкова: «Во имя интеграции общество геттоизируется по этническому и религиозному признакам. Жизнь происходит в параллельных мирах, пока политические отношения базируются на политическом торге. Процесс принятия решений блокируется, даже парализуется, а этнические требования радикализируются, угрожая распадом (дезинтеграцией)» (см. приложения). Хотя небольшие по численности общины выразили озабоченность по поводу того, что государство быстро становится двунациональным, такая правовая база, по крайней мере, предоставляет им некоторую основу для защиты посредством своего специального закона[202] и правительственного агентства по осуществлению прав меньшинств.

Хотя правящие элиты приняли Охридское соглашение, оппозиция продолжала подвергать его критике. Согласно неписаному правилу, с 1991 года каждое коалиционное правительство включает в себя партию этнических албанцев: Партию демократического процветания (ПДП), Демократическую партию албанцев (ДПА), а с недавних пор – Демократический союз за интеграцию (ДСИ), возникшие в результате конфликта 2001 года. Парламентские выборы 2011 года также включали новых участников из албанского политического лагеря, таких как

[202] Закон за правата на заедниците кои се помалку од 20% од населението во Република Северна Македонија // Службен весник на Република Македонца. 18/2020 од 27.01.2020. URL: https://dejure.mk/zakon/zakon-za-pravata-na-zaednicite-koi-se-pomalku-od-20-od-naselenieto-vo-republika-severna-makedonija

мэр Гостивара Руфи Османи, чья платформа основана на пересмотре Охридского рамочного соглашения в соответствии с принципами институционального нетерриториального федерализма[203]. Здесь уместно вспомнить справедливое замечание Д. Горовица, коалиции «по крайней мере представляют собой гарантию того, что полного исключения не будет» [204]. Однако по мере того, как политическая жизнь формировалась строго по этническому принципу, гражданская концепция стала казаться чуждой как гражданам, так и политическим элитам. Единственным исключением стали президентские выборы 2009 года, когда этнический албанец, президент Новой демократической партии Имер Селмани, сумел пересечь этнические границы и получить 15 % голосов в первом туре.

Ратификация Европейской конвенции о гражданстве в 2003 года привела к значительным изменениям в республиканском законе о гражданстве[205]. Вновь прописанный сокращенный срок проживания в течение восьми лет для получения гражданства был введен в 2004 году. Принятие поправок к Закону о гражданстве не сопровождалось публичными дебатами, так как общественность в тот же период (январь-февраль 2004 года) интересовалась другими вопросами идентичности, поднятыми Охридским соглашением: открытием албаноязычного государственного университета в Тетово и новой территориальной организацией, в связи с которой был проведен референдум. Кроме того, всего через несколько дней после вступления закона в силу президент Македонии Б. Трайковски трагически погиб в авиакатастрофе. Подписание декларации о лояльности стало еще одним новшеством, внесенным поправками в закон. В положение о владении языком также были внесены поправки, в соответствии с которыми установлены требование отличного знания македонского языка, которое проверяется на устном экзамене правительственной комиссией, состоящей из трех языковых экспертов.

---

[203] Spasovska M. Interview - Rufi Osmani, Radio Free Europe. 2011. URL: http://www.makdenes.org/content/article/3552358.html

[204] Horowitz D. L., 1993, The Challenge of Ethnic Conflict: Democracy in Divided Societies // Journal of Democracy. 1993. № 4 (4). P. 33.

[205] Закон за државјанството на Република Македонија // Службен весник на Република Македонија. бр. 67/1992; 8/2004; 98/2008; 158/2011 и 55/2016. URL: https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5aabca124

Положение о безопасности осталось, но в отличие от предыдущей практики, когда органы в Министерстве внутренних дел обладали дискреционными полномочиями по принятию решений, поправки 2004 года установили новую практику обязательного обоснования отклонения чьей-либо заявки, что сделало процесс более прозрачным.

Поправки к закону также ввели новое переходное положение, касающееся бывших граждан СФРЮ. Было установлено, что лица этой категории «могут получить гражданство Республики Македония, если они подадут заявление в течение двух лет после вступления в силу настоящего Закона, при условии, что против них не возбуждено уголовное дело в Республике Македония по уголовным делам, ставящим под угрозу безопасность и оборону Республики». Причиной тому был Закон о гражданстве от 1992 года, отражающий политику «этнокультурной закрытости»[206], который давал гражданам СФРЮ, имевшим другое республиканское гражданство и проживавшим в Македонии на момент объявления независимости, право подать заявление на получение македонского гражданства в течение одного года после вступления закона в силу, при условии, что они в совокупности прожили пятнадцать лет на территории страны и имеют стабильный источник дохода. Поэтому многие албанцы и цыгане, иммигрировавшие в Македонию в период социализма, не имели свидетельств о проживании и им пришлось повторно подавать на получение македонского гражданства в рамках обычной процедуры натурализации. Поскольку переходный период для граждан бывшей Югославии истек в ноябре 1993 года, было зарегистрировано 2130 случаев людей без гражданства[207].

В декабре 2004 года правительство Македонии начало крупную информационную кампанию в координации с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), чтобы ускорить процедуру и избежать

---

[206] Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge/London: Harvard University Press, 1994. P. 29.

[207] Imeri S. ed. Citizenship: Rule of Law in the Countries of the Former SFR Yugoslavia and Albania: between Theory and Praxis, Gostiva: Association for Democratic Initiatives, 2006. P. 104-106.

первоначальных ошибок из-за неполной информации о потенциальных заявителях. Использовались печатные информационные буклеты и брошюры на цыганском и албанском языках, в которых простым языком объяснялась процедура подачи заявления на получение гражданства. С 2004 по 2009 годы 4984 постоянных жителей получили македонское гражданство в соответствии с переходными положениями для граждан бывшей Югославии[208].

Таким образом, македонская «модель многоэтнического сотрудничества, доверия и построения коалиций»[209] действительно улучшила определенные практики и изменила многие популярные представления, основанные на этнокультурном измерении. Возросшее присутствие лидеров меньшинств, языков и символов в политической и общественной сферах привело к новой «согласованной нормальности»[210], в рамках которой были расширены ранее исключительно македонские этнокультурные аспекты государства и режима гражданства, включены немакедонские этнокультурные дискурсы.

Как убедительно утверждает Дж. Шепфлин[211], «если мы принимаем, что идентичность аксиоматически создает границы, из этого следует, что идентичность требует инаковости, других, по отношению к которым мы определяем наше «мы». Если принять это как аксиому, проблема полиэтничности заключается не в этничности как таковой, а в том, как мы относимся к межэтническим контактам или конфликтам». Можно сказать, что способы регулирования межэтнических конфликтов и контактов в Македонии после 2001 года, несомненно, проистекают из уникальной модели, которая была принята и усвоена политическими элитами

---

[208] UNHCR Statistics for the Former Yugoslav Republic of Macedonia. August 2009, UNHCR Representation in the FRY of Macedonia. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/Balkan-the-former-yugoslav-republic-of-macedonia.html

[209] Barbieri S. 2010, Interview with Mr. Gjorge Ivanov, President of the Republic of Macedonia //Southeastern Europe& 2010. № 34. P. 91.

[210] Chaney D. Cultural Change and Everyday Life. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 136.

[211] Schopflin G. Liberal Pluralism and Post-Communism // W. Kymlicka & M. Opalski, eds. Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 115.

(по крайней мере, на уровне дискурса) и подвергнута сомнению оппозицией, радикальными и популистскими голосами.

Если согласиться с мнением, что «система разделения властей должна быть более гибкой, а не статичной и неизменной, и ориентированной на процесс нациестроительства, чтобы снизить этническую идентификацию граждан»[212], то в Македонии можно наблюдать обратный процесс. После 2001 года на первый план вышли противоположные «семиотические конструкции реальности»[213], символическая география и картирование этических/религиозных территорий. Можно заметить усиление присутствия религии в общественной жизни, отсутствие интереса местных элит к взглядам или потребностям меньшинств и решимость правящих элит продолжать националистическую программу. Поэтому часто «представители разных этнических групп встречаются на поверхностном уровне, проводят ритуальные знаки внимания, и ничего не меняется по сути»[214]. Из-за особой взаимосвязи исторических обстоятельств многоэтнической перспективы и продолжающегося конфликта между «государством» и «национализмом меньшинства»[215], гражданство и связанные с ним практики в македонском контексте понимаются только в одном из трех их измерений (гражданство, права и идентичность[216]) – в измерении этнокультурной принадлежности. Трудно отрицать, что мирное сосуществование двух основных этнических групп продолжалось в Македонии долгое время.

Однако оппортунисты с обеих сторон часто используют страх перед неопределенным будущим[217], как это имеет место сегодня, когда этнократические

---

[212] Bieber F. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies: The Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo // A. M. Pippidi and I. Krastev, eds. Nationalism after Communism: Lessons Learned. Budapest/New York: Central European Univ. Press, 2004. P. 239.
[213] Chaney D. Cultural Change and Everyday Life. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 133.
[214] Schopflin G. Liberal Pluralism and Post-Communism…, P. 122.
[215] Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2001. P. 222.
[216] Joppke Ch. Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity // Citizenship Studies. 2007. № 11(1). P. 37-48.
[217] Koppa M. E. Ethnic Albanians in the Former Yugoslav Republic of Macedonia: Between Nationality and Citizenship // Nationalism and Ethnic Politics. 2001. № 7(4). P. 37-65.

элиты участвуют в этнонациональных инициативах, таких как поддержка строительства спорных памятников, музеев и религиозных объектов или вроде бойкота парламента некоторыми политическими партиями. В августе 2009 года члены албанских оппозиционных партий (ДПА, ДСА) покинули парламент и не участвовали ни в одной из его сессий без каких-либо последствий и несмотря на призывы спикера вернуться. Следует отметить, что в январе 2011 года парламент снова бойкотировали, на этот раз многонациональным оппозиционным блоком, обеспокоенным свободой СМИ. Социал-демократы (СДСМ), новые социал-демократы (НСДП), либералы (ЛПМ) и Демократическая партия албанцев (ДПА) покинули парламент, возмущаясь предполагаемым вмешательством правительства в решение суда о замораживании счетов телеканала А1 и трех ежедневных газет той же группы СМИ.

Несмотря на требования некоторых оппозиционных партий, парламентских дебатов по спорному и дорогостоящему проекту «Скопье-2014» не было. Этот проект, представленный в феврале 2010 года, был задуман как попытка изменить облик столицы, украсив центр города многочисленными памятниками и государственными учреждениями, в том числе гигантской статуей Александра Великого с фонтаном. Этот проект подвергся критике как очередная попытка переопределить публичную сферу, установить исторический ревизионизм и изобрести традиции, и был признан излишним и связанным с сомнительными затратами и обвинениями в коррупции. Те, кто поддержал инициативу, заявили, что в Скопье нет памятников и что город находился в запустении при предыдущих правительствах и в социалистический период. Однако всю тенденцию исторического ревизионизма и «антикизации» (которая особенно присутствует после 2008 года, когда Македония не смогла стать членом НАТО, хотя и соответствовала всем требованиям) следует рассматривать в контексте конфликта с Грецией из-за названия страны. Акцентирование внимания на далеком прошлом, наряду с пренебрежением славянским и антифашистским наследием в последние годы, также можно рассматривать как вызов идентичности, языку и имени

Македонии, брошенный соседними странами. В этом контексте важно наблюдение Ч. Тейлора о том, что «наша идентичность частично формируется из-за признания или ее отсутствия, часто потому, что другие не признают нас»[218].

Нельзя не согласиться с О.Ю. Малиновой: «Борьба за смыслы в современной мире не сводится к традиционной идеологической борьбе. Она выражается не только в словах, но и в делах (властных решениях, нормативных актах, протестных акциях и т.п.). В качестве ее инструментов выступают и вербально оформленные «идеи» (принципы, концепции, доктрины, программы и т.п.), и невербальные способы означивания (образы, жесты, графические изображения и др.). Поэтому при изучении символической политики требуется сочетать приемы анализа дискурсов, политических стратегий и технологий»[219]. Упомянутые строительные предприятия, помимо критики со стороны этнических македонцев, также побудили албанских политических деятелей и представителей гражданского сектора выступить с контрпредложениями или осудить правительственный проект «Скопье 2014» как провокационный и националистический. Музей, посвященный албанским повстанцам 2001 года и Национально-освободительной армии (НОА), открылся в 2008 году, вызвав много споров в муниципалитете Када, в городе Скопье, где преимущественно проживают албанцы. Его официально открыл А. Ахмети, президент албанской партии от правящей коалиции, но, как и в случае со многими другими памятными датами конфликта 2001 года, воспоминания были разделены, поэтому на открытии музея НОА не присутствовали представители правительства, которые бы были этническими македонцами.

Таким образом, можно утверждать, что консоциативный подход к разделению власти в Северной Македонии характеризуется одним серьезным недостатком – «опорой на соглашение между элитами и на конфликт, который элита инициировала»[220]. Данный тезис также в своем интервью высказала Г. Йович

---

[218] Taylor C. Multiculturalism. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 25.
[219] Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 289.
[220] Sisk T. Power-Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. Wash.: USIP Press, 1994. P. 38.

Стойковска: «В нашей стране, где демократические процессы отстают, коррупция нарастает, имеется неадекватная и недостаточно качественная система образования, отсутствует свобода СМИ, в целом плохое социальное положение, гражданские права и законы злонамеренно и своевольно интерпретируются, проблема идентичности становится реальной проблемой, а особенно в контексте Охридского рамочного соглашения, по которому права граждан в соответствии с их этнической принадлежностью должны осуществляться на равной основе» (см. приложения).

Несмотря на то, что Македония номинально унитарна, она разделена на символически разобщенные территории, которые, как правило, соответствуют измененным границам местного самоуправления. Как уже упоминалось, политические элиты проводят этническую политику через символы и памятники в районах с явным большинством, не принимая во внимание потребности меньшинств. Таким образом, в предыдущие десятилетия македонский электорат был запутан в сети постоянной «этнификации политического процесса»[221]. Эта и аналогичные практики выявляют разрыв между политическим и институциональным измерениями македонской модели полиэтнической демократии, с одной стороны, и укоренившимися этнокультурными взглядами и дискурсами, с другой.

Упомянутая этнификация социально-политической реальности также относится к сфере медиа и образования. Среди немногих средств массовой информации, избегающих одноязычной формы, выделяется телеканал ALSAT-M, который вещает как на македонском, так и на албанском языках. Единственное не полностью частное учебное заведение, которое дает образование на македонском, албанском и английском языках, – Университет Юго-Восточной Европы в Тетово, основанный в 2001 году по инициативе Верховного комиссара ОБСЕ по делам беженцев Макса ван дер Стула. В 2010 году Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН) опубликовала отчет, согласно которому

[221] Bieber F. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies…, P. 242.

система образования, основанная на сегрегации, «несет в себе риск того, что члены разных сообществ, получившие образование на разных языках и разделенные с раннего возраста, не могут жить бок о бок, так как не узнают друг друга, не общаются, что увековечивает взаимное недоверие и нетерпимость»[222]. В дополнение к системе образования, в которой сегрегация препятствует созданию платформы для взаимодействия между учащимися из разных этнических/языковых групп, этническая нетерпимость также подпитывается «распространением стереотипов и случаев этнической нетерпимости в СМИ»[223].

Доклад ЕКРН 2016 года отмечал положительные институционные изменения в Македонии, однако указывал, что основные проблемы по борьбе с этнической/религиозной дискриминацией остаются без решения: «Этническая напряженность между двумя крупнейшими общинами остается высокой, а ненавистнические высказывания расистского толка являются широко распространенной проблемой, которая остается в значительной степени неконтролируемой и создает атмосферу, в которой могут происходить акты расистского насилия»[224].

Хотя Охридские рамки в основном применяются ко всем этническим общинам в Македонии, чтобы все они были включены в общественную и политическую жизнь страны, две крупнейшие общины – македонская и албанская – доминируют в своем политическом и этнокультурном присутствии. Как указывает Ф. Бибер, «кроме албанцев, другие меньшинства в Македонии в значительной степени исключены из переговоров о защите прав» [225]. Хотя власти Македонии не забывают упомянуть тот факт, что Македония является единственной страной в Европе с муниципалитетом цыган (и мэром-цыганом), они по-прежнему недостаточно представлены в государственном управлении. Сектор

---

[222] European Commission against Racism and Intolerance (2010), // Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle). 2010. P. 18.
[223] Ibid.
[224] European Commission against Racism and Intolerance // Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle). 2016. P. 9.
[225] Bieber F. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies…, P. 242.

гражданского общества цыган, однако, вырос за последние годы; была принята Стратегия интеграции цыган 2014-2020 годов, направленная на пять стратегических областей: трудоустройство, образование, жилье, здоровье и культура. Был достигнут прогресс в сфере занятости в государственном секторе, где доля рома увеличилась с 0,33% в 2005 году до 2,56% в 2012 году. Число безработных цыган , принявших участие в инициативе по повышению их возможностей трудоустройства, таких как учебные курсы, также увеличилось со 133 в 2010 г. до 612 в 2013 г.; но последняя цифра по-прежнему составляла лишь около 10% всех цыган.

Такой низкий процент особенно проблематичен с учетом того, что низкий уровень образования и связанных с работой навыков рассматриваются как основные препятствия на пути улучшения возможностей трудоустройства членов общины рома. Поэтому положительно, что новая стратегия направлена на увеличение этого показателя до 50% к 2020 году[226]. Однако в области экономических прав цыган по-прежнему находятся в нижней части социальной пирамиды с уровнем безработицы 83,8% (рекордный показатель в 2020 г. с момента объявления независимости страны)[227]. Особую озабоченность вызывает процент цыганских детей, не закончивших среднюю школу, их чрезмерная представленность в учебных заведениях для детей с ограниченными возможностями и количество детей рома, живущих на улице[228]. Кроме того, было указано, что отсутствие регистрации детей- цыган по рождению оставляет многих из них без гражданской идентичности и социальной защиты. В рамках проекта, совместно осуществляемого УВКБ ООН, Министерством внутренних дел и несколькими неправительственными организациями, значительное количество

[226] European Commission against Racism and Intolerance // Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle). 2016. P. 23.
[227] Commission of the European Communities, 2020, North Macedonia 2020 Progress Report. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/system/files/2020-10/north_macedonia_report_2020.pdf
[228] European Commission against Racism and Intolerance // Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle). 2010. URL: https://www.refworld.org/publisher,COECRI,COUNTRYREP,MKD,4c18783a2,0.html

людей, не имевших удостоверений личности или имевших просроченные, были зарегистрированы и получили документы, необходимые для доступа к здравоохранению, образованию и другим социальным льготам. Однако это остается нерешенным вопросом, поскольку для более постоянного решения требуется просвещение самых широких слоев цыганской общины и долгосрочное устранение различных форм дискриминации, которым они подвергаются.

Этнонациональная концепция гражданства с первого десятилетия независимости, которая подчеркивает «принадлежность» государства к македонскому большинству, была заменена после конфликта 2001 года мрачной, этнифицированной концепцией, в которой принадлежность к одной из этнических общностей Македонии стал главным определяющим фактором доступа к различным правам. Несмотря на то, что правила, регулирующие гражданство, были изменены, чтобы включить наиболее важные европейские стандарты (установленные Европейской конвенцией о гражданстве) и рассмотреть большинство случаев нерегулируемого статуса со значительными улучшениями в многочисленных процедурах, более широкий контекст гражданства с точки зрения гражданских прав и чувство принадлежности стало еще более этническим, что создает новые проблемы для хрупкой социальной и политической сферы Македонии.

Еще одним фактором, влияющим на процесс формирования гражданской идентичности в Северной Македонии является исторический конфликт с Болгарией. Борьба между странами за историческое наследие, символы и самобытность перекинулись на язык и гражданство с использованием юридических средств. Вступление Болгарии в ЕС в 2007 г. привело к увеличению случаев двойного гражданства, что в основном было мотивировано большей мобильностью для получения образования и дальнейшего трудоустройства, т.е. для доступа на рынок труда ЕС. Только в период с 2000 по 2006 год 32 702 гражданина Македонии подали заявление на получение болгарского гражданства на основании происхождения, и это число неуклонно растет с 2000 года, когда было подано всего

113 заявлений[229]. Поскольку большинство заявлений было подано в соответствии с положениями о болгарском происхождении, заявители не должны были проживать в Болгарии. В основном они использовали болгарский паспорт или удостоверение личности для законной экономической миграции в пределах ЕС. Как показывают опубликованные случаи двойного македонско-болгарского гражданства, это может вызвать проблемы, особенно если практика наблюдения за гражданством через призму этнической принадлежности сохраняется и если ее используют или злоупотребляют ради борьбы за символы и исторические наследие.

Политический аспект македонского гражданства в значительной степени определяется политикой евроатлантической интеграции. Перспективы членства являются единственной объединяющей платформой для всех македонских политических элит и большинства граждан. Европейский союз установил дипломатические отношения с Македонией только в конце 1995 г. после подписания Временного соглашения между Македонией и Грецией 13 сентября 1995 г. в Нью-Йорке, которое закрепило двусторонние отношения между двумя странами и положило конец двухлетнему греческому эмбарго.

Процесс стабилизации и ассоциации между ЕС и Македонией начался только в 1999 г., хотя перспективы членства никогда не предлагались открыто. Македония подписала Соглашение о стабилизации и ассоциации (ССА) в апреле 2001 года и подала официальную заявку на членство в марте 2004 года. Статус кандидата она получила спустя полтора года, в декабре 2005 года. В то время как Хорватия получила статус кандидата и рекомендацию начать переговоры о присоединении в том же году (2004 год), Комиссии потребовалось четыре года, чтобы предложить начало переговоров с Македонией (в октябре 2009 года). Хотя это единственная югославская республика, которая не была вовлечена в конфликты во время распада государства, Македония значительно отстает как с точки зрения экономического

[229] Smilov D., Jileva E. Country Report: Bulgaria, EUDO Citizenship Observatory. URL: http://eudo-citizenship.eu/docs/CountryReports/Bulgaria.pdf

прогресса, так и с точки зрения евроатлантической интеграции. Тому есть ряд причин. В первую очередь, речь идет о претензиях соседних стран.

Однако следует отметить, что ЕС, наряду с США, инвестировал в Македонию как дипломатически, так и материально[230], и что ключевые реформы в Македонии были достигнуты благодаря «внешнему управлению» ЕС. Финансовая помощь Македонии со стороны Союза увеличивается из года в год, достигнув 80 млн евро в 2020 году[231]. Наконец, либерализация визового режима действительно положила конец «чувству унижения и замкнутости»[232], хотя более четко показала серьезность экономической ситуации и уровня жизни, поскольку многие граждане не могут им воспользоваться.

Как считают некоторые исследователи коммунистического прошлого, «сегодня политика должна основываться на положительных моментах коммунистической попытки решить проблему многоэтничности, а не на импорте совершенно новых институтов»[233]. Следовательно, продуктивная регионализация, основанная на позитивном опыте эпохи югославской федерации, должна предшествовать европеизации. Несмотря на то, что это представляется и понимается как ключевой государственный интерес и цель внешней политики, будущее присоединение к новой наднациональной сфере, в которой европейское гражданство будет служить вторым защитным слоем, для Македонии все еще далеко. Следовательно, усиленная региональная интеграция и подлинное трансграничное сотрудничество через платформы снизу вверх могли бы создать продуктивную транснациональную повестку, которая более эффективно отвечала бы интересам небольших, местных и/или изолированных сообществ. Однако, хотя

---

[230] Irwin Z. T. Macedonia since 1989 // S. P. Ramet, ed. Central and Southeast European Politics since 1989, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 328-358.

[231] Coronavirus: Macro-financial assistance agreement provides for €80 million disbursement to North Macedonia. European Commission. Press release. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1343

[232] Jansen S. After the Red Passport: Towards an Anthropology of the Everyday Geopolitics of Entrapment in the EU's „Immediate Outside“ // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. № 15. P. 815-832.

[233] Pippidi A. M., Krastev I. eds. Nationalism after Communism: Lessons Learned.Budapest/New York: Central European Univ. Press, 2004. P. 274.

членство в НАТО и возможное членство в ЕС могут стать стимулом для исцеления внутренних этнокультурных трещин, учитывая недавнюю политику этнической сплоченности в Центральной Европе и тенденции к «национализации» после вступления, сомнительно, что членство будет способствовать существенному улучшению македонской модели «полиэтнической/консенсуальной демократии.

3.3. Сравнительный анализ процессов формирования гражданской идентичности в Боснии и Герцеговине и Северной Македонии

Как было показано, Босния и Герцеговина имеет сложный режим гражданства, ставший ответом на кровопролитный конфликт и преследующий цель сохранения хотя и хрупкого, но все же этнополитического мира в единой политической рамке. Он состоит из нескольких слоев или микрорежимов, которые действуют, следуя собственной политической логике, без необходимой функциональной согласованности. Эти режимы являются не только внутренними и основаны на этнической принадлежности, но также являются внешними и включают режимы гражданства соседних стран, в первую очередь Хорватии и Сербии. Весь комплекс гражданства характеризуется различным пониманием гражданства и, следовательно, самого боснийского государства. Наряду с этим существуют разные и противоречивые представления о том, что означает конкретное гражданство, как оно соотносится с общим контекстом и институтами, кто должен быть гражданином и, наконец, с характером боснийского государства.

Взятые вместе, плюрализм режима гражданства, единая правовая база гражданства и множество несоизмеримых концепций гражданства отрицательно сказываются не только на политической стабильности, но и на статусе прав человека в стране. Они размывают отношения институциональной ответственности по отношению к отдельным лицам, создавая сложные отношения между группами, учреждениями и отдельными лицами и позволяют использовать их различным политическим акторам и идеологиям. Правовые режимы энтитетов

являются взаимоисключающими и не отвечают реальным социальным, гражданским и политическим потребностям боснийских граждан. Учитывая историю БиГ, имеющей супер-гетерогенный характер (в 1942 году Иво Андрич, вспоминая события 1807-1814 годов, провидчески описал «леденящие страдания» Боснии, где «через 100-200 лет…будут вести между собой кровопролитные сражения христиане, освобожденные от оттоманского владычества»[234]), существование двух режимов гражданства энтитетов не только ограничивает правовые, социальные, политические возможности граждан БиГ, проживающих в разных энтитетах, но и становится фактором консервации этнополитического размежевания.

Македонский казус демонстрирует похожую на боснийскую модель формирования гражданской идентичности: вместо деэтнизации после Охридского соглашения 2001 года структура македонского гражданства была реформирована, формально демократизирована и расширена, но в то же время повторно этнитизирована на многих уровнях, что и привело к состоянию «разобщенной нации». В македонском контексте это выражается в напряжении между дискурсом интегративной полиэтнической демократии и македонской моделью либерального консоциатизма, с одной стороны, и различными этнокультурно кодированными инициативами, идеологиями и представлениями, происходящими из более широкого социального спектра, с другой.

Выбранные казусы демонстрируют крайне сложный процесс формирования гражданской идентичности в полиэтнических обществах, переживших межнациональные конфликты. Выбор модели ГИ, которая могла бы стать фактором преодоления этнополитической конфликтности, зависит не только и даже не столько от политико-институциональной рамки, сколько от целого комплекса причин глубинного культурно-исторического наследия, но в то же время напрямую зависит от конструирования реальности, которая в свою очередь во многом определена целями и задачами конструкторов.

---

[234] Андрич И. Травницкая хроника. Консульские времена. М.: Панорама, 1996. С. 78, 324.

Как отмечалось в первой главе, хорватский исследователь Д. Петрович, занимающийся изучением процессов формирования гражданских идентичностей в странах бывшей Югославии, выделил четыре сферы идентификации[235]. Это сферы:

- ✓ межличностных отношений (доминирующая единица – семья, далее следует пол, профессия, религия);
- ✓ экономических отношений (определяет принадлежность индивида к социальной группе, классу, сообществу на основе материальных потребностей и возможностей);
- ✓ политических отношений (формирует политическую идентичность на основе признания ими государственности страны проживания);
- ✓ культурных отношений (позволяет формировать идентичность на основе языка, религии, социальных норм и обычаев, национальной истории).

Процесс построения личной и коллективной идентичности внутри и вокруг названных сфер не является линейным и иерархичным. Личность точно так же, накапливая опыт и знания, выделяет свою причастность к группе и противопоставляет себя «чужим», как и группа формирует коллективную реальность из представлений отдельных индивидуумов и собирается, и трансформируется по мере самоидентификации каждого ее члена.

Плюрализм самоидентификаций современного человека дополняется и усложняется множественностью политических идентичностей, которые в свою очередь рождаются в процессе политики идентичности. Последняя раскрывается в деятельности «по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, в практике целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов на путях формирования общих ценностей и ориентиров развития политического (национального, территориального) сообщества и групповых солидарностей

[235] Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta // Etnološka istraživanja. 2006. № 11. S. 213-215.

внутри этого сообщества, поддержания чувства принадлежности к нему»[236]

В этом сложном процессе государство выступает ключевым актором, который для достижения конкретных целей политики идентичности использует сложный комплекс институтов социализации (система образования, воинская служба, НКО, политические партии, СМИ, церковь), которые активно используют языковую политику, политическую символику и историческую память. Итогом такой разносторонней деятельности становится гражданская (в узком смысле национальная) идентичность, определяющая коллективное самосознание членов государства как единого, значимого для всех сообщества. Именно на этой основе базируется легитимность власти и государства как института, претендующего на реализацию гражданской идентичности в политических действиях под флагом защиты национальных интересов.

Таким образом, политика идентичности осуществляется в контексте отношений власти, господства и подчинения, конкуренции и сотрудничества. Нельзя не согласиться с Г.Я. Миненковым в том, что политика идентичности – это прежде всего «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии»[237]. Именно поэтому любая система ценностей, символов и маркеров, структурирующая идентичность, является существенной составляющей системы власти, организующей и поддерживающей порядок в рамках того или иного сообщества. В то же время «государственная поддержка тех или иных интерпретаций социальной реальности вовсе не гарантирует их доминирующей роли: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления» и двоемыслия»[238].

---

[236] Семененко И.С. Концепт изучения идентичности // Современная политическая наука: Методология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 454.
[237] Миненков Г.Я. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. 2005. № 3. С. 24.
[238] Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2001. № 3-4

Идентичность все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих формирование политической и(или) гражданской/национальной идентичности как важный мобилизационный ресурс публичной политики. Государства активно проводят политику идентичности, целью которой является объединение общества представлениями – в зависимости от стоящих задач – о «нации» как в этническом, так и в политическом смыслах, об интерпретации «национальной» культуры и истории. Перефразируя Э. Хобсбаума получим: «В главном идентичности (у классика здесь стояло слово «нации») конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе необязательно являются национальными, а тем более – националистическими по своей природе»[239]. В современных условиях «каждое государство пытается убедить своих граждан в том, что они составляют «нацию», следовательно, все вместе принадлежат к одному политическому сообществу и имеют по отношению к каждому другому гражданину и к общему для всех них государству особые обязательства»[240]. В то же время в любом обществе работает «непреодолимая сила культурной гравитации, которая соединяет нацию» [241], что находит выражение в гражданской идентификации.

В целях подтверждения выдвинутой научной гипотезы и достижения эмпирического уровня фальсификации существующих концепций идентитарности было проведено онлайн-исследование настроений молодежи названных стран в возрасте от 15 до 35 лет. Дизайн исследования формировался с учетом методологических рекомендаций Мангейма[242]. Обращение именно к молодежной

(52). С. 106.

[239] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя. 1998. С. 20.

[240] Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. 2013. № 6 (4). С. 71.

[241] Сурков В.Ю. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11 февраля. 2019. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

[242] Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. – М.: Издательство “Весь Мир”, 1997. 544 с.

аудитории определено формированием этого поколения уже после выхода республик из «тела» социалистической Югославии. Молодые люди воспитывались в духе и мифологии новых государств и транслируют все фобии и фантомные боли, свойственные гражданским и политическим институтам изучаемых политий. Кроме того, были проведены экспертные интервью с представителями боснийских и македонских научных и политических кругов, а также индивидуальные глубинные интервью с представителями обеих политий, сохраняющие гендерный и этнический баланс репрезентативной группы. Несколько слов о методике анкетирования.

Онлайн-анкета из 20 вопросов была размещена на интернет-платформе (https://ru.surveymonkey.com/r/politicalidentity) и растиражирована в социальных сетях. Для максимального охвата аудитории был использован наиболее распространенный в регионе язык межнационального общения – английский.

Анкета включала четыре блока:

1. Данные респондента («паспортичка»; вопросы 1-7);
2. Иерархия идентичностей (вопросы 8-11);
3. Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» (вопросы 12-16);
4. Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания (вопросы 17-20).

«Паспортичка» (**первый блок**) позволила выявить пол, возраст, образование, профессиональную деятельность, гражданство, этническую принадлежность и место жительства респондентов.

Второй блок – «Иерархия идентичностей» – включал четыре вопроса. Приведем их полностью.

8. Проранжируйте, пожалуйста, в порядке значимости данные о себе, где 1 – наиболее важное определение Вашей личности, а 7 – наименее важное.

Выбрать предлагалось из следующих позиций: пол, возраст, образование, профессиональная деятельность, гражданство, этническая принадлежность и место жительства респондентов. Цель данного вопроса – выявить доминирующую идентичность опрашиваемых. Вслед за Ш. Страйкером и Р. Серпом, которые предложили данную методику[243], предполагается, что участники опроса сравнивали каждую идентичность с семью другими и в итоге выделяли наиболее и наименее важные характеристики собственного «Я».

9. Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?

Было предложено четыре вида ответов: да; играет, но незначительную; иногда; не играет. Аналогичная постановка вопрос-ответ прошла успешную апробацию в исследованиях Я. Стетса[244]. Цель вопроса – получить представление о степени присутствия фактора идентичности в жизни респондентов.

10. Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению.

Были предложены семь вариантов ответов:

- ✓ Представители вашего пола статистически умнее, чем представители противоположного.
- ✓ Ваше поколении лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.
- ✓ Ваш уровень образования дает вам преимущества в жизни.
- ✓ Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.
- ✓ Вы живете в независимом и процветающем государстве.
- ✓ Ваша этническая принадлежность – повод для гордости.

---

[243] Stryker Sh., Serpe R.T. Identity salience and psychological centrality: Equivalent, overlapping, or complementary concepts? // Social Psychology Quarterly. 1998. Vol. 57. P. 16-35.

[244] Stets J.E., Biga C.F. Bringing identity theory into environmental sociology // Sociological Theory. 2003. Vol. 21. P. 398-423.

✓ Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.

11. Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно.

Были предложены семь вариантов ответов:

✓ У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.

✓ Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.

✓ Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.

✓ Ваша профессия не востребована на рынке труда.

✓ Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.

✓ Вам стоит скрывать от других людей вашу этническую принадлежность.

✓ Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.

Данная методика вопроса была предложена в работах Л. Наттброка и П. Фрейдигера[245], Дж. Эллистада и Я. Стетса[246]. Вопросы 11 и 12 направлены на непрямую оценку иерархии идентичности респондентов. В частности, эмоциональные, очевидно субъективные реакции на позитивные и негативные высказывания об определенной характеристике отвечающего позволяют выявить сбалансированность самоопределения испытуемых или же его диспропорцию. Например, респондент может отождествлять себя в первую очередь через этнический признак и эмоционально реагировать на комплименты по поводу собственной этнической принадлежности («Ваша этническая принадлежность – повод для гордости» – 1 – очень рад). Однако при оценке негативных высказываний отвечающий может не выразить равнозначной эмоциональной реакции (например,

[245] Nuttbrock L., Freudiger P. Identity salience and motherhood: A test of Stryker's theory // Social Psychology Quarterly. 1991. Vol. 54. P. 146-157.
[246] Ellestad J., Stets J.E. Jealousy and parenting: Predicting emotions from identity theory // Sociological Perspectives. 1998. Vol. 41. P. 639-668.

«Вам стоит скрывать от других людей вашу этническую принадлежность» - 4 – все равно). В таком случае можно будет сделать вывод о ситуативном доминировании этнической идентичности в самосознании респондента, так как данная идентичность выступает на первый план только в позитивном ключе.

Третий блок – «Групповая идентичность, внешний и внутренний «другой» – включал пять вопросов и был разработан с опорой на методологию С. Джонсона и А. Колемана[247], В.Е. Морозова[248], И. Нойманна[249] и О.В. Поповой[250].

12. К какому типу организации Вы бы охотнее присоединились (или членом какой организации являетесь).

Респондентам предлагалось сделать выбор из семи позиций: против гендерной дискриминации; объединение молодежи; научное сообщество; профессиональный союз; политическая партия; за равные права национальных меньшинств; благоустройство среды (населенного пункта, в котором Вы проживаете).

13. Разделяют ли Ваши родители и близкие друзья Ваши идеологические и политические ориентации?

Было предложено четыре вида ответов: да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет.

14. Есть ли группа внутри вашего общества, которую Вы бы противопоставили себе? Если да, то по какому основания?

В качестве оснований такой возможной группы мы предложили: пол, возраст, образование, род деятельности, гражданство, этническая принадлежность, место жительства. Отдельно был указан ответ «нет такой группы».

---

[247] Johnson C., Coleman A. The internal other: exploring the dialectical relationship be- tween regional exclusion and the construction of national identity // Annals of the association of American geographers. 2012. Vol. 102 (4). P. 863-880.

[248] Морозов В.Е. Россия & Другие: Идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение. 2009. С. 177-196.

[249] Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство. 2004. С. 25-70.

[250] Попова, О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002. С. 77-89.

Следующие два вопроса требовали от респондентов довольно больших затрат времени и эмоционального напряжения.

15. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего сообщества, которой Вы себя противопоставляете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Были предложены следующие пары: благородный/бесчестный; принципиальный/беспринципный; добрый к другим/эгоистичный; жадный/щедрый; рассудительный/эмоциональный; трудолюбивый/ленивый; гостеприимный/закрытый; лживый/честный; жестокий/сочувствующий; законопослушный/нарушающий закон; поддерживающий добрососедские отношений/идущий на конфликт; думает только о своих/заботится о всеобщей выгоде.

16. Из 12 пар противоположных характеристик выберите в каждой паре определение, наиболее подходящее для группы людей внутри вашего сообщества, с которой Вы себя ассоциируете. Если такой группы нет, пропустите этот вопрос.

Пары для ответа были аналогичны предыдущему вопросу.

Четвертый блок – «Оценка внешней и внутренней политики государства через призму гражданского самосознания» – состоял из четырех политически ориентированных вопросов.

17. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство поддерживает плодотворные и дружеские отношения.

Выбор государств был определен географическими, этно-религиозными, историко-культурными, военно-политическими и экономическими факторами. Это Австрия; Албания; Болгария; Великобритания; Германия; Греция; Израиль; Италия; Китай; Россия; Румыния; Саудовская Аравия; Северная Македония/Босния и Герцеговина; Сербия; Словения; США; Турция; Хорватия; Черногория; Чехия.

18. Выберите пять стран, с которыми, на Ваш взгляд, Ваше государство находится в политическом противостоянии или имеет разные векторы развития.

Перечень стран для ответов аналогичен предыдущему вопросу.

19. Как Вы оцениваете инициативы Вашего правительства по формированию гражданской идентичности в Вашей стране? (Направлены ли основные усилия Ваших политиков на то, чтобы каждый человек определял себя как гражданина вашего государства)?

Были предложены следующие ответы: полностью поддерживаю, считаю успешными; частично поддерживаю; считаю, что политики уделяют недостаточное внимание вопросу гражданской идентичности в моей стране; не поддерживаю.

20. Что из прошлого Вашего государства является ориентиром для Вас?

Респонденты выбирали из следующих ответов: принцип социальной справедливости; героические страницы истории; независимость; коллективизм; рабочее самоуправление; социальная защищенность.

Теперь о результатах исследования. В анкетировании прияли участие 162 респондента, из которых 79 из Боснии и Герцеговины и 83 – из Северной Македонии. 38% всех опрошенных – женского пола, 62 % – мужского. Группа до 18 лет составила 2% респондентов, от 18 до 24 лет – 8%, от 25 до 35 лет – 90%. Доминирующее число опрошенных имеют высшее образование (80%) и постоянную работу (56%). Все респонденты проживают в городах: в БиГ это Сараево, Восточное Сараево, Баня Лука, Рогатица; в Северной Македонии – Скопье, Битола, Куманово, Прилеп. То, что принять участие в опросе решили исключительно городские жители – свидетельство активной жизненной позиции представителей именно этого сегмента балканского общества. Учитывая сложность анкеты и большое количество вопросов, можно с уверенностью утверждать, что принявшие участие в анектировании хотели, чтобы их мнение стало широко известно и было услышано не только научным сообществом, но и политиками.

Вопрос об этнической принадлежности был открытым – нужно было самостоятельно указать свою этническую принадлежность. Так, из БиГ 87% опрошенных назвали себя сербами, 10% – бошняками, 3% – хорватами. Из

Северной Македонии 99% опрошенных определили себя как македонцы и 1% как албанцы. Поиск представителей албанской этнической группы, проживающих в Северной Македонии, представлял особую сложность. Несмотря на данные последней переписи населения 2002 г.[251], где из 2 022 547 граждан Северной Македонии 25,2 % являются этническими албанцами, привлечь к опросу молодых людей среди албанцев было, практически, невозможно, что свидетельствует о крайней закрытости и дистанцированности албанского сообщества. Такое положение вещей не является уникальным для Македонии. Проведенные опросы по шкале социальной дистанции Богардуса в университете Приштины в декабре 2016-январе 2017 гг. выявили, что «албанские студенты демонстрируют наибольшую этническую дистанцию по отношению к сербам, цыганам и русским, а наименьшую – к американцам и англичанам»[252].

Второй блок вопросов («Иерархия идентичностей») показал интересные, но в целом предсказуемые результаты. Лидерами в иерархии идентичностей стали «образование» (47%) и «профессиональная деятельность» (32%). На третье и четвертое места большинство опрошенных поставили «пол» и «возраст». И лишь затем шла «этническая принадлежность». Последним местом в иерархии стало «место жительства» – более 30% опрошенных поставили «7» напротив данного пункта, в то время как лишь 1% респондентов определил «место жительства» как доминирующую идентичность. Незначительно превышал этот показатель отношения к гражданству (Таблица 1; график 1).

Таким образом, при первом приближении можно утверждать, что для молодежи БиГ и СМ национальность, гражданство и место жительства *не играют определяющей роли в процессе формирования идентичности*. Условные боснийцы и македонцы скорее объединены образовательно-профессиональными и возрастными характеристиками, нежели гражданско-национальными. Этот промежуточный вывод подтверждается данными высокой мобильности молодежи

[251] Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005.
[252] Šuvaković U. Ethnic distance among the students of Serbia // Вестник РУДН. Социология. 2019. № 19 (2). С. 211.

– миграционный отток экономически активного населения из стран Западных Балкан наиболее ярко выражен именно в изучаемых странах, а также в Албании[253]. На этом фоне логично выглядит высокая поддержка молодежью процесса евроинтеграции: в БиГ вступление в Евросоюз поддерживают 85% молодежи[254]; в СМ – 81 %[255]. Однако не стоит спешить с утверждением о доминировании наднациональной (образовательно-профессиональной и общеевропейской) идентичности. Последующие ответы усложняют картину ценностного ландшафта.

Таблица 1. Иерархия идентичностей

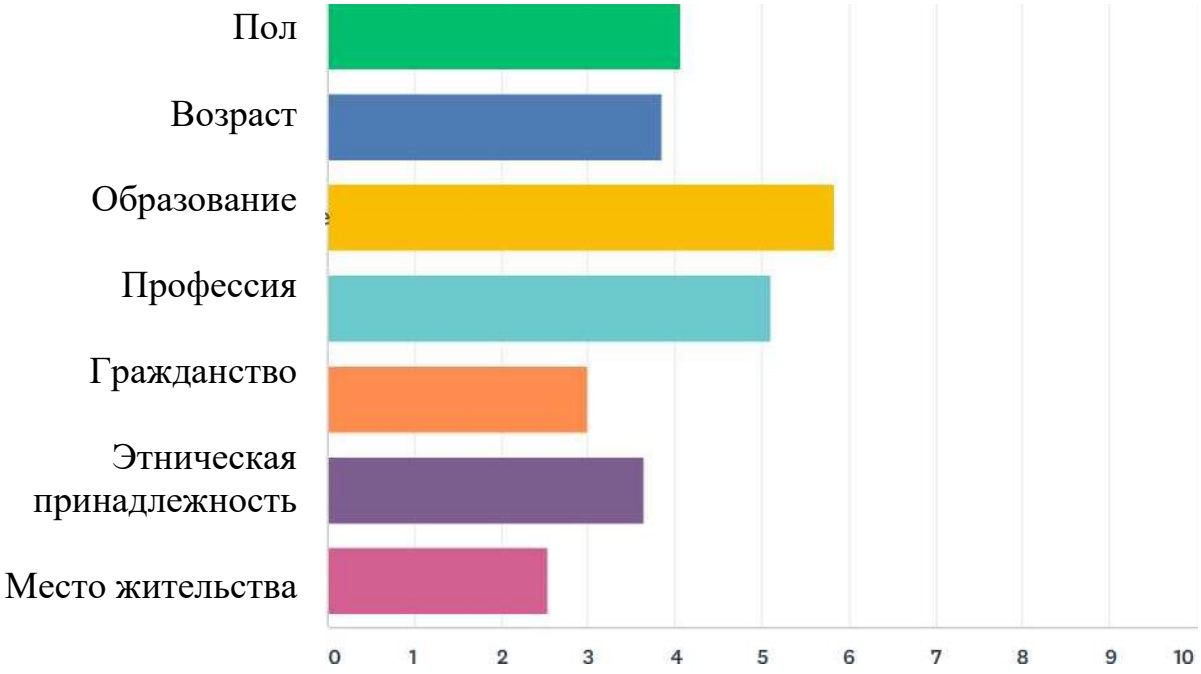
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Пол	12.90%	9.68%	22.58%	14.52%	8.06%	9.68%	22.58%
Возраст	1.61%	22.58%	17.74%	25.81%	17.74%	9.68%	4.84%
Образование	46.77%	19.35%	20.97%	6.45%	0.00%	3.23%	3.23%
Профессия	19.35%	32.26%	11.29%	20.97%	11.29%	1.61%	3.23%
Гражданство	1.61%	3.23%	9.68%	19.35%	29.03%	19.35%	17.74%
Этническая принадлежность	6.45%	11.29%	20.97%	12.90%	14.52%	17.74%	16.13%
Место жительства	1.61%	1.61%	6.45%	16.13%	19.35%	22.58%	32.26%

[253] Манаков А.Г., Суворков П.Э. Прогноз демографических процессов в страх Южной Европы до конца XXI века // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 9. С. 69-83; Net migration rate. Index Mundi. 2017. URL: https://www.indexmundi.com/g/g.aspx?v=27&c=bk&l=en

[254] Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019. URL: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf

[255] Youth study North Macedonia 2018/2019. URL: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf

График 1. Иерархия идентичностей

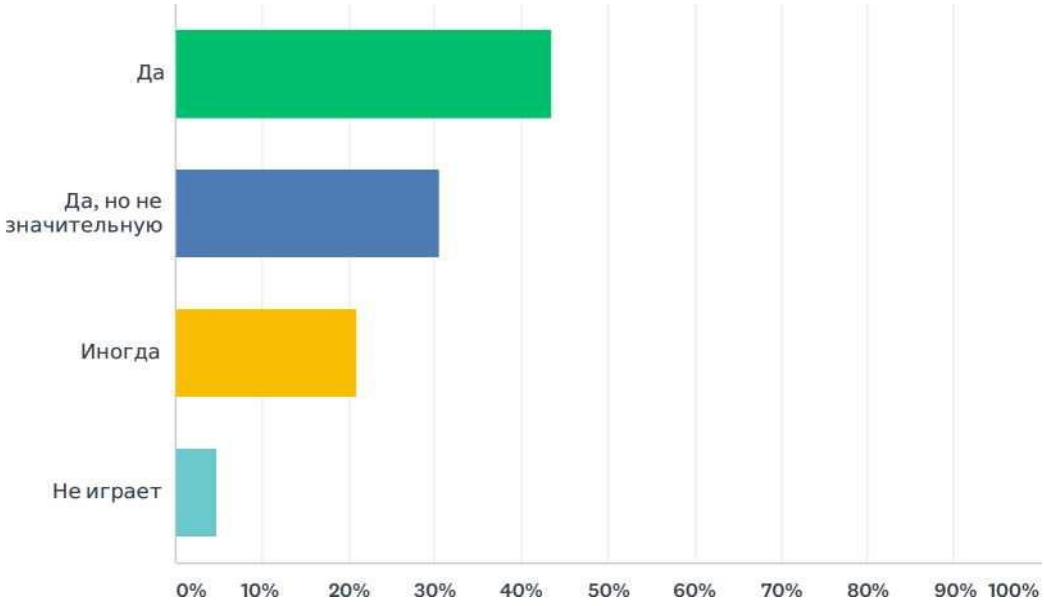

На вопрос «Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?» большинство респондентов ответило положительно (74%); 21% отметили, что играет иногда и лишь 5% ответили отрицательно (Таблица 2; график 2).

Таблица 2. Играет ли вопрос собственной идентичности в Вашей жизни значительную роль?

Варианты ответов	**Ответы**
Да	43.55%
Да, но не значительную	30.65%
Иногда	20.97%
Не играет	4.84%
Общее число	100%

График 2. Вопрос собственной идентичности

Сравнительный анализ 10 и 11 вопросов обнаружил несознательное занижение значимости гражданской и национальной идентичности респондентов. Как видно из предыдущих вопросов, самоопределение посредством гражданства и этническая принадлежность не лидирует в опросах. Однако при позитивных высказываниях о данных характеристиках респонденты демонстрируют живую реакцию (лишь 34% опрошенных ответили «принято к сведению»).

Еще интереснее то, что градус реакции увеличивается при негативных высказываниях: 48% ответили, что «очень огорчены» неприятными положениями об их национальности/этнической принадлежности (самый высокий процент в вопросе), и в то же время лишь 16% опрошенных заявили, что им «все равно». Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская и национальная идентичность выходит на первый план в ситуации конфликта, эмоционального нападения на респондента. Для сравнения: этнополитический конфликт и в БиГ, и в СМ среди молодых людей ощущается гораздо острее, чем вопросы гендерного равенства. Относительно последнего 50% опрошенных заявили, что им «все равно» (Таблицы и графики 3, 4).

Таблица 3. Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень рад(а), 2 – рад(а), 3 – приятно слышать, 4 – принято к сведению

Ряд положительных высказываний	**Очень рад(а)**	**Рад(а)**	**Приятно слышать**	**Принято к сведению**
Представители вашего пола статистически умнее, чем представители	9.68%	12.90%	19.35%	58.06%
Ваше поколении лучше предыдущего, у вас блестящие перспективы.	14.52%	32.26%	20.97%	32.26%
Ваш уровень образования дает Вам преимущества в жизни.	40.32%	33.87%	14.52%	11.29%
Ваша профессиональная деятельность вызывает одобрение окружающих и приносит личное удовлетворение.	37.10%	33.87%	14.52%	14.52%
Вы живете в независимом и процветающем государстве.	37.10%	22.58%	6.45%	33.87%
Ваша этническая принадлежность – повод для гордости.	30.65%	24.19%	11.29%	33.87%
Многим людям нравится город/населенный пункт, в котором Вы живете.	29.03%	27.42%	17.74%	25.81%

График 3. Позитивное восприятие

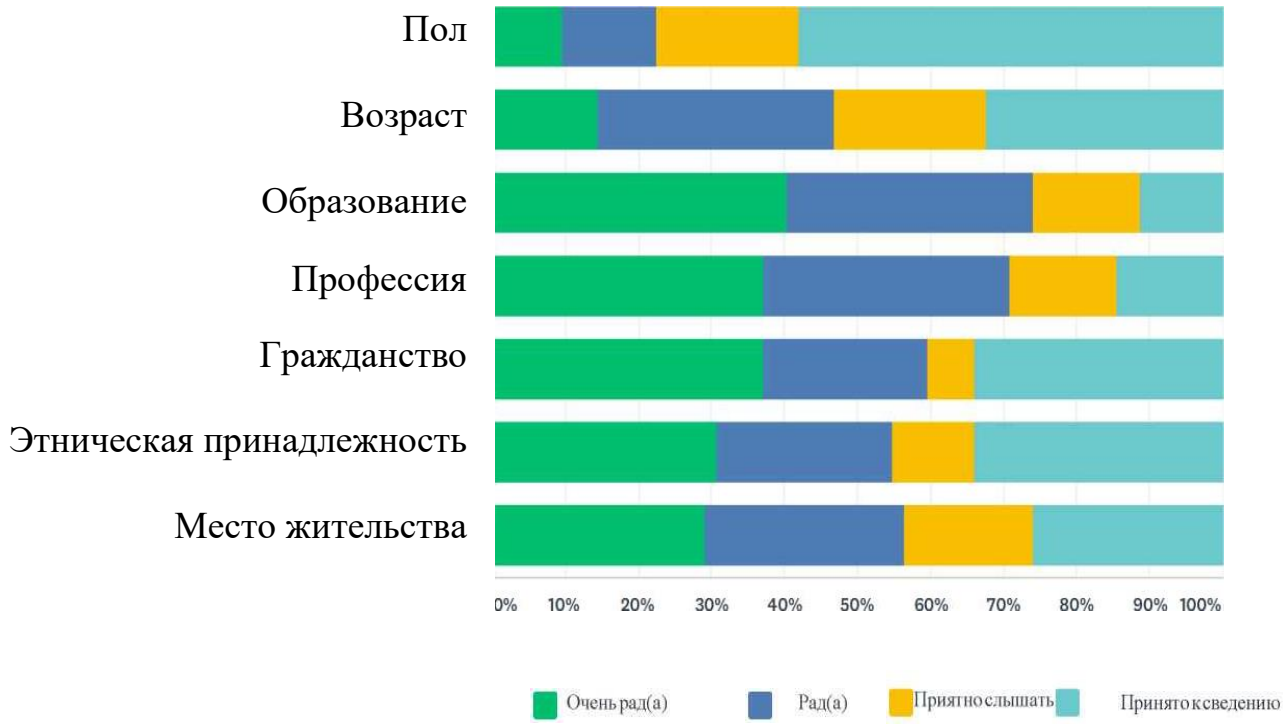
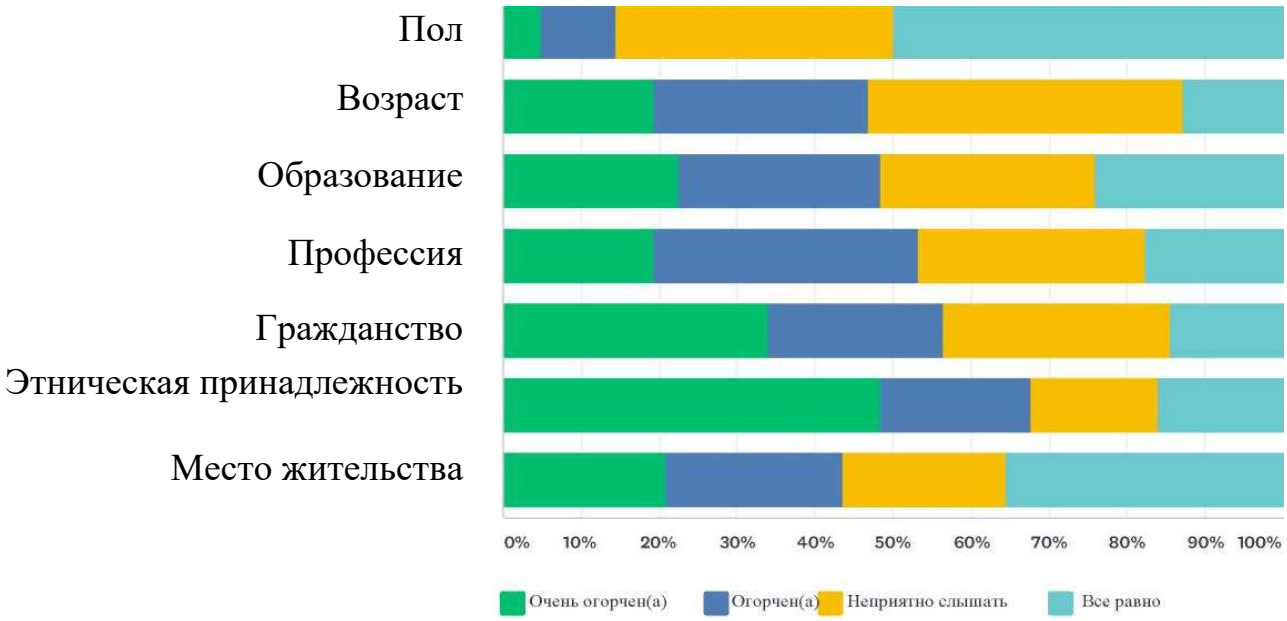

Таблица 4. Обозначьте, пожалуйста, свою реакцию на ряд следующих утверждений, где 1 – очень огорчен(а), 2 – огорчен(а), 3 – неприятно слышать, 4 – все равно

Ряд негативных высказываний	Очень огорчен(а)	Огорчен(а)	Неприятно слышать	Все равно
У представителей вашего пола интеллектуальные способности, как правило, ниже, чем у представителей противоположного.	4.84%	9.68%	35.48%	50.00%
Ваше поколение можно назвать потерянным, не имеющим будущего.	19.35%	27.42%	40.32%	12.90%
Вашего уровня образования недостаточно, чтобы пробиться в жизни.	22.58%	25.81%	27.42%	24.19%
Ваша профессия не востребована на рынке труда.	19.35%	33.87%	29.03%	17.74%
Вы живете в нестабильном и зависимом от других стран государстве.	33.87%	22.58%	29.03%	14.52%
Вам стоит скрывать от других людей вашу этническую принадлежность.	48.39%	19.35%	16.13%	16.13%
Мало кто хочет жить там, где Вы живете. Вам стоит переехать.	20.97%	22.58%	20.97%	35.48%

График 4. Негативное восприятие

Вопросы блока «Групповая идентичность» также обнаружили важные результаты. Несмотря на разносторонние интересы респондентов (в вопросе о типах организаций процент симпатий распределился достаточно равномерно, без ярко выраженного лидера: от научного сообщества (26%) и урбанистических организаций (21%) до групп против гендерной дискриминации (5%)) и безусловное влияние родных и близких на формирование политических взглядов (о существовании групповой политической идентичности заявили 70% опрошенных), в вопросе о внутреннем «другом» лидирует критерий «национальность» (32%).

Вопросы 15 и 16, где требовалось охарактеризовать идентичность «других» в «своем» государстве, а затем свою групповую идентичность, обнаружили *явное противопоставление себя внутреннему «другому»*. Процент характеристик был зеркальный: там, где давалось определение с негативной коннотацией для «других» был такой же показатель, как и для позитивного прилагательного для «своих». Стоит отметить, что в вопросы специально были введены такие определения, как «добрый к другим», «гостеприимный», «сочувствующий», которые могли бы вполне относиться и к людям, с которыми респондент противопоставляет себя по национальному или политическому признакам, однако и здесь противоположная группа не получила признания.

Говоря о внешнем влиянии, молодые люди из Боснии и Герцеговины и Северной Македонии среди политических партнеров своих государств назвали Сербию (53%), Россию (50%), Черногорию (40%), Турцию (39%), Германию (27%). В качестве политических оппонентов большинство были определены Албания (77%), США (52%), Греция (50%), Хорватия и Болгария (по 44%), Великобритания (41%). Эти цифры – свидетельство крайне сложных процессов внутри сообществ изучаемых стран, служат косвенными данными сохраняющихся противоречий между правительствами и населением. В частности, несмотря на политику правительства БиГ и СМ по ускоренной интеграции в НАТО (Македония после переименования 6 февраля 2019 г. подписала протокол о вступлении в альянс и 27 марта 2020 года после ратификации заявки всеми странами блока официально стала 30-й страной НАТО), большинство респондентов главными политическими оппонентами назвали именно членов этого военно-политического блока.

В вопросе о прошлом государства, на которое следовало бы ориентироваться, подавляющее большинство респондентов отметили, что больше всего гордятся героическими страницами истории (71%). Очевидно, что вспоминали они прежде всего борьбу с османским владычеством, а также исторические вехи «общего» государства – королевской и социалистической Югославии. БиГ и СМ возникли как самостоятельные государственные образования в результате разрушения СФРЮ и своей «героической истории», которую бы в равной степени оценивали все проживающие в этих странах народы, у этих стран просто нет. Таким образом, основой современной гражданской идентификации для подавляющего большинства молодежной аудитории выступает не настоящее, а прошлое. Не случайно, оценивая современную политическую ситуацию и меры по формированию гражданской идентичности внутри стран, подавляющее большинство (71%) осудило действия политиков. 27% заявили, что лишь частично поддерживаю инициативы действующих правительств.

Эмпирическое исследование, дополненное глубинными интервью показало, что в БиГ формирование гражданской идентичности характеризуется наложением

трех процессов нациестроительства:

1. конструированием новой нации бошняков, основу которой составляют этнические сербы, принявшие ислам;
2. тяготением к Хорватии как материнскому государству хорватского меньшинства;
3. строительством собственного государства в рамках квазифедеративной единицы БиГ (Республика Сербская) боснийскими сербами, которые все чаще позиционируют себя как «самых правильных сербов».

Идентификационная политика СМ по формированию единой гражданской/политической нации осложняется наличием двух, по сути, автономных и настроенных враждебно по отношению друг к другу национальных сегментов – македонцев и албанцев[256].

Проведенное исследование выявило схожесть позиций и ценностных ориентиров в отношении основ идентичности у молодежи БиГ и СМ. В ходе анкетирования было выявлены два взаимосвязанных тренда, свидетельствующих о идентификационном диссонансе сознания респондентов. С одной стороны, существует образовательно-профессиональная тенденция идентивности. С другой – доминирование негативного тренда групповой идентификации молодежи: противопоставление своей этнической группы внутренним «другим» (этнополитический конфликт внутри государств), а также самоопределение через отрицание внешних «других». Этот вывод принципиальной важности, так как история развития региона не раз подтверждала тезис: «многие масштабные конфликты связаны с противоречивым характером формирования идентичности, и в то же время сами становились акселераторами этого процесса»[257].

Проведенное анкетирование коррелируется с выводами ряда зарубежных

---

[256] Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2. С. 99.

[257] Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т., Шафранец К. Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникационный потенциал // Вестник РУДН. Социология. 2018. № 18 (3). С. 494-495.

исследований. Так, последние и более масштабные в сравнении с проведенными в рамках данной диссертации опросы Фонда им. Ф. Эберта в Боснии и Герцеговине[258] и Северной Македонии[259] выявили разочарованность молодых людей действиями политической элиты своих государств. В БиГ более 50% опрошенных не доверяют политикам и оценивают действия политических институтов как неэффективные. В СМ число недовольных среди молодежи политическим курсом правительства еще выше – 61%. В то же время молодежь стремится к повышению своего присутствия в государственной политике: наблюдается ее высокая вовлеченность в электоральный процесс. Например, в БиГ регулярно ходят на выборы 78%, в СМ – более 80%. Как отмечается в исследованиях немецких коллег, этнический фактор до сих пор играет одну из определяющих ролей при выборе политических предпочтений и построении социальных связей (семья, друзья, место работы), хотя молодые люди уже не так явно объясняют систему своих убеждений этническим национализмом, как это было в исследованиях прошлых лет.

Согласно матрице идентичности Д. Петровича[260], ответы респондентов глубинных интервью можно свести к следующему: основная проблема построения гражданской идентичности, по мнению экспертов БиГ и СМ, в рассматриваемых кейсах относится к «сфере экономических отношений» (в матрице Петровича она занимает второе место, но на практике выходит на первый план по сравнению со «сферой межличностных отношений»). Эксперты в проведенных автором интервью единогласно указывали на то, что сложное экономическое положение двух стран, высокий уровень безработицы, коррупция не только не способствуют внедрению политических инициатив по решению этнополитических конфликтов и укреплению гражданского общества, но и мотивируют политиков использовать этническую повестку в своих лозунгах, поскольку они не могут предложить электорату идеи из «сферы политических отношений» или из «сферы культурных

---

[258] Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019. URL: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf

[259] Youth study North Macedonia 2018/2019. URL: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf

[260] Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta, Anatomy of identity: theoretical approach to identity // Etnološka istraživanja. 2006. № 11. S. 213-232.

отношений» ввиду невозможности их финансирования (см. приложения).

Несмотря на дотации ЕС, отдельных западных стран и наднациональных структур, регулярные доклады международных организаций о состоянии гражданского общества, несовершенстве государственных институтов БиГ и СМ и непрозрачности политических процессов, для политиков двух стран, по словам экспертов, единственная стратегия зарабатывания электоральных очков – объединение избирателей против «внутреннего другого» через активизацию этнической, религиозной и культурной идентичностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что решение этнополитических противоречий связано с экономикой двух стран. Однако ответ на вопрос: «возможно ли построить эффективную политическую систему в разделенном обществе, где граждане не ощущают себя частью одной страны и не заинтересованы и в успешном взаимодействии друг с другом?», – все еще остается открытым. В этом контексте формирование устойчивой гражданской идентичности, включающей и адаптирующей для «других» историю и культуру населяющих страну народов (в нашем случае – БиГ и СМ), можно рассматривать как фактор преодоления этнополитической конфликтности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью настоящей работы был анализ содержания процессов формирования гражданской идентичности в государствах с «замороженными» этнополитическими конфликтами на примере Боснии и Герцеговины и Северной Македонии, а также выявление роли идентитарных факторов в преодолении/усилении культурно-исторической и политической конфликтности, в основе которой лежит понимание национальной принадлежности.

Результаты исследования обнаружили, что понятие «гражданская идентичность» позволяет поставить в центр аналитического внимания мотивацию индивидуального выбора в социально и политически обусловленном контексте. К важным результатам концептуализации идентичности можно отнести тот факт, что категориальные прилагательные «национальная», «гражданская», «политическая», «этническая», относящиеся к идентичности, наполнились смысловым содержанием. Множественная, многосоставная идентичность стала символом современности. При этом идентичность была и остается, по выражению З. Баумана, в высшей степени состязательным термином. Ученый уточнял: где бы ни употреблялось это слово, можно быть уверенным, что речь идет о борьбе. «Поле битвы – это родной дом идентичности. Идентичность приходит в жизнь в грохоте битвы, и она задремывает и становится безмолвной, когда битва стихает»[261].

Идентичность как базовая характеристика современного общества занимает не только важное место в научном дискурсе, но и самым непосредственным образом сопряжена с практической политикой. В процесс формирования идентичности «снизу» и «сверху» вовлечены общественные и государственные институты, что при внимательном и деликатном обращении с данным предметом обеспечивает уникальность и целостность конкретного сообщества, его «самость». В сложносоставных, гетерогенных и потому потенциально конфликтных обществах проблема идентивности ощущается особо остро.

[261] Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge: Polity Press, 2004. P. 77.

Идеально типичный (в веберовском понимании) пример таких сообществ – Босния и Герцеговина и Северная Македония.

Проведенный сравнительный политических анализ убеждает в том, что будущее Балкан в целом и изученных кейсов Боснии и Герцеговины и Северной Македонии в частности неразрывно связано с политикой в области примирения этнических групп, а также с отходом от политизации этнической идентичности.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

✓ На основе обобщения имеющихся научных достижений в сфере политических наук был проанализирован феномен гражданской идентичности;

✓ Были исследованы существовавшие в разные исторические периоды в границах современных БиГ и СМ формы гражданской идентичности;

✓ Проведен сравнительный анализ режимов и моделей гражданства Боснии и Герцеговины и Северной Македонии;

✓ Идентифицированы и систематизированы основные требования, цели и устремления субъектов политического процесса в БиГ и СМ, а также внешних акторов, влияющих на формирование гражданской идентичности в данных странах;

✓ Определены эффективные инструменты политики создания гражданской идентичности в изученных странах;

✓ На основе сравнительного анализа процессов формирования гражданской идентичности в БиГ и СМ выявлено общее и особенное данных процессов с позиции преодоления этнополитических конфликтов.

Таким образом, главная цель диссертации, заключающаяся в определении содержания и изучении факторов формирования гражданской идентичности в государствах с «замороженным» этнополитическим конфликтом, достигнута.

Отдельно следует отметить, что в диссертации доказана роль этнического инжиниринга. Положенный в основу режимов гражданства БиГ и СМ он остановил лишь острые фазы этнополитических конфликтов в странах, но не разрешил их. Напротив, активизация этнической повестки в постконфликных фазах развития

изучаемых кейсов привела к состоянию разделенного общества, при котором граждане стран, принадлежащие к разным этническим группам, отказываются от взаимодействия не только на политическом уровне, но и в повседневной жизни.

Таким образом, главной задачей для политиков БиГ и СМ должно стать позитивное совмещение гражданской и этнической идентичностей: принципы исключения и противопоставления себя внутреннему «другому» должны быть заменены интегративными идеями общей гражданской идентичности. В идеале существующая на локальном уровне практика вовлечения представителей разных этнических групп во взаимодействия в рамках разных социальных институтов должна быть расширена до государственного уровня.

Среди основных факторов, влияющих на формирование гражданской идентичности в выбранных странах, в ходе работы были выделены: социокультурный (религия, язык, историческая память), экономический, правовой (в первую очередь, режимы гражданства и состояние прав человека), политический и международный (вмешательство внешних игроков во внутренние дела БиГ и СМ). Как было показано в диссертации, на данном этапе они носят деструктивный характер, являясь основанием для выделения внутренних «других» в обществе. Однако и в Боснии и Герцеговине, и в Северной Македонии есть потенциал для созидательного действия вышеназванных факторов, что может стать реальным основанием для преодоления этнополитической конфликтности.

Проведенный сравнительный анализ процессов формирования гражданской идентичности в БиГ и СМ позволил разработать рекомендации по возможному преодолению этнополитических конфликтов в БиГ и СМ через процесс нациестроительства. В частности, было доказано, что при наложении теоретических рамок режимов гражданства К. Йоппке[262], А. Винера[263], Р.

[262] Joppke Ch. Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity // Citizenship Studies. 2007. № 11(1). P. 37-48.
[263] Wiener A. Citizenship Policy in a Non-State, Implications for Theory // A conference paper, 2nd ECSA World Conference on Federalism, Subsidiarity and Democracy in the European Union, Brussels, May 1994.

Баубока[264] и Р. Беллами[265] на исследуемые кейсы «гражданская идентичность»/ «ощущение принадлежности»/«практики гражданского участия» выходят на первый план по сравнению с юридическими и политическими параметрами. В связи с этим можно сделать вывод, что формирование гражданской идентичности в изучаемых странах является основным инструментом преодоления этнополитической конфликтности, который политические и гражданские институты БиГ и СМ могут и должны использовать.

Обобщая результаты исследования, можно выделить четыре группы факторов формирования гражданской идентичности как способствующих, так и препятствующих преодолению этнополитической конфликности.

I. *Социально-экономические*. Слабая экономика, устаревшая материально-техническая база, недостаток средств и инвестиций, высокий уровень коррупции и кумовства препятствует формированию климата здоровой, независящей от этнонациональных пристрастий рыночной конкуренции. Действующие экономические модели в изученных странах является примерами этнократии, где социально-экономическое положение населения, доступ к финансовым потокам и государственным заказам напрямую зависит от принадлежности к той или иной национальной группе.

II. *Политико-правовые.* Существующие в БиГ и СМ режимы гражданства скорее закрепляют межнациональное деление, чем способствуют его преодолению. Используемые при формировали политических институтов элементы консоциативной модели демократии также не являются обнадеживающими для преодоления этнополитической конфликтности, а скорее закрепляют национальные границы.

III. *Историко-культурные.* Богатая и сложная история региона, включенность в политические и культурно-религиозные рамки империй и влияние

---

[264] Baubock R. Recombinant Citizenship // M. Kohli and A. Woodward, eds. Inclusions and Exclusions in European Societies, L.: Routledge, 2001. P. 38-58.

[265] Bellamy R. et al. Lineages of European citizenship: rights, belonging and participation in eleven nation-states. L.: Palgrave, 2004. P. 9.

идеологических конструкций – все это за века существования народов БиГ и СМ заложили трудно преодолимые межнациональные границы, что является на данный момент непреодолимым препятствием формирования устойчивой гражданской индентичности и преодоления этнополитической конфликтности.

IV. *Интересы внешних игроков.* Роль внешних субъектов, поддерживающих одну этническую группу (в БиГ это, прежде всего, боснийские мусульмане, в СМ – албанцы), в целом ряде случаев оказывает дестабилизирующее влияние на процесс формирования устойчивой гражданской идентичности и преодоления этнополитической конфликтности. В частности, проведенное исследование показало, что институт Высокого представителя в Боснии и Герцеговине нуждается в реформировании в сторону сокращения имеющихся полномочий, а в идеале – в их прекращении. В Северной Македонии необходима модернизация положений Охридской конституции.

На основании вышесказанного можно сделать еще один важный вывод: процесс нациестроительства Боснии и Герцеговины и Северной Македонии менее успешен с точки зрения внешних факторов построения гражданской идентичности: зависимость от международного сообщества и иностранного капитала делает данные страны для ведущих акторов глобальной политики плацдармом для демонстрации политических интересов, а не суверенными государствами. Однако именно внутренний раскол общества по этническому принципу мешает гражданскому сообществу в обоих случаях отказаться от внешнего протектората и взять процесс государственного строительства в свои руки. Только устойчивая принимаемая и одобряемая всеми членами общества гражданская идентичность способна стать фактором успешного преодоления этнополитической конфликтности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Балканское расширение: Северная Македония стала 30-м членом НАТО // RT на русском [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/730624-makedoniya-nato-armiya
2. В Скопье рассказали, когда настроены решить с Грецией проблему наименования // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20180108/1512234695.html?inj=1
3. В Скопье рассказали, когда настроены решить с Грецией проблему наименования // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ria.ru/20180108/1512234695.html?inj=1
4. Гуськова Е.Ю. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. В 3-х тт. – М.: Индрик, 2000. – 496 с.
5. Доклад МИД России «О ситуации с правами человека» // Посольство Российской Федерации В Боснии и Герцеговине. 26.02.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bih.mid.ru/ru/press-centre/news/doklad_mid_rossii_o_situatsii_s_pravami_cheloveka_20200226/
6. Закључни Извјештај Независне међународне комисије за истраживање страдања Срба у Сарајеву у периоду 1991-1995. године. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.incomfis-sarajevo.org/wp-content/uploads/Concluding-report-Serbian-Srpski.pdf
7. Закон за државјанството на Република Македонија („Службен весник на Република Македонија“ бр. 67/1992; 8/2004; 98/2008; 158/2011 и 55/2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5aabca124
8. Закон за правата на заедниците кои се помалку од 20% од населението во Република Северна Македонија, Службен весник на Република Македонца, 18/2020 од 27.01.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://dejure.mk/zakon/zakon-za-pravata-na-zaednicite-koi-se-pomalku-od-20-od-naselenieto-vo-republika-severna-makedonija
9. Конституција на Република Македонија од 1991. Службени весник на Република Македонија. Skopje, 1991.
10. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии (Принята Союзной Народной Скупщиной 7 апреля 1963 г.) / Перевод с сербско-хорватского языка Д.А. Севьяна. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. – 168 с.
11. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Белград, «Борба», 1974.
12. Македонцы провалили явку. Но страна продолжит путь в НАТО и ЕС // Коммерсантъ. 2018. №179. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3758177
13. Рамковен Договор, 13 август 2001 // Службен Весник на РМ. 2001. № 50.
14. Референдум поделил Македонию // РИА Новости. 08.11.2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20041108/727615.html?chat_room_id=727615
15. Сейдич и Финци против Боснии и Герцеговины (Sejdic and Finci v. Bosnia and Herzegovina): Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 22 декабря 2009 года (жалобы NN 27996/06, 34836/06).
16. Статистички годишник на РМ. Скопје: Државен завод за статистика на РМ, 2005.
17. Census of Population, Households and Dwellings 2002, Book XIII: Total population, households and dwellings. According to the territorial organization of The Republic of Macedonia, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stat.gov.mk/PrikaziPoslednaPublikacija_en.aspx?id=54
18. Census of population, households and dwellings in Bosnia and Herzegovina, 2013 - Final results, Agency for statistics of Bosnian and Herzegovina, 1st of July 2016.
19. Commission of the European Communities, 2020, North Macedonia 2020 Progress Report.
20. Coronavirus: Macro-financial assistance agreement provides for €80 million disbursement to North Macedonia. European Commission - Press release. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_1343

21. European Commission against Racism and Intolerance. „Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle)“. 2010.
22. European Commission against Racism and Intolerance. „Report on the 'Former Yugoslav Republic of Macedonia' (fourth monitoring cycle)“. 2016.
23. Evropska komisija za demokratiju, Mišljenje o ustavnoj situaciji u Bosni i Hercegovini i o ovlašćenjima visokog predstavnika, Venecija, mart 2005: 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.venice.coe.int/docs/2005/CDL-AD(2005)004-e.pdf
24. Final agreement for the settlement of the differences as described in the United Nations Security Council resolutions 817 (1993) and 845 (1993), the termination of the Interim Accord of 1995, and the establishment of a strategic partner-ship between the parties. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://s.kathimerini.gr/resources/article-files/symfwnia-aggliko-keimeno.pdf.
25. Government of the Republic of North Macedonia: Q&A on Prespa Agreement, published on 23.02.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vlada.mk/node/16897?ln=en-gb
26. Human Rights Watch/Helsinki: Denying Ethnic Identity, the Macedonians of Greece. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hrw.org/legacy/reports/pdfs/g/greece/greece945.pdf
27. Macedonia. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pop-stat.mashke.org/macedonia-ethnic-loc2002.htm
28. Sven Petke, Suljo Ćorsulić. "Future as a duty" – the High Representative for Bosnia and Herzegovina. Konrad-Adenauer-Stiftung Office in Bosnia and Herzegovina. Февраль 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kas.de/documents/252038/10987758/%27Future+as+a+duty%27+%E2%80%93+the+High+Representative+for+Bosnia+and+Herzegovina.pdf/9640d61d-7446-427f-a2c4-a30917a37bec?version=1.0&t=1613553067718
29. UNHCR Statistics for the Former Yugoslav Republic of Macedonia, August 2009, UNHCR Representation in the FRY of Macedonia, Internal document. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/al.html
30. UNHCR, Regional Bureau for Europe. Citizenship and Prevention of Statelessness Linked to the Disintegration of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, European Series Vol. 3, No. 1; June 1992, Geneve, UNHCR. 1997.
31. Ustav Republike Makedonije, Skupština Republike Makedonije [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sobranie.mk/en/default-en.asp?ItemID=9F7452BF44EE814B8DB897C1858B71FF
32. XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. I. М.: Политиздат, 1971. – 592 с.
33. Youth study Bosnia and Herzegovina 2018/2019. Berlin. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15262.pdf
34. Youth study North Macedonia 2018/2019. Berlin. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/15266.pdf
35. Zakon o državljanstvu Bosne i Hercegovine ("Sl. glasnik BiH", br. 22/2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.paragraf.ba/propisi/bih/zakon-o-drzavljanstvu-bosne-i-hercegovine.html
36. Zakon o državljanstvu Republike Srpske ("Sl. glasnik RS", br.59/2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.paragraf.ba/propisi/republika-srpska/zakon-o-drzavljanstvu-republike-srpske.html
37. Zakon o hrvatskom državljanstvu (pročišćeni tekst zakona NN 53/91, 70/91, 28/92, 113/93, 4/94, 130/11, 110/15, 102/19 na snazi od 01.01.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5ac379b24

Литература на русском языке

38. Абрамов А.В. Функционализм в государственном устройстве: опыт Боснии и Герцеговины // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 172-193.
39. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2001. – 267 с.
40. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Российская цивилизация: обретение идентичности // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – № 10(297). – 2014. – С. 16-27.
41. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
42. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. – М.: Дело АНХ, 2008. – 480 с.
43. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. – 367 с.
44. Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг. – М., 1995. – 160 с.
45. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
46. Арбатова Н. Три измерения постсоветских “замороженных” конфликтов // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 63, № 5. – 2019. – С. 88-100.
47. Аристотель. Категории. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 80 с.
48. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья: Эквенский могильник / отв. ред. Л.А. Файнберг. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 244 с.
49. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л М Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2016. – 474 с.
50. Ачкасов В.А. Взрывающаяся архаичность: традиционализм в политической жизни России. – СПб., 1997. – 170 с.
51. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 4. – 2013. – С. 71-77.
52. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб., 2012. – 232 с
53. Бадью А. Мета-Политика: Можно ли мыслить политику?: Краткий курс метаполитики. – М.: Логос, 2005. – 240 с.
54. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. – 288 с.
55. Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. – 190 с.
56. Барт Р. Драма, поэма, роман // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – То же в сб.: Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 312-334.
57. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. ст. М.: Новое издательство, 2006. – 198 с.
58. Беляев А.Т. Деконструкция номер 1917. Опыт декодирования данных и смыслов. – М.: КМК, 2020. – 263 с.
59. Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс,

1996. – 168 с.
60. Бодрияр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика, 2006. – 269 с.
61. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
62. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М., 2010. – С. 81–86.
63. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // AbImperio. №3. – 2002. – С.61-94.
64. Вебер М. Отношения этнической общности // Журнал социологии и социальной антропологии. Том VII. № 2. – 2004. – С. 8-21.
65. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 440 с.
66. Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 492 с.
67. Вукадинович Дж. Сербия без Милошевича, или по ком звонит колокол? – М.: Европа, 2005. – С. 217-254.
68. Гаман-Голутвина О.В. Проблема мультикультурализма в современной Европе // Вестник МГИМО. №6. – 2011. – С. 16-17.
69. Гваттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Кн. 1. – ЛГУ, 1991. – С. 152-160.
70. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
71. Гибианский Л.Я. Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. – М., 2011. – 588 с.
72. Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока / Отв. ред. Л. М. Ефимова, Л.Б. Алаев. – М., 1999. – 216 с.
73. Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 280 с.
74. Горовиц Д. Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. № 2. С. 30–37; № 4. С. 49–54; № 6. – 2007. – С. 35–41.
75. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. – М., Наука, 2003. – 764 с.
76. Гудков Л.Д. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах / Куда идет Россия? – М., 1996. – 318 с.
77. Гуськова Е.Ю. Босния и Герцеговина в геополитических планах великих держав: От аннексии до протектората. – Баня-Лука: АНУРС, 2009. – С. 161–174.
78. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М.: Русское право/Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
79. Гуськова Е.Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.). – М.: РАН ИНИОН, 1998. – 68 с.
80. Гуськова Е.Ю. Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990–1993). – М.: Славянская летопись, 1993. – 504 с.
81. Делез Ж. Логика смысла. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
82. Деррида Ж. Позиции. – М.: Академический проект, 2007. – 160 с.
83. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Ин-т «Открытое общество», 1994. – 304 с.
84. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. – М.: Ин-т социологии РАН, 2008. – С. 214-228.

85. Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России. – М.: Ин-т социологии, 1998. – 385 с.
86. Дробижева Л.М. Социология межэтнической толерантности. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003. – 222 с.
87. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. №. 4. – 2010. – С. 122-134.
88. Едемский А.Б. Конфликт исторической памяти на периферии Евросоюза: хорватский праздник VS сербский траур // Между Брюсселем и Москвой. – М., 2016. – С. 299–324.
89. Едемский А.Б. Неоосманизм как реальность современной геополитики // Проблемы национальной стратегии. № 2 (11). – 2012. – С. 204-208.
90. Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // ПОЛИТЭКС. Т.16. № 1. – 2020. – С. 78-100.
91. Ешич М. Сербы на Балканах в прошлом и настоящем. Размышления о судьбах одного из современных славянских этносов. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 360–387.
92. Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. – М.: Наука, 2006. – 367 с.
93. Идентификация идентичности: этнополитический ракурс. Т. 2. – М., 1998. – 448 с.
94. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. / Отв. ред. И.С. Семененко. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 471 с.
95. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
96. Иордан М.В. Этническая идентичность в контексте техногенной цивилизации: (Методологический подход) // Социальная теория и современность. – М., 1993. Вып. 12. – С. 26-32.
97. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с.
98. Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
99. Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. – М.: Индрик, 2003. – 96 с.
100. Кандель П.Е. Злоключения «суверенитета» на Балканах // Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран / отв. ред. В. Б. Белов. – М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2018. – 204 с.
101. Карлов В. В. Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. – М., 2011. – С. 469-473.
102. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его этнологические аспекты // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 14-44.
103. Колосков Е. А. Страна без названия: Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. – 276 с.
104. Колосов В.А. «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // Полис. № 3. – 1998. – С. 95-106.
105. Крылов М.П. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 147-153.
106. Кудрявцев И.Е. «Национальное Я» и политический национализм // Полис. № 2. – 1997. – С.77-94.
107. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный Текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. № 4. – С. 349-365.

108. Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. – С. 45-54.
109. Кудряшова И. В. Мусульманская идентичность и современная политика // Мировой порядок - время перемен / Под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. – М. : Аспект Пресс, 2019. – С. 152-167.
110. Кудряшова И.В. Этнополитический конфликт. Статья энциклопедии [Электронный ресурс] // Фонд знаний "Ломоносов". 2010. Режим доступа: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131918.
111. Кузьмичева Л. В. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и Сербия // Славянский альманах. 1997. №1996. – С. 68-86.
112. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
113. Лапкин В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3. – С. 40-47.
114. Лапкин В.В. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2012. – С. 16–41.
115. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии: учебное пособие. – М., 1999. – 271 с.
116. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 287 с.
117. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд. – М.: Госиздат, 1963. Т. 12. – С. 99-105.
118. Лещиловская И.И. Исторические корни югославского конфликта // Вопросы истории. 1994. № 5. – С. 40–56.
119. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия // Полис. 1997. № 5. – С. 9–30.
120. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. – СПб.: Алетейя, 2001. – 160 с.
121. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.
122. Литаврин Г.Г. Этносоциальная структура славянского общест-ва в эпоху поселения на Балканах (VI—VII вв.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
123. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Он же. Соч.: В 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
124. Лысак И.В. Идентичности: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: 2017. №38. – С. 131-138.
125. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 1. – С. 6-21.
126. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 544 с.
127. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1952. – 907 с.
128. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М., 2011. – 664 с.

129. Мелешкина Е. Ю., Помигуев И. А. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idei-natsionalizma-i-yugoslavizma-v-politicheskom-diskurse-serbii
130. Мелешкина Е.Ю. Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии // Русин. 2019. № 58. – С. 306-321.
131. Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999. – С. 126-137.
132. Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856-1875 гг. – М., 2019. – 432 с.
133. Месич С. Как развалилась Югославия. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 394 с.
134. Миненков Г. Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. 2005. № 3. – С. 21-28.
135. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. – С. 56-77.
136. Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки. Сб. ст. – М. : Ин-т славяноведения РАН. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 336 с.
137. Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. 2020. № 3. – С. 78-92.
138. Научные исследования в области этничности, межнаци- ональных отношений и истории национальной политики / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 315 с. URL: https://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=376
139. Никифоров К.В. Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812-1912-2012. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – 512 с.
140. Никифоров К.В. Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII-XX вв. – Ставрополь, 2015. – 190 с.
141. Никифоров К.В. Переформатирование этнического пространства бывшей Югославии в 90-е годы XX в. // Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. – СПб.: Наука, 2009. – С. 217-231.
142. Никифоров К.В. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
143. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
144. Носкова А.В. Когда заканчивается толерантность и начинается мигрантофобия [Электронный ресурс] // Демографические исследования. – 2011. - № 11. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1860
145. Носкова А.В. Этносоциология: Учебное пособие / А.В. Носкова, М.И. Вершинина. – М.: ВУ, 2012. – 183 с.
146. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. – М.: ИМЕМО РАН, 2008. – 152 с.
147. Оносов, А.А., Гаспаришвили, А.Т., Шафранец, К. (2018). Культурная модель русской идентичности: аксиология, семантика и коммуникационный потенциал // Вестник РУДН. Социология,. 2018. № 18 (3). – С. 494-506.
148. Отчет по научно-исследовательскому проекту «Балканские страны: дрейф осколков бывшей Югославии» (Сербия – Македония – Босния и Герцеговина). МГУ. Географический факультет. Москва. 2012. URL: https://istina.msu.ru/download/68073139/1deGmm:wxSOvCCaoll4VI-emRGaRYaOPBU/

149. Пантин В. И., Лапкин В. В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // Полис. 2015. № 5. – С. 75-93.
150. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб: Изд-во Европейского университета, 2020. – 632 с.
151. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы и проблемы. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – 136 с.
152. Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И. Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). – С. 98–119.
153. Пономарева Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // Современная Европа, 2019. № 7. – С. 158-167.
154. Пономарева Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2. – С. 99-124.
155. Пономарева Е.Г. Балканский рубеж России. Время собирать камни. – М.: Книжный мир, 2018. – 320 с.
156. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 – С. 64-76.
157. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1. – С. 69–84.
158. Пономарева Е.Г. Восстание суверенитетов, или какое будущее ждет Европы на фоне глобального кризиса? // Цивилизация и вызовы времени: лекционный курс. – М.: Фонд исторической перспективы, 2017. – С. 227-244.
159. Пономарева Е.Г. Дейтон: ловушки и дилеммы Мирного соглашения // Международная жизнь. 2011. № 2. – С. 114-126.
160. Пономарева Е.Г. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. – С. 86–95.
161. Пономарева Е.Г. Республика Македония: наступление албанского меньшинства // Политическая наука. 2010. № 1. – С. 138-172.
162. Пономарева Е.Г. Сила в правде: к итогам расследования событий в Сараево и Сребренице в период боснийской войны. URL: https://www.fondsk.ru/news/2021/09/08/sila-v-pravde-k-itogam-rassledovania-sobytij-v-saraevo-i-srebrenice-v-period-bosnijskoj-vojny-54415.html
163. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. №2. – С. 32-56.
164. Попадьева Т. И. Религиозный фактор формирования гражданской идентичности в Северной Македонии // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2021. № 10(381). – С. 54-66.
165. Попадьева Т.И. Формирование государственности в условиях этнополитической конфликтности (на примере Боснии и Герцеговины). Дисс. магистра. – М.: МГИМО, 2018. – 81 с.
166. Попадьева Т.И. Языковая политика как инструмент формирования гражданской идентичности: на примере Боснии и Герцеговины // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14(4). – С. 91-106.
167. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 258 с.
168. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. Ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО, 2011. – С. 13-29.

169. Почта Ю.М. Исламский фактор в формировании современной российской государственности // Мировой порядок – время перемен: сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. – С. 140-151.
170. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ. В 10 т. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. – М.: МГИМО-Университет, 2007. –139 с.
171. Психология личности: новые исследования / Под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.
172. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.
173. Регнацкий В. В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-gosudarstvennaya-identichnost-v-rossii-teoreticheskaya-model-izucheniya
174. Рёдер Ф.Г. Откуда берутся нации-государства: Институциональные перемены в эпоху национализма (Реферат) // Политическая наука. 2008. № 4. – С. 105–108.
175. Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI вв. – М.: Институт права и публичной политики, 2002. – 624 с.
176. Романенко С.А., Улунян А.А. Концепции национальной безопасности внешней политики государств Западных Балкан. Преодоление конфликтности и евроатлантические перспективы. – М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2010. – 38 с.
177. Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // ОНС: общественные науки и современность. 1997. № 1. – С. 72-81.
178. Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. 2017. № 5. – С. 54-78.
179. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки// Идентичность как предмет политического анализа / Отв. Ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 8-13.
180. Семененко И.С. Реальность и миражи европейской идентичности // Внутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы / Отв. ред. К. Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН, 2007. – С. 76-96.
181. Семененко И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России / Отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 61-80.
182. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. – С. 40-59.
183. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М., 2007. – С. 116-131.
184. Современная политическая наука: Методология / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 680 с.
185. Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Отв. ред. И. А. Седакова, ред. М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. – М.: Ин-т славяноведения РАН : Индрик, 2021. – 168 с.
186. Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. – М., 1995. – 212 с.
187. Терзич С. Старая Сербия. Драма одной цивилизации. – М.: Вече, 2015. – 480 с.
188. Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение, №5, 2016. – С. 5-22.

189. Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. – 400 с.
190. Третьякова М. Македония-2001: новый виток кризиса. – М.: Индрик, 2021. – 376 с.
191. Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. М., 1999. – С. 87-136.
192. Улунян А. Балканы: между Европейским Сообществом и Россией // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – М.: ИНИОН РАН, 2004. Вып. 2. – С. 8-10.
193. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
194. Хенкин С.М. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. – М.: МГИМО. 2011. – 380 с.
195. Хенкин С.М. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. 2015. № 2. – С. 137-155.
196. Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Демоскоп Weekly. 2016. № 679-680. – С. 61-66.
197. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). – М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004. – 632 с.
198. Чагилов В.Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. – М., 1999. – 252 с.
199. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – СПб: Алетейя, 2002. – 480 с.
200. Шарый А. Балканы. Окраины империй. – М.: КоЛибри, 2018. – 448 с.
201. Шемякин А.Л. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом»// Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. – М., 2016. – 408 с.
202. Шимон Д. Сербия в современном мире: проблемы рыночной трансформации и их истоки. 1990-2019 гг. – Palmarium Academic Publishing. 2021. – 244 с.
203. Шмелев Б.А. Причины распада СФРЮ // Балканы между прошлым и будущим. – М., 1995. – С. 28–41.
204. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. – С. 14–22.
205. Эмерсон М. Экзистенциональная дилемма Европы. // Вестник Европы. 2005. № 15. – С. 76-87.
206. Энтина Е.Г. «Ничья земля» Босния: что день грядущий нам готовит // Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. 2016. Т. 9. № 3. – С. 193-203.
207. Энтина Е.Г. Балканы вчера и завтра // Современная Европа. 2016. № 1. – С. 37-44.
208. Энтина Е.Г. Особенности и пределы интеграционной политики ЕС в Юго-Восточной Европе (на примере государств пост-югославского пространства). Дисс. д. полит. н. – М., 2020. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/stories/diss/entina/1.pdf
209. Энтина Е.Г., Коновалова Н.А. Переходные общества сквозь призму «греческой болезни» // Современная Европа. 2017. № 3. – С. 62-71.
210. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
211. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 651 с.
212. Этнос и этносы. Манифест этнологов. – М.: IFECAS, 2012. – 42 с.

213. Югославия в XX веке. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.

Литература на иностранных языках

214. Божиновски В., Николовски М. Употреба на Религија во Политички Кампањи. – Фондација Конрад Аденауер, 2020. – 46 с.
215. Веселиновић Р. Преглед историје цркве у Старој Србији и Маведонији од 1766 до 1919 године. Српска Православна Црква 1219–1969. – Serbian Orthodox Church. Belgrade, 1969. XXX p.
216. Дедијер В. Демографска статистика 1991. – Београд, 1993. – 130 с.
217. Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. – Београд: Просвета, 1989. – 842 с.
218. Илиевски Д. Смислата на некои отпори против автокефалијата на Македонската православна црква. – Скопје, 1970. –207 с.
219. Јевтић М. Од Исламске декларације до верског рата у БиХ. Друго допуњено и измењено издање. – Прњавор. 1995. – 250 с.
220. Јевтић М. Политикологија религије Центар за проучавање религије и верску толеранцију. – Београд, 2009. – 528 с.
221. Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Отв. ред.: С. Рудич, К.В. Никифоров. – Белград: Donat Graf, 2018. – 374 с.
222. Силић П. У крвавом кругу: Тито и распад Југославије. – Београд, 1993. – 402 с.
223. Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.) / Отв. ред. С.И. Данченко. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2020. – 526 с.
224. Слијепчевић Ђ. Македонско црквено питање. – Минхен, 1969.
225. Слијепчевић Ђ. Питање Македонске православне цркве у Југославији. – Минхен, 1959.
226. Снегаров И. История на Охридската архиепископия, в 2. т. (от основания до ликвидации в 1767 г.). – София: Академично издательство проф. Марин Дринов, 1995. –368 с.
227. Стојановић Р. НАТО нећемо победити на суду // НИН. 12.08.2004. – С. 24–25.
228. Ћосић Д. Промене. – Нови Сад, 1992. – 313 с.
229. Achkoska V. Idejata za “Golema Albanija” i albanizacijata na Zapadniot del na Republika Makedonija // Vest News, 2001, no 248.
230. Alexander S. Church and State in Yugoslavia since 1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 351 p.
231. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 576 p.
232. Anđelić N. Bosna i Hercegovina: između Tita i rata (Bosnia and Herzegovina: the End of a Legacy), – Beograd: Samizdat B92, 2005. – 280 s.
233. Andjelić N. Bosnia-Herzegovina. The End of a Legacy. – London: Frank Cass Publishers, 2003. –228 s.
234. Antonompoulos Paul. Bulgaria Tells Skopje they must Drop Claim there is ‘Macedonian Language' to Join the EU. URL: https://greekcitytimes.com/2020/04/19/bulgaria-tells- skopje-they-must-drop-claim-there-is-a-macedonian-language-to-join-the-eu/
235. Avramov S. Postherojskirat Zapada protiv Yugoslavije. – Veternik: LDI, 1997. – 460 s.
236. Balasz L. Bosnia and Herzegovina: Transition, Times Two. – L'Europe en formation, autumne-hiver . 2008. – P. 99-118.
237. Baldwin J.M. Mental development in the child and the race. New York: Macmillan, 1906. – 477 p.

238. Barbieri S. Interview with Mr. Gjorge Ivanov, President of the Republic of Macedonia, Southeastern Europe, 34. – 2010. – P.87-96.
239. Baubock R. Recombinant Citizenship, In: M. Kohli and A. Woodward, eds. Inclusions and Exclusions in European Societies. – London, Routledge, 2001. P.38-58.
240. Baubock R. The Trade-Off Between Transnational Citizenship and Political Autonomy, In: Th. Faist and P. Kisvisto, eds. Dual Citizenship in Global Perspective: From Unitary to Multiple Citizenship, Houndmills. – Palgrave Macmillan, 2007. – P. 69-91.
241. Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 140 p.
242. Bauman Z. Liquid Modernity. – Cambridge: Polity Press, 2000. – 232 p.
243. Bechev D. Historical dictionary of the Republic of Macedonia. – Lanham, Scarecrow Press, 2009. – 379 p.
244. Bellamy R. Lineages of European citizenship: rights, belonging and participation in eleven nation-states. – London, Palgrave. 2004. – 248 p.
245. Bieber F. Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies: The Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo, In: A. M. Pippidi and I. Krastev, eds. Nationalism after Communism: Lessons Learned. – Budapest/New York, Central European University Press, 2004. – P.231-249.
246. Bringa T. Nationality Categories, National Identification and Identity Formation in "Multinational" Bosnia. – Anthropology of East Europe Review 11 (1 and 2), 1993. – P.80-89.
247. Brown K. The Past in Question: Modern Macedonia and the Uncertainties of Nation. – Princeton, Princeton University Press, 2003. – 301 p.
248. Brubaker R. Ethnicity without Groups. – Cambridge, 2004. – 148 p.
249. Brubaker R. Nationalist politics and everyday ethnicity in a Transylvanian town. – Princeton; Oxford, 2006. – 488 p.
250. Brubaker R. Citizenship struggles in Soviet successor states. – International Migration Review, 26(2) Special Issue: The New Europe and International Migration, 1992. – P.269-291.
251. Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. – Cambridge/London, Harvard University Press, 1994. – 285 p.
252. Brubaker R. Nationalism Reframed, Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge, Cambridge University Press, 1996. – 214 p.
253. Carter R.T., Helms J.E. White Racial Identity Attitudes and Cultural Values / Black and White Racial Identity: Theory, Research and Practice. – Westport; London, 1990. – 262 p.
254. Castels M. Globalisation and Identity. – A Comparative Perspective // Transfer. 2006. № 1. – P. 62–63.
255. Cepreganov T., Shashko Ph. The Macedonian Orthodox Church. Eastern Christianity and the Cold War, 1945-91. – London, Routledge, 2010. – 384 p.
256. Cerutti F. Constitution and political identity in Europe // Postnational constitutionalisation in the enlarged Europe: afoundations, procedures, prospects / Ed. by U. Liebert. – Baden-Baden, 2005. – 21 p.
257. Cerutti F. Towards the political identity of the Europeans: An introduction // A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Vol. 1. – Leuven, 2001. – P. 1-31.
258. Chaney D., Cultural Change and Everyday Life. – Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2002. – 224 p.
259. Cooley Ch. H. Human nature and social order. – New York: Scribner, 1902. – 221 p.
260. Danforth L.D. The Macedonian Conflict: Ethnic Nationalism in a Transnational World. – Princeton, Princeton University Press, 1997. – 296 p.

261. Dautbašić B. Vodič kroz propise o državljanstvu Bosne i Hercegovine. – Sarajevo, Magistrat, 2003. – 125 s.
262. Đinđić Z. Jugoslavija kao nedovršena država. Narodna biblioteka Srbije i Fond Zoran Đinđić, – Beograd, 2010. – 209 s.
263. Easton D. The New Revolution in Political Science. – The American Political Science Review. 1969. – P.1051-1061.
264. Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. – New York: McGraw-Hill, 1969. – 440 p.
265. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. IX . – New York: Basic books, 1973. – 470 p.
266. Gjorgjevski Gj. Nurturing the Culture of Dialogue: A Macedonian Experience. – Interdisciplinary Journal for Religion and Transformation in Contemporary Society, 2020. – P.385-412.
267. Gligorov V. The Economics of Disintegration and Reintegration: The Case of Yugoslavia, In: A. M. Pippidi and I. Krastev, eds. Nationalism after Communism: Lessons Learned. – Budapest/New York, Central European University Press, 2004. – P.83-101.
268. Goati V. Partije i partijski sistemi u Srbiji. – Niš, 2004. – 262 s.
269. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. – New York: Prentice-Hall, 1963. – 147 p.
270. Greenstein F.I. Personality and Politics: Problems of Evidence, Inference and Conceptualization. – Chicago, 1969. – P.38-53.
271. Hayden R. Blueprints for a House Divided: The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. – Michigan University Press, 2000. – 224 p.
272. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca; London, 2005. – 392 p.
273. History of the Macedonian people / Aneta Shukarova ed. – Skopje: Institute of national history, 2008. – 343 p.
274. Ibrahimagić O., Kurtčehajić S. Politički sistem Bosne i Hercegovine. – Sarajevo, Magistrat. 2002. – 507 s.
275. Imamović M. Bosnia and Herzegovina: Evolution of its Political and Legal Institutions. – Sarajevo, Magistrat, 2006. – 429 p.
276. Imeri S. Citizenship: Rule of Law in the Countries of the Former SFR Yugoslavia and Albania: between Theory and Practice. – Gostivar, Association for Democratic Initiatives, 2006. – 309 p.
277. Irwin Z. T. Macedonia since 1989. In: S. P. Ramet, ed. Central and Southeast European Politics since 1989. – Cambridge, Cambridge University Press, 2010. – P. 328-358.
278. Isaković Z. Identity and Security in Former Yugoslavia. – Aldershot, Ashgate, 2000. – 308 p.
279. James W. Principles of psychology. – New York: Holt Rinehart and Winston, 1890. – P. 433-447.
280. Janjić D. Ethnic Conflict Management: The Case of Former Yugoslavia. – Ravenna: Longo Editore, 1997. – 193 p.
281. Jansen S. After the Red Passport: Towards an Anthropology of the Everyday Geopolitics of Entrapment in the EU's „Immediate Outside“. – Journal of the Royal Anthropological Institute, 15, 2009. –P.815-832.
282. Jennings M., Niemi R. The Transmission of Political Values from Parent to Child. – American Political Science Review, 62(1), 1968. – P.169-184.
283. Jevtić M. Islam kao činilac političkog identiteta u bivšoj Jugoslaviji. – Srpska politička misaono, no 3, 2015. – S.171-188.
284. Jevtić M. Political Science and Religion. – Politics and Religion Journal, no 1, 2007. – S. 59-69.

285. Joppke Ch. Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. – Citizenship Studies, 11(1), 2007. – P. 37-48.
286. Jović D. Yugoslavism and Yugoslav Communism: From Tito to Kardelj. In Yugoslavism. Histories of a Failed Idea 1918-1992, ed. D. Djokić. – London: C. Hurst & Co. Publisher. 2003. – S. 157-181.
287. Judah T. Yugoslavia is Dead, Long Live the Yugosphere. – LSEE Papers on South East Europe, London, LSE, 2009. – 54 p.
288. Kapović M. Čiji je jezik? – Zagreb, Algoritam, 2011. – 183 s.
289. Karčić F. Bošnjaci i izazov modernosti: kasni osmanlijski i habsburški period. – Sarajevo, El-Kalem, 2004. – 170 s.
290. Karolewski I. P. Citizenship and Collective Identity in Europe. – London and New York, Routledge, 2010. – 272 p.
291. Keil S. Multinational Federalism in Bosnia and Herzegovina. – Farnham: Ashgate, 2013. – 232 p.
292. Koksal Y. Rethinking Nationalism: State Projects and Community Networks in 19th Century Ottoman Empire. – American Behavioral Scientist, Vol. 51, No. 10, 2008. – P. 1498-1515.
293. Kolekcija intervjua Srpsko-albanski odnosi: Pogled iz Albanije. – Belgrade, ISAC Fond, International and Security Affairs Centre, 2011. – 50 p.
294. Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. – New York, Oxford University Press, 2001. – 392 p.
295. Lampe J.R. The Failure of the Yugoslav National Idea. – Studies in East European Thought 46, 1994. – P.69-89.
296. Lampe J.R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. 2nd ed. – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2000. – 510 p.
297. Lehmbruch G. Consociational Democracy and Corporatism in Switzerland // The Journal of Federalism. Vol. 23. № 2 (Spring), 1993. – P. 43–60.
298. Levi-Strauss C. Anthropologie structurale deux. – Paris: Plon, 1973. – 446 p.
299. Lijphart A. Negotiation Democracy versus Consensus Democracy: Parallel Conclusions and Recommendations // European Journal of Political Research. Vol.41. № 1, 2002. – P.107–113.
300. Loth W. Identity and Statehood in the process of European Integration // Journal of European Integration History. № 6, 2000.
301. Malešević S. Identity as Ideology. Understanding Ethnicity and Nationalism. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 263 p.
302. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. Vol. 15. No. 4. 2009. – P. 653-680
303. Martz J. Comparing Similar Countries. Problems of Conceptualization and Comparability in Latin America // Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance. Ed. by M. Dogan, A. Kasancigil. – Oxford, Cambridge: Blackwell, 1994. – P. 239-259.
304. Matevska D. The relationship between the political and religious elite in contemporary Macedonian society. – Politics and Religion Journal, no 1, 2011. – P. 129-140.
305. Mead G. H. Mind, self, and society. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 439 p.
306. Medvedović D.Federal and Republican Citizenship in the Former SFR Yugoslavia at the Time of Dissolution. – Croatian Critical Law Review, Vol. 3, No. 1-2, 1998. – P. 21-56.
307. Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past / Ed. by Jan-Werner Müller. 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 288 p.

308. Milosavlevski S. Minorities in Macedonia in the Political and Constitutional Acts: From the 1903 Krushevo Manifest to the 2001 Constitutional Amendments, New Balkan Politics 8, 2003. URL: http://newbalkanpolitics.org.mk/napis.asp?id=15&lang=English
309. Miltojevic V. Euro-optimism or euroscepticism: Opinions of students from Serbia, Macedonia and Bulgaria. – RUDN Journal of Sociology. 19, 2019. – P. 222-234.
310. Mitnick E.J. Differentiated Citizenship and Contextualized Morality. Ethical Theory and Moral Practice, Vol. 7, No. 2, 2004. – P. 163-177.
311. Mojzes P. From Crisis to Post-crisis in Macedonia. Occasional Papers on Religion in Eastern Europe 22 (4/2002) – P. 1-6.
312. Muhibić E. Citizenship as Human Right in Bosnia and Herzegovina: Wartime and Current Practice. – Croatian Critical Law Review, Vol. 3, NO.1-2, 1998. – P. 89-98.
313. Nikiforov K.V. Modernization mixed with nationalizm // Balcanica. 2014. №. XLV. – P. 443–451.
314. Nikolić M., Dimitrijević D. Macedonian Orthodox Church (MOC). Former Yugoslav State, Politics and Religion Journal, 2013, no 1. – P. 193-215.
315. Pavlowitch S. K. The Improbable Survivor. Yugoslavia and its Problems 1918 – 1988. London, 1990. – 167 p.
316. Pavlowitch S. K. The Improbable Survivor. Yugoslavia and its Problems 1918 – 1988. – London, 1990. – 167 p.
317. Pearson S. The "National Key" in Bosnia and Macedonia: A Historical Perspective. – Nationalities Papers 43 (2), 2015. – P. 213-232.
318. Perica V. Balkan Idols. Religion and Nationalism in Yugoslav States. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 368 p.
319. Petrović D. Anatomija identiteta: teorijsko problematiziranje identiteta, Anatomy of identity: theoretical approach to identity // Etnološka istraživanja. № 11, 2006. – S. 209-233.
320. Piacentini A. Make Macedonia Great Again – The New Face of Skopje and the Macedonians Identity Dilemma. In Reinventing Eastern Europe – Imaginaries, Identities and Transformations, ed. E. Dogan. – London: Transnational Press London. 2019a. – P. 77-93.
321. Pippidi A. M., Krastev I. eds., Nationalism after Communism: Lessons Learned. – Budapest/New York, Central European University Press, 2004. – 287 p.
322. Popadeva T. Language Policy and Identity: The Case of Bosnia and Herzegovina / Popadeva T., Drazeta B. // Зборник Матице српске за друштвене науке [Matica Srpska Social Sciences Quarterly] – Novi Sad. – 2021. – № 180 (4/2021). – P. 653–668. (In Serbian) – DOI:10.2298/ZMSDN2180653P
323. Popović R. Serbian Orthodox Church. – Belgrade, 2005.
324. Radan P. Constitutional Law and the Multinational State: The Failure of Yugoslav Federalism. – UNSW Law Review 21 (1),1998. – P. 185-203.
325. Ragazzi F., Štiks I. Croatian Citizenship: From Ethnic Engineering to Inclusiveness, in Baubock R., Perchinig B., Sievers W. (eds.), Citizenship Policies in the New Europe. – Amsterdam, Amsterdam University Press, 2009. – 466 p.
326. Ramet S.P. Balkan Babel. The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević. – Boulder: Westview Press, 2002. – 449 p.
327. Ramet S. P., Listhaug O., Simkus A. (eds.) Civic and Uncivic Values in Macedonia. Value Transformation, Education and Media. – New York, NY: Springer, 2013. – P. 26-40.
328. Ramet S. P. The Macedonian Enigma, in: Ramet S. P., Adamovich Lj. S. (eds.) Beyond Yugoslavia: Politics, Economics, and Culture in a Shattered Community. – Boulder, CO: Westview Press, 1995. – P. 211-236.

329. Risse T. The Euro between National and European Identity // Journal of European Public Policy. № 10 (4). August, 2003. – P. 487-505.
330. Sarajlić E. A Citizenship Beyond the Nation-State: Dilemmas of the Europeanization of Bosnia and Herzegovina, CITSEE Working Paper, 2010/09, School of Law, University of Edinburgh, 2010. – 36 p.
331. Sarajlić E. „Conceptualising citizenship regime(s) in post-Dayton Bosnia and Herzegovina", Citizenship Studies, Volume 16, Issue 3-4, 2012. – P. 367-381.
332. Scheppele K. L.'Constitutional Ethnography: An Introduction', in Law & Society Review, Vol. 38, No. 3., 2004. – P. 389-406.
333. Scheppele K. L. Constitutional ethnography: an introduction, Law and Society Review, 38(3), 2004. – P.389-406.
334. Schlesinger Ph. On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized // Social Sciences Information, 1987, Vol. 26. № 2. – P. 219–264.
335. Schopflin G. Liberal Pluralism and Post-Communism, In: W. Kymlicka & M. Opalski, eds. Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. – New York, Oxford University Press, 2001. – P. 109-126.
336. Shaw J, Stiks I. (ur.) Drzavljani i drzavljanstvo posle Jugoslavije. – Clio, Beograd, 2012. – 247 s.
337. Shaw J.S., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey: Volume 2, Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey 1808—1975. – Cambridge, Cambridge University Press, 1977. – 548 p.
338. Shaw, J. and Štiks, I. The Europeanisation of Citizenship in the Successor States of the Former Yugoslavia: an introduction. – CITSEE Working Paper 2010/01, School of Law, University of Edinburgh, 2010. – 31 p.
339. Sisk T. Power-Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. – Washington, USIP Press, 1996. – 176 p.
340. Smilov D., Jileva E. Country Report: Bulgaria, EUDO Citizenship Observatory, 2010. URL: http://eudo-citizenship.eu/docs/ CountryReports/Bulgaria.pdf
341. Somers M. Citizenship and the Place of Public Sphere: Law, Community and Political Culture in the Transition to Democracy, in American Sociological Review, Vol 58. No. 5, 1993. – P. 587-620.
342. Somers M. Rights, Relationality and Membership: Rethinking the Making and Meaning of Citizenship, in Law & Social Inquiry, Vol 9. No. 1, 1995. – P. 63-112.
343. Spaskovska L. In Search of a Demos - Transformations of Citizenship and Belonging in the Republic of Macedonia, CITSEE Working Papers 2010/11. – Edinburgh, University of Edinburgh, 2010. – 38 p.
344. Spasovska M. Interview - Rufi Osmani, Radio Free Europe, 2011. URL: http://www.makdenes.org/content/article/3552358.html
345. Stepan A. Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a «State-Nation» Model as well as a «Nation-State» Model? // Government and Opposition. 2008. № 1. – P. 1–25.
346. Štiks I. A Laboratory of Citizenship: Shifting Conceptions of Citizenship in Yugoslavia and Its Successor States. – CITSEE Working Paper, 2010/03, School of Law, University of Edinburgh. – 168 p.
347. Štiks I. Nationality and Citizenship in the Former Yugoslavia: From Disintegration to the European Integration, South East European and Black Sea Studies, 4, 2006. – P. 483-500.
348. Strath B. A European Identity: to the historical limits of a concept // European Journal of Social Theory. 2003. № 5. – P. 387–401.

349. Studija za regionalen razvoj na Republika Makedonija. – Skopje, Development Fund Publ., 1992. – 78 p.
350. Taylor C. Multiculturalism. – Princeton, Princeton University Press, 1994. – 132 p.
351. The Balkans: Old, New Instabilities / edited by Giorgio Fruscione. 2020. – 137 p. URL: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/balkans-old-new-instabilities-26028
352. Tilly Ch. Political Identities in Changing Polities // Social Research. Vol. 70. № 2, 2003. – P. 605-620.
353. Trobest S. Historical Politics and Historical "Masterpieces" in Macedonia Before and After 1991. New Balkan Politics 6, 2003.
354. Van Den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. – N.Y., 1981. – 318 p.
355. Vankovska B. A Diplomatic Fairytale or Geopolitics as Usual: A Critical Perspective on the Agreement between Athens and Skopje. – OSCE Yearbook 2018. – P.113-134.
356. Waters A. The Truth about the Prespa Agreement, Institute for a Greater Europe. URL: https://www.institutegreatereurope.com/single-post/2019/01/11/The-Truth-about-the-Prespa-Agreement
357. Welsh J.M. A Peoples' Europe: European Citizenship and European Identity. – Badia Fiesolana, 1993. – P. 25-31.
358. Welsh J.M. The Role of the Inner Enemy in European Self-Definition: Identity, Culture and International Relations Theory // History of European Ideas. Vol. 19. № 1/3, 1994. – P. 53–61.
359. White G.W. Nationalism and Territory: Constructing Group Identity in Southeastern Europe. – Lanham, Rowman & Littlefield, 2000. – 328 p.
360. Wiener A. Citizenship Policy in a Non-State, Implications for Theory, A conference paper, 2nd ECSA World Conference on Federalism, Subsidiarity and Democracy in the European Union, Brussels, May 1994.
361. Zagrożenia dla bezpieczeństwa społecznego w Bośni i Hercegowinie. Uwarunkowania – diagnoza – prognozy, Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka. 2018, nr 1. URL: https://repozytorium.ka.edu.pl/bitstream/handle/11315/20670/Bezpieczenstwo_Teoria_i_Praktyka_2018_nr1_Bezpieczenstwo_energetyczne_i_ochrona_srodowiska_klimatu_w_drugiej_dekadzie_XXI_wieku.pdf?sequence=1&isAllowed=y

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений

АВП – Аппарат Высокого представителя в Боснии и Герцеговине
БиГ – Босния и Герцеговина
ГИ – гражданская идентичность
ДПА – Демократическая партия албанцев (Северная Македония)
ДСИ – Демократический союз за интеграцию (Северная Македония)
ЕКРН – Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью
ЕС –Европейский союз
ЗАГС – Органы записи актов гражданского состояния
ЛПМ – Либеральная партия Македонии
МИД РФ – Министерство иностранных дел Российской Федерации
МПЦ – Македонская православная церковь
МС – Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Мирное соглашение)
НАТО – Организация Североатлантического договора
НОА – Национальная освободительная армия
НСДП – Новая социал-демократическая партия (Северная Македония)
ПДП – Партия демократического процветания (Северная Македония)
РС – Республика Сербская
СБ ООН – Совет безопасности Организации Объединенных Наций
СДА – Партия демократического действия (Босния и Герцеговина)
СДС – Сербская демократическая партия (Босния и Герцеговина)
СДСМ –Социал-демократический союз Македонии
СМ – Северная Македония
СМИ – средства массовой информации
СНСД – Союз независимых социал-демократов (Босния и Герцеговина)
СПЦ – Сербская православная церковь
ССА – Соглашение о стабилизации и ассоциации ЕС
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия
США – Соединенные Штаты Америки
УВКБ ООН – Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев
ХДЗ – Хорватское демократическое содружество Боснии и Герцеговины

Экспертные интервью
(концептуальные выдержки)

Июль 2019 года - Надежда Кокотович, директор Брюссельского энергетического клуба, глава европейского представительства компании «НИС»

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Боснии и Герцеговине?

Я бы назвала их провальными. Я бы даже сказала, что, напротив, процессы, направленные на уничтожение единой гражданской идентичности чрезвычайно успешны. Национальные политические партии делают все возможное, чтобы процесс не состоялся. Если ты представитель сербов, то по умолчанию должен быть религиозным, с правой ориентацией, выступать только за традиционные ценности и говорить о страданиях сербского народа в гражданской войне. Иначе ты предаешь своих. Я считаю себя боснийской сербкой, но я также выступаю за сотрудничество с другими этническими группами. И когда я публично об этом высказываюсь, сербы перестают считать меня «своей». Я считаю, что на первом месте должны стоять развитие страны, экономическое процветание, образование. А у нас – коррупция, религиозный радикализм. Например, если ты бошняк и хочешь быть частью правящей элиты, то ты должен обязательно ходить по пятницам в мечеть, поститься во время Рамадана. Это просто религиозный террор. Обожание своих жертв времен гражданской войны - главный столп своей национальной идентичности. У хорватов также присутствуют элементы бытовой ненависти, хотя в связи с тем, что по численности они уступают сербам и бошнякам, это не так заметно в медиа. Также присутствуют и нарративы по поводу хорватских жертв времен гражданской войны, противопоставления себя другим этническим группам на религиозной почве. Часто хорваты высказываются о желании получить паспорт соседней Хорватии и уехать из Боснии, где их притесняют.

2. Как вы думаете, что может стать препятствием на пути к формированию гражданской идентичности в молодых странах Балканского полуострова?

Очень слабая экономика – главное препятствие. Хотя если посмотреть пример Бельгии, там тоже группы отличаются между собой, но для иностранцев – они бельгийцы. А у нас не так именно из-за того, что люди очень бедно живут, у них нет доверия к собственному государству, трудовая эмиграция высока. У людей просто нет надежды, что экономическая ситуация изменится и жизнь в стране станет лучше.

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в БиГ? Чем объяснить их успех?

У меня не совсем прозападные взгляды, но то, что сделали западники, помогает. Благодаря международному сообществу, процессу евроинтеграции, люди смогли вернуть свое имущество после войны. Это позитивный пример. Кроме

того, ввели единую систему выдачи автомобильных номеров, что повысило безопасность граждан, так как сейчас по номеру машины нельзя определить, откуда человек приехал, а значит, не будет прецедентов с погромами машин, как, например, с автомобилями с сербскими номерами в Косово. Сейчас таких инициатив все меньше и меньше. Последние 10 лет западное сообщество проигрывает местным элитам. А сами эти элиты не в состоянии генерировать идеи. Никто уже серьезно не воспринимает инициативы по сближению трех государствообразующих народов. В то же время роль Аппарата Высокого представителя – двоякая. С одной стороны, нам психологически легче, когда есть кто-то, кто сверху может навести порядок. С другой, АВП развивает инфантилизм, так как правящие элиты не берут на себя ответственность. Многие смотрят на Высокого представителя как на воспитательницу в детском саду, которой можно пожаловаться на другого ребенка.

4. По вашему мнению, каково место дискурса идентичности в современном обществе БиГ?

Дискурс идентичности сегодня занимает ключевое место. Потому что идентичность – источник капитала. Если реализовать все решения, которые предлагают те или иные национальные партии – конструкция БиГ просто рухнет. Поэтому сейчас идет активная борьба за идентичность, за отстаивания своего права называться сербом/бошняком/хорватом и в то же время права считать себя гражданином БиГ.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в БиГ? На каких параметрах может быть основано это определение?

В первую очередь это этническая принадлежность, затем религия и результаты гражданской войны, которые весьма противоречивы. Также влияет и югославское прошлое, многие с ностальгией вспоминают то время, потому что в основном люди в БиГ не ощущали такого острого этнополитического конфликта. Были, конечно, и те, кто пострадали от коммунистического режима, однако в основном люди гордятся югославским прошлым: наука, культура, образование, медицина были на высочайшем уровне. Сегодня во всех этих сферах произошел откат. Я думаю, что коммунисты совершили стратегическую ошибку, замалчивая некоторые болезненные темы (сербские жертвы во время Второй мировой и хорватский национализм, к примеру), которые с новой силой обострились во время распада Югославии. Если бы тогда вылечили болезнь, а не симптомы, возможно, мы бы до сих пор жили в Югославии.

Июль 2019 года - Арияна Чишич-Омерович – политический советник, Аппарат Высокого Представителя в БиГ

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Боснии и Герцеговине?

Из моего личного опыта и из перспективы моей профессиональной деятельности я бы сказала, что идея нациестроительства сейчас популярна только среди бошняков, поскольку у них просто нет другого государства. Конечно, есть и

сербы, и хорваты, которые заинтересованы в построении единого гражданского социума в Боснии и Герцеговине, которые устали от войн памяти и которые хотят перемен в стране, однако их мнения практически не слышны в медиапространстве, в то время как политические партии продолжают формировать этническую повестку. На выборы ходят все меньше и меньше людей (не более 50% населения), большинство мечтает об эмиграции, что, конечно, не способствует развитию страны. Кроме того, имеет место и вмешательство других стран во внутренние дела БиГ, что создает дополнительное размежевание среди граждан.

2. На ваш взгляд, что может быть препятствием для создания гражданской идентичности в молодых странах Балкан?

Политическая сцена нестабильна в Боснии. Каждые два года у нас выборы (по сути, выборы в энтитетах и общефедеральные проводятся раз в четыре года, и через каждые два года или одни выборы, или другие). Соответственно, нет периода в стране, когда бы не шла очередная предвыборная кампания, а значит, не звучала бы этнитизированная политическая повестка: насколько дискриминированы в федерации хорваты, или насколько пострадали бошняки во время войны и т.д. Кроме того, поскольку нет согласия среди членов Совета по выполнению Мирного соглашения (куда входит и Россия), а Аппарат Высокого представителя продолжает работу, с одной стороны, помогая налаживать процессы построения гражданской идентичности, а с другой – являясь символом неспособности БиГ самостоятельно решать внутренние конфликты.

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в БиГ? Чем объяснить их успех?

Пока подобные проекты мы можем наблюдать только на уровне взаимодействия энтитетов и пограничных областей. К сожалению, на федеральном уровне таких инициатив нет, а о локальных инициативах даже не говорится в публичном пространстве. Проекты касаются в первую очередь решения насущных проблем граждан: строительство дорог, решение коммунальных вопросов, медицина и образование. Безусловно, такие инициативы не политизированы, что является позитивном примером взаимодействия граждан: ради решения инфраструктурных проблем люди БиГ «забывают» о этнических противоречиях. Существуют и проекты ЕС, направленные на культуру и образование, которые также направлены на развитие гражданской идентичности. Например, к 2024 году Баня Лука (столица сербского энтитета) готовится к участию в конкурсе на звание одной из европейских культурных столиц. В заявке будет представлено несколько культурных проектов, в том числе один из Федерации БиГ. Или, например, Сараево и Восточное Сараево недавно проводили совместную спортивные соревнования для молодежи. Прежде всего это объясняется тем, что несмотря на административное деление субъекты федерации находятся близко друг другу и не представляют большую по охвату территорию с большой численностью населения, поэтому локальное сотрудничество просто необходимо для развития административных единиц энтитетов.

4. Как вы думаете, какое место сегодня занимает дискурс идентичности в обществе БиГ?

Дискурс идентичности, безусловно, обострился после гражданской войны. Я помню, когда столица оказалась в блокаде, никто из моих друзей хорватов и сербов не верил, как и я, что конфликт между тремя мирно сосуществующими этническими группами возможен, что нужно уезжать из Сараево, что скоро мы окажемся по разные стороны баррикад. Сегодня чаще всего дискурс идентичности можно встретить в политике, поскольку и в парламенте, и в государственных институтах на общефедеральном, энтитетском и местном уровнях существуют механизмы для «защиты» интересов государствообразующих народов, что на практике приводит к острой полемике, но при этом препятствует каким-либо изменениям в стране. В обычной жизни люди тоже часто говорят о своей идентичности, но чаще это встречается в моноэтнических районах, где представители других этнических групп могут восприниматься враждебнее, а отличия нарочито подчеркиваться.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в БиГ? На каких параметрах может быть основано это определение?

Я думаю, до сих пор этничность стоит на первом месте и определяет другие критерии: люди не голосуют за партии по их политическим ориентирам, а исключительно потому, что партия представляет их этническую группу: например, хорваты голосуют за партию хорватов. Соответственно, политическая идентификация не идет через определенную идеологию, а исключительно через этничность.

Июль 2019 года - Небойша Савия-Валха – программный директор НПО «Nansen Dialogue Center Sarajevo»

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Боснии и Герцеговине?

Я бы сказал, что они идут крайне медленно, а иногда и вовсе находятся в регрессии. Люди БиГ разочарованы и подчас «возмущены» поведением политиков, они ощущают, что лишены политических и гражданских прав. Мы проводили опросы среди молодежи БиГ, и результаты показали, что при таком негативном восприятии политической жизни неудивительно, что молодые люди мало интересуются политикой и не доверяют ей. Многие не хотят иметь с этим ничего общего, опасаясь «запачкать руки». Соответственно, если у людей нет возможности выражать свою политическую волю, о каком процессе строительства нации может идти речь? Граждане просто не доверяют своему государству.

2. На ваш взгляд, что может быть препятствием для создания гражданской идентичности в молодых странах Балкан?

Основное препятствие – это этнический вопрос. Люди испытывают двойственные чувства по поводу своей этнической принадлежности. С одной стороны, они чувствуют, что обязаны идентифицировать себя с одной этнической группой и религией против своей воли. Причем это происходит и дома, и в школе, и затем продолжается на протяжении всей взрослой жизни. Молодые люди, с которыми мы работали в Фонде, рассказывают, что один из первых вопросов, которые им задают в школе или университете, касается их этнической

принадлежности и религии. Кто-то предпочитает не отвечать, считая это частью своей личной жизни. Другие же опасаются, что их сочтут «предателями», если они отклонятся от ожиданий своей этнической группы, например, если они изменят свою религию.

С другой стороны, люди серьезно относятся к своей этнической принадлежности, особенно если они воспринимают ее как находящуюся под угрозой. Например, на одном из наших семинаров развернулась горячая дискуссия о том, является ли БиГ государством с тремя языками (боснийским, хорватским и сербским), или существует только один язык, который следует признать и преподавать в школ с учетом региональных различий. В то время как молодые боснийцы из Сараево особенно выступали за отмену преподавания на разных языках в школах и выступали за единую учебную программу, некоторые участники из числа этнических боснийских хорватов решительно выступали за сохранение культурного разнообразия: «Я чувствую, что у нас в стране не уважается разнообразие. Нельзя навязать один язык и объединить три, которые у нас есть», - говорил один из представителей хорватской этнической группы.

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в БиГ? Чем объяснить их успех?

Несмотря на высокий уровень критики в отношении «других», мы обнаружили, что многие молодые люди принимают участие в молодежных организациях, становятся волонтерами на мероприятиях, даже если их организуют представители другой этнической группы. Многие из этих мероприятий либо аполитичны, либо выходят за рамки основной политики. Например, молодые люди заинтересованы в работе с пожилыми людьми или в других социальных инициативах, в спортивных и культурных событиях, или они занимаются проблемами окружающей среды. Во всех наших опросах были респонденты, которые хотя бы один раз участвовали в инициативах, объединяющих молодых людей из разных регионов, религиозных или этнических групп, будь то в проектах по научному или культурному обмену, или в конкретных инициативах, направленных на работу по преодолению военного прошлого страны. Все участники получили удовольствие от этого опыта и сочли его ценным. Они также призывали к большему количеству таких мероприятий. Однако, как мы заметили, подобные инициативы часто подвергаются критике и не имеют устойчивого характера.

4. Как вы думаете, какое место сегодня занимает дискурс идентичности в обществе БиГ?

Я думаю, что он занимает не последнее место в головах людей. Так, когда я общаюсь с жителями так называемых «разделенных городов» (Мостар, Нови Травник, Сараево), для них является нормой перемещаться только по одной части города и посещать кафе, которые посещают только люди определенной этнической группы. Люди чувствуют себя в безопасности в «своей» части города. По их мнению, существуют невидимые границы между боснийской и хорватской частью Мостара, например. Часто эти опасения основывались не на конкретных инцидентах или негативном опыте, а на слухах или сообщениях СМИ, которые

являются мощным инструментом развития дискурса идентичности в негативном ключе.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в БиГ? На каких параметрах может быть основано это определение?

В БиГ то, как человек определяет себя, тесно связано с тем, как он видит «других». Данные представления включают региональные различия внутри БиГ или разделение между городом и деревней, при этом люди из сельских районов воспринимаются как отсталые и более радикальные, а городские жители как высокомерные и самонадеянные.

Однако в целом этническая принадлежность остается важным фактором для людей, как с точки зрения того, как они определяют себя, так и того, как они видят других. В БиГ религия, политика и этническая принадлежность тесно переплетаются. Учитывая, что религия является важной частью этнической идентичности, а этническое разделение в значительной степени институционализировано, религия – это не только личное дело каждого. Боснийцы обычно ассоциируются с исламом, боснийские хорваты – с Римско-католической церковью, а боснийские сербы – с Сербской православной церковью. Тот, кто не отождествляет себя с одной из этих трех «основных» религий, может быть легко изолирован, учитывая, что система выстроена вокруг этих этнических/религиозных групп. Считается, что религиозные лидеры занимают сильные политические позиции в своих публичных выступлениях и часто поддерживают определенные политические партии – и, со своей стороны, политические партии ищут их поддержки. Границы, разделяющие политику, этническую идентичность и религию, часто стираются. Многие лидеры политических партий используют религию, чтобы укрепить свой авторитет среди избирателей. Религиозные лидеры оказывают влияние на политику и программы правительства, иногда в ущерб неверующим или приверженцам другой религии.

Август 2019 года - Гордана Силяновска-Давкова – македонский политик, министр без портфеля в правительстве Республики Македонии в 1992-1994 годах; член Венецианской комиссии в 2008-2016 годах, автор множества научных трудов по конституционному праву и политическим системам. В 2017-2018 годах выступала как общественный деятель против закона о расширении употребления албанского языка в республике и против Преспанского соглашения, 16 февраля 2019 года выдвинута партией ВМРО-ДМПНЕ как кандидат в президенты Северной Македонии

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Северной Македонии?

Мы являемся свидетелями сосуществования процессов, которые могут быть реализованы в рамках модели «нация-демос», а также модели «нация-этнос». «Нация - демос» как сумма граждан является плодом французской традиции и относится к гражданству, а «Нация-этнос» - представляет собой плод немецкой традиции, которая основывается на общем происхождении, языке, обычаях,

культуре. Первая концепция трактуется как современная, гражданская, конструктивистская, а вторая – как предмодернистская и исконная. Современные нации на европейской земле возникают во второй половине 18-го века, а также в 19-м веке. Существует различие в формировании «национального государства», потому что в Западной Европе государство предшествовало нации, а в Центральной и Восточной Европе, в рамках Австро-Венгерской и Османской империй, в фазе их распада в результате национальных движений сначала появляются нации, а уже потом рождаются национальные государства. Сегодня, особенно на Балканах, несмотря на богатую литературу о нации как о воображаемом сообществе, на самом деле все еще существуют сильные проявления предмодернистской концепции, поэтому сегодняшнее время иногда напоминает на период после балканских войн.

2. Как вы думаете, что может стать препятствием на пути к формированию гражданской идентичности в молодых странах Балканского полуострова?

Гражданином может быть только сознательный человек, который борется за свои права и за равный статус на ряду с другими гражданами, а не квази-гражданин или пара-гражданин, находящийся в плену и подчиняющийся коллективу. Прежде всего, все балканские государства являются многоэтническими (мултиетнички) обществами. Греция и Болгария имеют этноцентрическую модель, в которой нет ни юридических, ни фактических гарантий и места для прав меньшинств; Сербия, Хорватия и Черногория имеют гражданскую государственную систему с признанными правами меньшинств; Албания формально и юридически разрабатывает модель гражданского государства с ограниченными правами меньшинств, а в Македонии и Боснии и Герцеговине либерально-демократическая модель ограничивается моделью объединения этнических, религиозных и языковых энтитетов. Балканы не могут похвастаться развитым гражданским обществом в условиях отсутствия демократических традиций и консолидации. В условиях и патриархальной политической культуры нет места для развития личности и либерального государства. Этнос, как дополитическое сообщество, не нуждается в конституционной демократии, поэтому индивидуальные права не являются пределом для коллектива, то есть наблюдается продвижение коллективных прав в ущерб индивидуальных. В таких обстоятельствах нет места для верховенства закона (rule of law), но существуют различные формы авторитаризма и популизма. Неоднородный характер балканских государств, т.е. этническая, языковая и культурная неоднородность, в условиях слабого экономического развития и нелиберальных систем держит страны под постоянной угрозой этнических и религиозных конфликтов. Более того, в некоторых балканских странах, таких как Греция и Болгария, которые хотя и являются членами ЕС, меньшинства вообще не признаются: Греция подписала Рамочную конвенцию о защите меньшинств, но не ратифицировала ее, не подписана «Конвенция о региональных языках и языках меньшинств». А Болгария не подписывает оба документа. Европейский суд по правам человека вынес решение в пользу регистрации македонской ассоциации «ОМО Илинден» в Болгарии и

«Виножито» («Радуга») в Греции, но, несмотря на данное решения, Греция и Болгария не признают македонское меньшинство.

Интересным является «процесс конституционной эволюции» понятия меньшинств (малцинствата) в Македонии, от «меньшинство» («малцинство») в документах АСНОМ и Конституции от 1946 года, потом «народ» («народност») в конституциях от 1963 и 1974 годов, потом «национальность» («националност») в Конституции от 1991 года, дальше «сообщество, не являющееся большинством» («заедница што не е во мнозинство») в Рамочном соглашении от 2001 года и поправках к Конституции от 2001 года, до «части албанского, турецкого, ромского, боснийского, влахского и сербского народов» («делови од албанскиот, турскиот, ромскиот, бошњачкиот, влашкиот и српскиот народ») согласно изменением преамбулы к Конституции в 2018 году!

В Преамбуле к Конституции от 1991 года понятие «македонский народ» используется неоднозначно: в историческом контексте относится к созданию македонского государства как нации - этноса, а в современном относится к македонскому народу или нации как демос (группе граждан).

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в СМ? Чем объяснить их успех?

В международном порядке, основанном на силе, а не на законе, нет места для стратегии и политики по предотвращению конфликтов. Частью игры являются двойные стандарты и открытое вмешательство в дела суверенных государств. Мы являемся свидетелями «гуманитарных» интервенций, противоречащих Уставу ООН, осуществляемых без разрешения Совета Безопасности. Роль ООН и превентивной дипломатии была маргинализирована. Даже ЕС не является невинным игроком/актором в кровавой югославской драме. У ЕС не было четкой стратегии для данного региона, и реакция на происходящее всегда запаздывала. ЕС не настаивал на мирном урегулировании роспуска Югославии и не твердо защищал принцип нерушимости границ. Чаще всего в постконфликтных обществах (БиГ, Македония) ЕС жертвовал демократией ради мира, и во имя прагматизма нарушались как национальное, так и международное право.

Международное сообщество продвигало себя в качестве «строителя государств» (state bulider), навязывая неинституциональные решения, хотя оно неоднократно призывало к созданию сильных институтов, а не отдельных людей! Результатом являются неблагополучные, коррумпированные государства с некомпетентными, безответственными политиками, с партизированой администрацией (имеется виду, что в администрацию трудоустраиваются исключительно члены партий правящей коалиции), погруженной в клиентелизм, партократию и этнократию. Под этикетом консоциональной демократии этнопартийные элиты концентрируют в своих руках огромную власть, превращаясь в безответственных консулов, оккупируя экономику в качестве бизнес-политиков и дисциплинируя средства массовой информации. Без демоса нет демократии, а этнократия не является демократической моделью. Во имя интеграции общество геттоизируется по этническому и религиозному признакам. Жизнь происходит в параллельных мирах, пока политические отношения

базируются на политическом торге. Процесс принятия решений блокируется, даже парализуется, а этнические требования радикализируются, угрожая распадом (дезинтеграцией).

4. По вашему мнению, каково место дискурса идентичности в современном обществе СМ?

Вопрос идентичности, пожалуй, является наиболее актуальным в настоящее время, учитывая угрозу македонской идентичности через призму Преспанского соглашения.

Македония после 2001 года продвигает себя как двунациональное государство под давлением албанской этнической группы и международного сообщества, особенно администрации США. Мультикультурный характер страны «забыт», но также «забыто» и предупреждение отца консоциональной демократии Аренда Лейпхарта о том, что модель разделения власти (power sharing model), с точки зрения двунациональной концепции, может привести к игре с нулевой суммой, т.е. к восприятию через призму победителей и побежденных.

Игнорируются лейпхартские указания о необходимости наличия определенных условий для обеспечения успешной реализации консоциональной модели государства: наличие, как минимум, 3 сегментов с равной и неизменной силой, т.е. отсутствие доминирующего сегмента; традиция ведения переговоров; партийные лидеры, которые являются более умеренными, чем обычные граждане; наличие пересечений между различными сегментами, а не просто разрывы; проявление лояльности к государству со стороны сегментов больше чем к этнической принадлежности; маленькое государство ради внутренней взаимозависимости и близких связей друг с другом; богатое государство и консенсус на счет модели! Из всех перечисленных предусловий Македония исполняет всего лишь одно – она является маленьким государством! Скрывается тот факт, что консоциональная модель представляет собой применимую модель лишь в крайнем случае (при необходимости), когда государство находится на грани конфликта, и действует до тех пор, пока отношения не стабилизируются, и тогда государству желательно вернуться на либеральный путь.

Вопреки международным нормам jus cogens в отношении самоопределения и самоидентификации (неотъемлемой частью которых является право каждой нации самой определять свое имя, флаг, герб, конституцию, политическую систему) и вопреки национальному законодательству, в результате Преспанского соглашения изменилось название государства Македония, существующее с 1944 года, чем разрывается связь между названием государства и нации. Произошли массовые изменения в названиях всех учреждений, таких как Македонская Академия наук и художеств, Македонский театр, Македонский балет, Македонская опера с удалением прилагательного. При этом, все изменения несут реакционный характер. В некоторых языках, таких как немецкий, македонская идентичность фактически изменяется посредством грамматики, потому что если Nordmazedonien будет официально написано как составное имя, то будет Nordmazedonier, как македонский народ! Изменение названия государства также отражает изменение личных документов, и оно имеет обратную силу, и в графе национальности вместо

нынешнего (македонского) присутствуют только косые черты, а у новорожденных после вступления в силу Преспанского соглашения указывается всего лишь Республика Северная Македония.

Никогда раньше, ни во время восстания Илиндена, ни во время Второй мировой войны, македонцы не сражались за Северную Македонию! Наш фольклор, наши песни, наши имена неотделимы от названия Македония. К 1988 году в Греции ничего не называли Македонией. Фактически, с 1913 по 1988 год это название было запрещено из-за македонского меньшинства в Греции. Даже было министерство Северной Греции, а в Скопье - консульство Греции в Республике Македония. В результате подписания Преспанского соглашения «не стало» македонского меньшинства в Греции, хотя у всех нас есть родственники в Греции, и к 1926 году все названия в Северной Греции были написаны на «македонском», то есть на «славяноговорящем», а в 1925 году напечатан букварь для «славяно-македонских детей», который так и не дошел до них.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в СМ? На каких параметрах может быть основано это определение?

Македонское общество глубоко этнически и религиозно разделено. Этнический аспект доминирует не только в политике из-за этнических партий, но и в гражданском обществе и даже в экономике. Благодаря Рамочному соглашению и его этно-партийной интерпретации, процесс этницизации распространился даже на судебную систему. Югославская идентичность не укоренилась, потому что Югославия была многонациональной федерацией шести республик и пяти составляющих народов: сербского, хорватского, черногорского, словенского и македонского, а также албанской и турецкой национальностей, что означает этнические группы являлись доминирующими. Политическая идентичность, воплощенная в понятии «Югословены» или югославской нации, была слабо развита. Фактически оказалось, что в условиях отсутствия сильной политической идентичности не удалось достигнуть консенсуса для демократизации федерации, поэтому она раскололась по этническому признаку и распалась.

В положениях Конституции Республики Македонии от 1991 года предусматривается либеральная демократия, то есть нация-демос, а суверенитет исходит от граждан и принадлежит им. Национальностям (синоним для меньшинств) гарантируются права меньшинств в соответствии с международными документами. Но согласно Рамочному соглашению и конституционным изменениям от 2001 года в духе консоциональной демократии этнические сообщества превращаются в конституционную категорию.

В соответствии со статьей 9 Конституции страны, политическая идентичность может быть связана с гражданами как с равными субъектами независимо от этнической, религиозной, гендерной, социальной и иной принадлежности, а также с гражданином как лицом, имеющим личные, политические, экономические, социальные, экологические и другие интересы. Однако я уже отметила, что индивид в Македонии имеет сильного конкурента в этническом сообществе в лице коллектива, а права индивида – сильного конкурента в лице коллективных прав, которые на практике часто превалируют в

ущерб индивидуальных прав человека. Например, конституционной категорией является «справедливая и равная представленность» общин во всех органах государственной власти, что означает, что процент представленности этнических групп в обществе отображается в проценте участия в отправлении власти. Данная практика была бы не плохим решением, если бы не пренебрегала бы экспертизой и компетентностью. Это приводит к установлению практики применения этно-партийного принципа при трудоустройстве в администрации, к коррупции и клиентелизму, что, в свою очередь, приводит к необратимой и целенаправленной эмиграции высококвалифицированных кадров из страны.

Август 2019 года - Иванка Василевска – профессор Юридического ф-та "Iustinianus Primus" Университета „Св. Кирилла и Мефодия“ (Скопье, СМ)

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Северной Македонии?

Нации на протяжении более двух веков определяют современную историю мира. Общий знаменатель наций можно найти в следующих основных элементах: историческая связь, религия, культура, язык и территория. Конечно, нет универсального примера, который бы включал в себя все вышеперечисленные элементы, но то, что остается основой для разговора о нации, в любом случае включает, по крайней мере, два из перечисленных элементов, особенно элементы истории и религии. Они особенно важны, учитывая, что в эпоху интенсивного развития промышленных технологий, во времена глобальных социально-экономических перемен и в момент новых крупных геополитических движений они оказали сильное влияние для выделения секуляризма в качестве одного из основных преимуществ развитых обществ. Конечно, совершенно очевидно, что сегодняшнее понимание так называемой светской эпохи, управляемой разумом и технологиями, становится все более расплывчатым перед лицом растущей тенденции новых конфликтов, а также появления радикальных форм религиозного выражения, которые бросают вызов социальным вопросам, включающим темы сосуществования и религиозную терпимость.

2. Как вы думаете, что может стать препятствием на пути к формированию гражданской идентичности в молодых странах Балканского полуострова?

Прежде всего балканские государства представляют собой набор компромиссов и проекций из прошлого пяти европейских держав после Венского конгресса 1815 года. Для всех наций, которые существуют в этом регионе, характерны территориальные претензии к соседам, а также различные взгляды на историческое прошлое. Не только Республика Македония, но и примеры Боснии и Герцеговины, Черногории, показывают, в какой степени энергии и страсти этих стран могут смешиваться, когда речь идет о принадлежности, обладании или вообще необходимости их существования. Все это, конечно, противоречит

принципам и правилам, на которых строятся нации в результате чего вырастают десятки проблем, с которыми каждая нация сталкивается в отдельности.

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в СМ? Чем объяснить их успех?

Каждый этнополитический конфликт имеет свою специфику, в которой находятся причины, которые его породили. Конечно, мирное разрешение споров в этом смысле с помощью посредничества и других инструментов международной политики в какой-то степени позволило разрешить или, по крайней мере, отложить насильственные последствия, которые могут возникнуть в результате самого конфликта. Горькое чувство оставляет то, что большинство этнополитических конфликтов не имеют окончательного разрешения, и они имеют тенденцию тлеть, пока снова не появится следующая возможность вновь разжечь их. По этой причине это особенно деликатная тема, требующая огромных усилий для того, чтобы держать такие тенденции под контролем.

4. По вашему мнению, каково место дискурса идентичности в современном обществе СМ?

После подписания соглашений с соседней Болгарией и соседней Грецией проблема идентичности македонского народа стала главной темой в македонском обществе. Это одна из наиболее деликатных проблем, связанная с тем, что эти два соглашения насильственно вторгаются и недобросовестно стирают идентичность государствообразующего народа и направлены на то, чтобы стереть существование македонской нации одновременно с разложением и деконструкцией македонского государства. Этот вопрос неприемлем для большинства граждан Македонии и был четко выражен в несостоявшемся референдуме от 30.09.2018.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в СМ? На каких параметрах может быть основано это определение?

В последние годы, особенно после того, как стало ясно, что над македонским народом и над македонским государством проводится уникальный этноцит, существует лозунг, который особенно четко объясняет законную борьбу моей нации, борющейся за сохранение своего права на самоопределение. Он гласит: «Мы не выбрали имя, оно выбрало нас».

Август 2019 года - Гордана Йович Стойковска, президент Сербской Общины в Северной Македонии, писатель, владелец издательства «Letter-love»

1. Как бы вы оценили процессы нациестроительства, происходящие сегодня в Северной Македонии?

Человечеству известно, что любое агрессивное и насильственное введение серьезных изменений вызывает и активирует контрпроцесс. Всеохватывающий, недостаточно продуманый и направленый в пользу элит процесс глобализации приобрел свой контрпродукт в бурном, порой трагическом и фантастическом противнике - сильном движении борьбы за национальное сохранение. Когда речь идет о Балканах (бывшей Югославии), дело доходит до абсурда в результате

серьезных манипуляций со стороны иностранных субъектов, которые для достижения своих целей используют самые негативные и бесчеловечные кампании в средствах массовой информации, прежде всего для ставления под свой полный контроль новых политических субъектов в новообразованых странах. В первую очередь из-за присутствия высокого уровня ксенофобии в обществе, в котором большая часть населения недоразвита в демократическом плане и подвержена стереотипам, используя которые, легко можно манипулировать массами.

Недопонимания, возникающие в гражданском обществе, вызывают конфликтные ситуации, которые по своей природе являются переменчивыми, динамичными, многоцелевыми и очень часто искуственно создаваемыми социальными явлениями. Пиковая точка их разрастания основана на противоречиях и на столкновении интересов. Материальные, эмоциональные и духовные ресурсы являются оружием в руках тех, кто использует их для создания конфликтных ситуаций.

Различия в реализации данных процессов обусловлены историческим контекстом, качеством кампаний в СМИ и уровнем бедности людей, что отражается на их образовательном и духовном росте. Различия снова связаны с одними и теми же факторами и могут доходить до абсурда (языкового, исторического и мифологического).

2. Как вы думаете, что может стать препятствием на пути к формированию гражданской идентичности в молодых странах Балканского полуострова?

Отсутствие концепции, основанной на чистых и ясных позициях, злоупотребление общественным мнением и гражданскими правами со стороны политических (сомнительно демократически избранных) властей, а также вмешательство иностранных субъектов.

Постоянное акцентирование «разнообразия» в бедных обществах является мощным оружием в руках манипулятивной политики, направленной на собственный успех путем обострения и эскалации конфликтов, которые угрожают разрушить существующую систему, тем самым вызывая постоянный страх, что является характерным для политики по созданию ложного или недостаточно основанного на фактах идентитета. Этот процесс особенно силен среди молодых людей, которые получают образование в сомнительных и некачественных институтах и школах.

3. Что вы можете назвать успешными политическими инициативами по разрешению этнополитических конфликтов в СМ? Чем объяснить их успех?

Опыт показывает обратное: нет хороших решений и нет желания по-настоящему разрешать конфликты, особенно в тех обществах, в которых западным фактором неоднократно манипулировали, выставляя условия для принятия данных стран в «свои семьи».

Традиционные модели разрешения международных конфликтов, которые после двух мировых войн были сосредоточены на общем, глобальном конфликте и крупномасштабном конфликте, пренебрегали существованием региональных, экономических, культурных и социальных субъектов в «глобальной деревне», что

в течение последних двух десятилетий 20 века оказалось самой большой ошибкой и результатом серии разрушительных столкновений с огромными последствиями (человеческие жертвы, материальные и, конечно, политические потери).

Создание новых моделей, которые часто основаны на воле сильных, которые создают и реализуют их, всего лишь дополнительно подливает масло и разжигает огонь, потому что коррупция и личный интерес оказались движущими силами всех переговоров, пока справедливого и уважительного отношения к участникам со стороны их менторов не существует.

4. По вашему мнению, каково место дискурса идентичности в современном обществе СМ?

Поразительно. Если мы посмотрим на идентичность в самом общем смысле, политическая идентификация означает чувство принадлежности человека к определенной группе, если такая идентификация влияет на его политическое поведение. Если идентичность подразумевает преемственность, солидарность и терпимость, если она основана на эмоциях и признание ценностей, то политическая идентичность является доминирующей идентичностью над остальными. В нашей стране, где демократические процессы отстают, коррупция нарастает, имеется неадекватная и недостаточно качественная система образования, отсутствует свобода СМИ, в целом плохое социальное положение, гражданские права и законы злонамеренно и своевольно интерпретируются, проблема идентичности становится реальной проблемой, а особенно в контексте Охридского рамочного соглашения, по которому права граждан в соответствии с их этнической принадлежностью должны осуществляться на равной основе.

5. Как бы вы определили политическую идентичность группы/индивида в СМ? На каких параметрах может быть основано это определение?

Очень изменчива, потому что в наших условиях политические тенденции изменчивы, поэтому можно свободно сказать, что в Македонии нет политической, а есть партийная идентичность, и причины этого уже установлены в предыдущих ответах, и среди них важнейшее место занимают социальные.

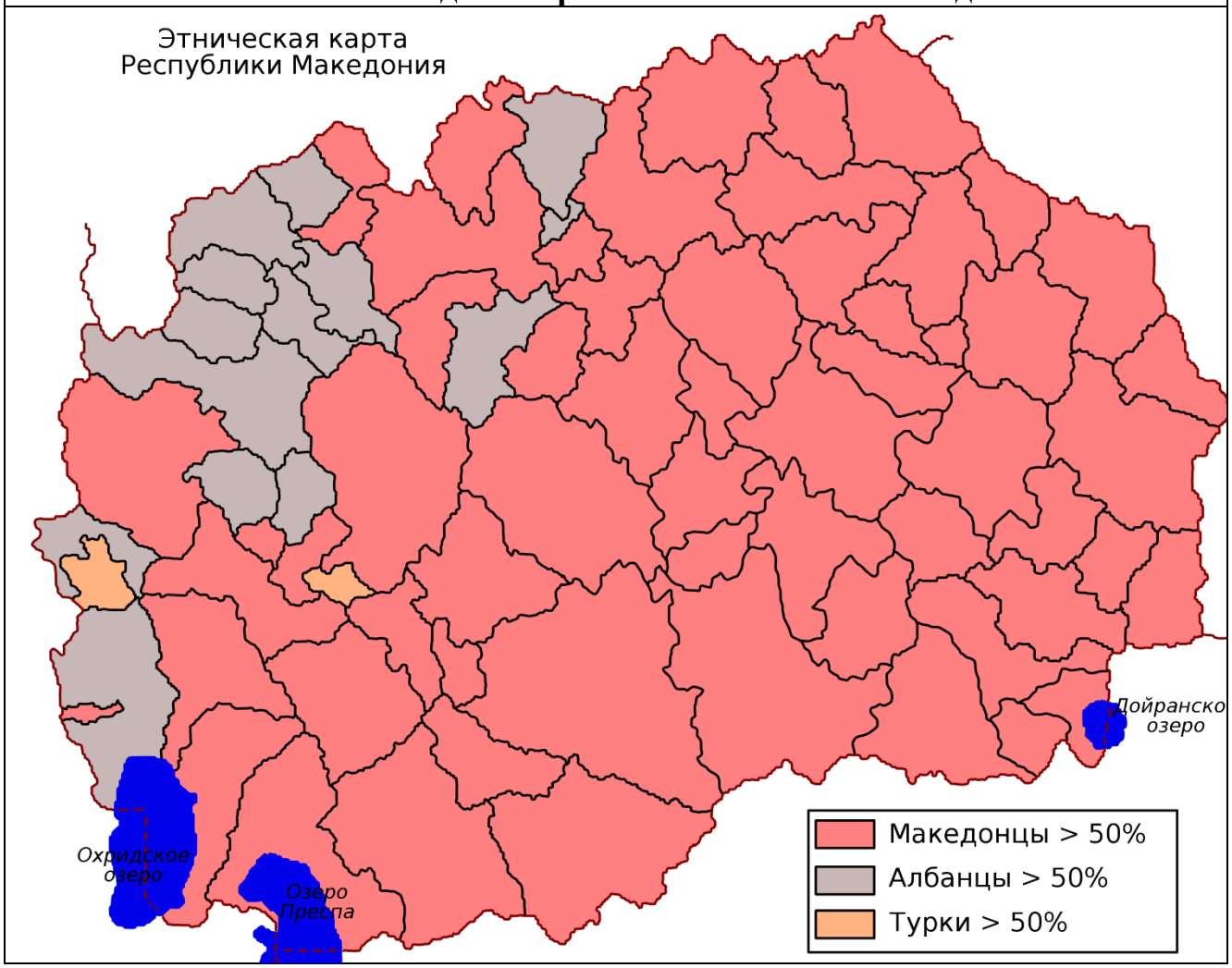
Видимые параметры: трудоустройство по партийной линии; построение судебной системы согласно интересам правящей партии; высокая степень коррупции, которая обуславливает «послушность» партии и отклонение от любого идеологического контекста; в результате распада Югославии потеря доверия к системе и недовольство гражданскими правами.

Этническая карта Боснии и Герцеговины, согласно последней переписи населения 2013 года (с корректировкой 2016 г.)[266]

[266] Темные цвета означают > 50% населения общин; светлые < 50%. Зеленый цвет – бошняки; синий – сербы; оранжевый – хорваты. Census of population, households and dwellings in Bosnia and Herzegovina, 2013. Final results. Agency for statistics of Bosnian and Herzegovina. 1st of July 2016. URL: https://web.archive.org/web/20171224103940/http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvoIzdanje.pdf

Этническая карта Северной Македонии, согласно последней переписи населения 2002 года[267]

[267] Census of Population, Households and Dwellings 2002, Book XIII: Total population, households and dwellings. According to the territorial organization of The Republic of Macedonia, 2002. URL: https://www.stat.gov.mk/PrikaziPosledna Publikacija_en.aspx?id=54